

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 3/98

ISSN 0131 - 2812

Механизм международных
отношений в США

•
Японо-китайские отношения

•
Финансовый кризис в Азии

•
Рынок акций в Китае

•
100-летие Харбина

•
XXI век - век Китая,
век конфуцианства?

2001 01/13

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

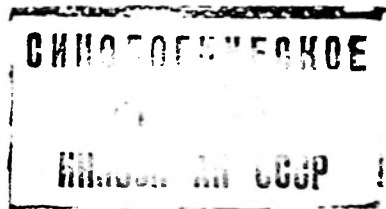
3/98

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

<i>Хон Ван Сук.</i> Динамика соотношения сил и особенности механизмов международных отношений в США.....	3
<i>А.Семин.</i> Японо-китайские отношения в многополярном мире.....	10
<i>Л.Копылова.</i> Человек и экология. Опыт Японии в решении проблем.....	16
<i>К.Кокарев.</i> Формирование политической системы сянганского особого административного района КНР.....	22
<i>Л.Гудошников.</i> Четвертая ревизия конституции на Тайване.....	34
<i>А.Иргебаев.</i> К итогам президентских выборов в Республике Корея.....	41

ЭКОНОМИКА

<i>В.Михеев.</i> Финансовый кризис в Азии и его экономические и политические последствия (окончание).....	46
<i>В.Портяков.</i> Рынок акций в Китае.....	55
<i>Н.Мозиас.</i> Исследование экономических циклов в КНР.....	68
<i>Н.Ноздрев.</i> Правовое регулирование прямых иностранных инвестиций в Японии.....	78
<i>З.Муромцева.</i> Углубление реформы в государственном секторе промышленности КНР.....	86

200 экз.

ИСТОРИЯ

- А.Панцов. Судьба китайского троцкиста97
Б.Пак. Существовал ли в России реальный проект раздела
Кореи на рубеже XIX и XX веков? 108

РУССКИЕ В КИТАЕ

- Л.Чугуевский. 100-летие Харбина 116

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Л.Переломов. А.Ломанов. XXI век - век Китая, век
конфуцианства? 123
Н.Кобозев. Россия и проблемы урегулирования в Корее..... 130

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

- На VI отчетно-перевыборной конференции 132

РЕЦЕНЗИИ

- Я.Певзнер. О.Н.Борох. Развитие китайской экономической науки
в период реформ 134
А.Яковлев. О.Арин. Азиатско-тихоокеанский регион: мифы,
иллюзии и реальность. Восточная Азия: экономика, политика,
безопасность 141
В.Зайцев. В.Е.Петровский. Азиатско-тихоокеанские режимы
безопасности после "холодной войны": эволюция, перспективы
российского участия..... 145
А.Жебин. Ли У Хе, Ким Ен Ун. Белая книга о депортации
корейского населения России в 30-40-х годах. Книга вторая 148
В.Михеев. А.Воронцов. Республика Корея: социально-
экономическая структура и торгово-экономические отношения с
СНГ 151
И.Коркунов. Бони Л.Д. Рынок в китайской деревне (1978-1995)..... 152
В. Петровский. Чой Сеонг-Аэ. Эволюция отношений России с
государствами Северо-Восточной Азии..... 155

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- Вадиму Михайловичу Солнцеву - 70 лет 157

Редакционная коллегия

А.М. Григорьев (главный редактор), Р.М. Асланов, В.Н. Барышников
(заместитель главного редактора), О.Н. Борох, Ю.М. Гарушняц, В.И. Глунин,
Л.М. Гудошников, П.М. Иванов, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов
В.В. Малявин, П.А. Минакир, В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов
Л.С. Переломов, А.А. Писарев, В.Я. Портяков, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин,
Ю.С. Столяров, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь),
В.П. Ткаченко

© Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Политика

Динамика соотношения сил и особенности механизмов международных отношений в Северо-Восточной Азии

© 1998

Хон Ван Сук

В 90-е годы нашего столетия в соотношении сил и в геостратегической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе происходят серьезные изменения. Одним из наиболее заметных направлений этих изменений стало постепенное превращение АТР и, в особенности Северо-Восточной Азии, в один из центров концентрации мировой политики и экономики. Существующий здесь баланс сил становится весомым элементом общемирового геополитического равновесия, существенно влияет на его формирование. Это делает исследование развития стратегической ситуации и динамики международных отношений в СВА актуальным как с научно-теоретической, так и с прикладной точек зрения.

В данной статье автор предлагает свой взгляд на соотношение сил, структуру международных отношений и геополитические особенности в СВА.

Эволюция системы международных отношений в СВА после второй мировой войны

На протяжении длительного исторического периода в регионе существовала лишь вертикальная структура международных отношений, строившаяся по "китаецентристской" модели: от "высшего" к "низшему". Однако слабость китайской империи, провоцируя появление "вакуума силы", привела к изменениям в расстановке и соотношении сил в СВА. Вакуум, образовавшийся в результате разрушения китаецентристских международных отношений, заполнила Япония, которой после революции Мейдзи удалось превратиться в азиатскую державу. В итоге часть СВА к началу 40-х годов нашего столетия находилась под влиянием японских милитаристов, которые стремились сделать регион форпостом для претворения в жизнь идеи "сферы сопроцветания великой Азии".

Между тем США с начала XX в., рассматривая АТР как зону своих геополитических интересов, стали выступать одним из главных субъектов на азиатско-тихоокеанской сцене. Вашингтон, стремясь упрочить собственное влияние на Дальнем Востоке и сдерживать чрезмерное укрепление позиций

других держав, в особенности Японии, активно подключался к формированию новой конструкции взаимоотношений в АТР. Столкновение американских и японских интересов привело в конце концов к японскому нападению на Перл-Харбор, означавшему начало военного противоборства на Тихом океане, которое стало частью второй мировой войны. После поражения в тихоокеанской войне Япония потеряла свое прежнее доминирующее положение в СВА. Ее разгром и развал созданной ею колониальной системы породил "вакуум сил" и привел к новому соотношению сил в регионе.

Как известно, вторая мировая война стала поворотным пунктом в мировой политике. По мере обострения международной напряженности между двумя сверхдержавами, и на Дальнем Востоке начали четко обозначаться очаги и линии военно-стратегического противоборства. Соперничество между Москвой и Вашингтоном за создание сфер своего исключительного влияния привело к созданию противоборствующих лагерей в СВА, так же, как в Европе. Это нашло свое проявление в формировании противостоящих друг другу "треугольников" - "малый северный треугольник" (Москва-Пекин-Пхеньян) и "малый южный треугольник" (Вашингтон-Токио-Сеул). Как следствие регион стал "восточным" фронтом в "холодной войне". Однако на Дальнем Востоке, в отличие от европейского континента, противоборство двух систем сосредоточилось в нескольких "очагах". К их числу относится прежде всего Корейский полуостров, а также Тайваньский пролив и Южно-Курильские острова.

Наиболее важные особенности системы международных отношений в СВА в период "холодной войны" состоят в следующем: столкновение стратегических интересов проявилось прежде всего на Корейском полуострове, что привело в конце концов к войне. Российские ученые утверждают, что "Корейская война (1950-1953 гг.) явилась результатом острого соперничества двух противоположных социально-политических систем, попыткой силой оружия доказать свое преимущество в Корее"¹. Но в более широком геополитическом смысле, на взгляд автора, корейская война стала элементом противоборства СССР и США за обеспечение гегемонии в СВА в условиях формирования послевоенной структуры международных отношений. Ее можно рассматривать как острую фазу периферийной борьбы между СССР и США за распространение политического влияния на Дальнем Востоке. После этой войны рельефно обозначилась структура военно-стратегической конфронтации, в центре которой оказался Корейский полуостров.

Итак, структура международных отношений в СВА сформировалась на основе двух коалиционных систем "треугольников". Ее формирование стало следствием глубоких изменений в расстановке сил на Дальнем Востоке после второй мировой войны.

Однако, произошла смена и этой геополитической модели, что было, в частности, вызвано обострением советско-китайских отношений. Идеологический спор между СССР и КНР во второй половине 60-х годов перерос в острое политическое противоборство, которое дошло до вооруженных пограничных конфликтов, что повлекло за собой резкое осложнение межгосударственных отношений.

Возникает вопрос: что явилось основной причиной советско-китайского раскола? Существуют несколько версий. По мнению американского исследователя Д.Т.Стюарта, основную роль сыграли этнические, исторические и идеологические факторы, а также разногласия в связи с политикой по отношению к США². Другие утверждают, что советско-китайские противоречия следует рассматривать не как результат столкновения интересов или идеологических разногласий, а как амбициозную силовую борьбу двух крупнейших социалистических государств³. Российский политолог Б.Т.Кулик, исходя

из положения о том, что идеология не существует сама по себе, а служит отражением реальных общественных потребностей, считает, что советско-китайские разногласия возникли прежде всего как результат столкновения национальных интересов двух стран. По его мнению, нельзя отрывать господствующую идеологию от национальных интересов страны, имея в виду, разумеется, понимание этих интересов носителями и создателями господствующих взглядов, прежде всего теми, кто руководствуется ею при определении внутренней и внешней политики государства⁴.

Представляется, что советско-китайские разногласия можно рассматривать как столкновение национальных интересов двух крупнейших стран. Сокращение помощи Советского Союза с конца 50-х годов КНР, в частности, отказ предоставить режиму Мао ядерное оружие, вызвало у него подозрения, стало предпосылкой конфронтации между Москвой и Пекином. При этом, муссирование территориальных претензий было не источником, а следствием ухудшения советско-китайских отношений.

Превращение Китая в ядерную державу в 1964 г. внесло новый элемент в соотношение сил в "треугольнике" СССР-США-Китай⁵. В результате Азия превращалась для СССР в уязвимый участок. Он должен был вести борьбу на два фронта, причем в обоих случаях имелся риск возникновения ядерного конфликта. С этого момента для Советского Союза противоборство с Китаем превратилось в неотъемлемую часть стратегии на Дальнем Востоке. В частности, после советско-китайских пограничных конфликтов в 1969 г. стратегические установки Москвы в азиатской политике в значительной мере были сфокусированы на окружение Китая.

В свою очередь, Китай критиковал СССР и США как империалистические державы, создал внешнеполитическую доктрину, провозгласившую расширение сферы влияния в Азии и Африке важной целью китайской дипломатии. При этом задача противоборства с СССР рассматривалась тогда в Пекине как более значимая, чем противостояние с США.

Советско-китайская конфронтация привела к изменению соотношения сил и существенным сдвигам в самой системе международных отношений в регионе, как, впрочем, и на глобальном уровне. Сложившееся в 50-60-х годах равновесие ("северный треугольник", противостоящий "южному треугольнику") распалось. Началось формирование новых силовых и политических парадигм. В итоге, как считает американский Р.Скалапино, к концу 60-х годов в США появилась своеобразная, трансформированная структура, для которой характерно взаимное противостояние между тремя центрами сил. В отличие от двухблочного противостояния в Европе, соперничество на Дальнем Востоке стало трехсторонним.

В первой половине 70-х годов в результате углубления советско-китайских разногласий стало заметно изменяться соотношение сил в регионе. Рост военной мощи Советского Союза, поражение США во Вьетнаме, необходимость оправиться от понесенных потерь заставили США выработать новый внешнеполитический курс в Азии, предполагавший, в частности, поиск новых партнеров.

Сочетание стратегии "перетасовки карт" Вашингтоном и разыгрывания "американской карты" со стороны Пекина создало основу для их сближения. Начало этому положил сенсационный визит Р.Никсона в КНР в 1972 г. и известное Шанхайское коммюнике, определившее принципы взаимоотношений двух стран⁶. В том же году последовала нормализация отношений между КНР и Японией, что положило начало выступлению Японии на мировой арене в новом качестве - одного из основных субъектов международных отношений.

Сближение Китая с США и Японией наложило заметный отпечаток на характер и содержание международных связей на Дальнем Востоке. Появление

ние общих или параллельных интересов по многим стратегически важным вопросам привел к тому, что в первой половине 70-х годов в геополитической силовой системе на Дальнем Востоке возникла новая ситуация. Создавалась так называемая "система трехстороннего сотрудничества" США-КНР-Япония - главным образом в политической и экономической сферах⁷. Их совместные или параллельные действия стали одним из важнейших факторов, влиявших на советскую внешнюю и военную политику не только в США, но и за ее пределами. Москва сделала ставку на наращивание вооруженных сил, рассматривая это как единственное средство, способное нейтрализовать как китайские, так и американские вооруженные силы.

В сложившихся условиях, на рубеже 70-х и 80-х годов в международных отношениях на Дальнем Востоке и в концептуальном плане, и на практике была сформирована неформальная коалиционная структура США-КНР-Япония, или так называемый "большой треугольник", объединенный общей идеей противодействия Советскому Союзу. Новый подход Советского Союза к азиатской политике нашел конкретное отражение в так называемой "владивостоко-красноярской программе" мира, безопасности и сотрудничества, провозглашенной в 1986-1988 гг. во Владивостоке и Красноярске.

Одной из целей этой инициативы было создание благоприятной для СССР обстановки в США и необходимых внешних условий для ускорения внутреннего социально-экономического развития. Для достижения этих целей Москва приложила усилия к сближению с рядом стран региона, в первую очередь с КНР. Произошла частичная нормализация советско-китайских отношений, был положен конец более чем 30-летней конфронтации между двумя крупнейшими государствами.

Нормализация советско-китайских отношений была обусловлена прежде всего переменами в международной обстановке, а также изменениями во внутриполитической ситуации и стратегическом мышлении руководства Москвы и Пекина. Российский ученый В.Иванов видел главные движущие мотивы, определившие тогдашнее сближение СССР и КНР в сходных для них интересах внутреннего развития. По его мнению, "реформы в Китае и перестройка в СССР, открывая политика и новое мышление были прежде всего результатом внутренних перемен"⁸. Корейский синолог Ким Дон Сун объяснил возрождение советско-китайского добрососедства в основном двумя факторами: во-первых, необходимостью мирной международной обстановки для достижения целей экономических реформ в обеих странах, во-вторых, появлением несовпадения китайских и американских интересов по многим важным международным вопросам⁹.

В самом деле, на изменении климата в советско-китайских отношениях не могли не сказаться сложности в отношениях между США и КНР, которые возникли в 80-е годы. Выявилась нереальность создания формальной коалиционной структуры Вашингтон-Пекин-Токио. Новые акценты в китайскую политику США внесла республиканская администрация Р.Рейгана, пришедшая к власти в январе 1981 года. Хотя ей импонировали антисоветские моменты в политике Пекина, КНР все же рассматривалась как "коммунистическое государство", а следовательно, идеологический противник. Республиканское руководство США, обращая внимание на то, что Китай имеет одинаковую с СССР политическую систему и идеологию, задачи, цели и ценности, несовместимые с американскими, пришло к выводу, что политика Пекина останется в основе своей независимой от внешнеполитического курса США.

Это обстоятельство обусловило сдержанный подход к развитию отношений с Китаем, особенно в плане военного сотрудничества. Одновременно админи-

страция Р. Рейгана подчеркивала неизменность поддержки Тайбэя, который был для нее долговременным союзником, включая оказание ему военной помощи.

Решающим фактором глубокого охлаждения американско-китайских отношений стали разнообразные санкции Запада и США, в частности, против Китая после июньской трагедии на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. Это заставило пекинских руководителей скорректировать внешнюю политику в соответствии с концепцией поддержания "баланса сил". Тем самым общность геополитических интересов США и КНР была ослаблена.

"Независимая политика" Китая предполагала определенное дистанцирование от США, переговоры с СССР с целью снижения напряженности и ряд других шагов. Это означало фактическую дезинтеграцию неформальной коалиционной структуры в рамках "большого треугольника", который СССР воспринимал как угрозу своей безопасности. В итоге наметился новый этап в развитии системы международных отношений в СВА.

При этом важно отметить, что нормализация советско-китайских отношений не нарушила процесс улучшения отношений СССР с США. В этом заключалось отличие от прежней крайне конфронтационной модели баланса сил, доминировавшей долгие годы в Азии. В связи с этим общее положение в четырехугольнике СССР-США-Китай-Япония, определяющее обстановку в СВА, заметно изменилось к лучшему. Разрядка международных отношений второй половины 80-х годов привела к ослаблению военно-силовых элементов, что сместило центр тяжести отношений между ними в область прежде всего торгово-экономических связей¹⁰. Стабилизация второй половины 80-х годов и связанная с этим перегруппировка сил, в отличие от ограниченного спада напряженности 70-х годов, носила устойчивый и долговременный характер, что было продиктовано глубокими внутренними изменениями в субъектах этой системы.

Оценивая сложившуюся структуру, корейский политолог Ли Ги Тэк отмечает, что новая модель отношений в регионе имела "двухслойное построение"¹¹. По его мнению, несмотря на то, что политические дивиденды от жесткой конфликтной линии существенно уменьшались, основная силовая модель в СВА еще находилась под воздействием двухполюсной системы с главной опорой на СССР и США, занимавших доминирующее военно-стратегическое положение. Кроме этого, она была дополнена весьма сложной новой "четырёхполюсной структурой" США-СССР-КНР-Япония.

Положение в СВА радикально изменилось в 1991 г. после распада Советского Союза. Исчезновение СССР и глубокий кризис, в котором оказалась Россия, привели к новой ситуации в регионе. Соотношение сил складывается в основном под влиянием ожесточенной борьбы между "новым треугольником", состоящим из США, Японии и Китая, которые прилагают усилия к тому, чтобы заполнить военно-политический вакуум, образовавшийся в результате распада Советского Союза, и расширить зону своего геополитического влияния в СВА и АТР в целом.

Ломка биполярной системы открыла КНР и Японии перспективы для укрепления и расширения сфер их влияния. В Китае изменения в АТР оцениваются как переход от биполярной к многополярной структуре, в которой Пекин намерен играть одну из главных ролей и повысить свой военно-политический статус.

В свою очередь, Япония стремится подкрепить свой авторитет экономической сверхдержавы наращиванием политической мощи, расширением своего влияния в АТР, преодолевая ситуацию, обозначенную известной формулой "экономический гигант", но "политический карлик"¹².

В новых геополитических реалиях США по-прежнему стремятся стать своего рода регулятором "баланса сил" в регионе. В свете этого стремление Японии к чрезмерному повышению своей политической роли и возможное превращение Китая в центр притяжения для сопредельных стран представляется американским стратегам угрозой интересам США¹³.

Как говорится выше, распад двухблоковой модели создал условия для столкновения интересов между странами этого региона¹⁴. В результате резко усложняются механизмы стратегического взаимодействия, а главным фактором является соперничество за достижение политического лидерства, направленное на обеспечение собственных геэкономических и геополитических интересов.

В последние годы явно прослеживается скрытая борьба между КНР и Японией за роль регионообразующего центра на азиатско-тихоокеанской арене. Пекин рассматривает миротворческие усилия Токио в АТР как симптом намечающейся в перспективе японской экспансии, а рост военных расходов Пекина в 90-х годах явно не по душе Токио. В качестве новых проблем двух стран можно выделить следующие: ужесточение Китаем политики в отношении Японии, обострение отношений по тайваньскому вопросу, негативную реакцию Китая на требование Японии предоставить ей постоянное место в СБ ООН, потенциальную напряженность вокруг островов Сэнкаку и др. Складывается впечатление, что японо-китайские отношения постепенно становятся важным фактором, определяющим ситуацию в АТР.

Между тем, в отношениях между Японией и США появляются противоречия в ряде важных вопросов, имеющие тенденцию к дальнейшему углублению. По мнению бывшего советника Госдепартамента США по вопросам политики в Азии Р.Маннинга, особую остроту приобретают торгово-экономические разногласия¹⁵. Борьба за лидерство приводит к расхождениям в их политических позициях в отношении Китая, Корейского полуострова и т.п. Продолжая придавать союзу с Вашингтоном существенное значение, Токио тем не менее пытается искать пути обеспечения своих интересов вне рамок "Договора безопасности", опираясь на собственную экономическую мощь.

Что касается американско-китайских отношений, то они занимают сегодня ключевое место в силовой парадигме в АТР. Видный российский ученый А.Яковлев прогнозирует, что "...фактическое противостояние или согласие Китая с США станут важнейшей двигательной пружиной развития политической ситуации в регионе"¹⁶.

Американские эксперты считают, что Китай, выступая претендентом на роль новой сверхдержавы, бросил вызов США. В частности, они опасаются силовых действий Китая в регионе. В этих условиях Китай превращается в фактический объект "сдерживания" со стороны США. В свою очередь, в КНР убеждены в том, что американцы стремятся затормозить экономическое развитие Китая, раздробить его, замедлить процесс обретения достойного места в мировом сообществе. Пытаются создать вокруг него своего рода "санитарный" кордон. В качестве примера приводятся нормализация отношений с Ханоем, готовность продать истребители F-16 Индонезии и Филиппинам, улучшение отношений с Индией¹⁷.

Со своей стороны, китайское руководство пытается использовать "российский фактор" для сдерживания чрезмерного расширения политического влияния США и Японии. Россия также заинтересована в сотрудничестве с Китаем. Видный российский синолог М.Титаренко утверждает, что для России дружественные отношения с Китаем могли бы гарантировать надежный тыл при налаживании отношений с Западом. По его мнению, в случае обострения отношений между КНР и США сбалансированный подход может

обеспечить России сохранение достаточно высокого уровня отношений с каждой из конфликтующих сторон¹⁸. Это создало предпосылки для активизации сотрудничества двух стран и, в конце концов, привело к подписанию в ходе визита Бориса Ельцина в апреле 1996 г. в Пекин совместной декларации, определяющей новое "стратегическое партнерство" между Китаем и Россией.

Исчезновение биполярной международной системы открыло беспрецедентные возможности для осуществления отдельными странами самостоятельной политики в Азии, в свое время находившейся под строгим контролем лидеров блоков. В новой обстановке страны региона от Южной Кореи и до стран АСЕАН значительно укрепили свой суверенитет, играют возрастающую роль в региональных делах. Таким образом, силовой баланс в СВА и АТР в целом в немалой степени зависит от того, что еще совсем недавно оценивалось как малозначимый фактор, т.е. от геополитической ориентации стран "второго порядка" данной части мира. Это ускоряет процесс перехода от биполярной системы к многополярной.

В целом формирующуюся ныне в регионе структуру можно охарактеризовать как многополярную систему. Для этого процесса характерно некоторое ограничение доминирующего положения США, заметное уменьшение веса России по сравнению с СССР, выдвижение Японии на более активные наступательные позиции, быстрое повышение экономических, а частично, и военных возможностей Китая, уверенное укрепление политических возможностей других стран региона, их стремление к равноправным отношениям в международных делах. Видимо, эти тенденции будут господствующими в предстоящее десятилетие.

1. См.: Торкунов А.В., Уфимцев Е.П. Корейская проблема: новый взгляд. М.: Издательский центр "Анкил". - 1995. - С. 38.
2. Stuart Douglas T. The Soviet Union and the West. Colorado. - 1982. - P. 9.
3. Zabloski Clement J., Sino-Soviet Rivalry. - New York: Praeger Publishers. - 1966. - P. 15.
4. Кулик Б.Т. Советско-китайский конфликт в контексте мировой политики. // Советская внешняя политика в годы "холодной войны" (1945-1985). - Москва. - С. 371.
5. Кулик Б.Т. Там же.
6. Воронцов А.В. Треугольник: США-Япония-Южная Корея. - Москва. - Наука. - 1991. - С. 21.
7. Ли Сан У. Корея и национальная безопасность. Сеул.: Соканг университет. - 1986. - С. 310.
8. Иванов В. Советский Союз и АТР: эволюция или радикальные перемены? - М.: МЭиМо. - 1990. - № 9. - С. 101.
9. Ким Дон Сун. Нормализация советско-китайских отношений: возможность и ограничение. - Сеул. - 1990. - С. 149.
10. См.: Segal Gerald. A New Order in Northeast Asia. Arms Control Today. - September. - 1991. - Pp. 14-19.
11. Ли Ги Тэк. Корейский полуостров и международная политика: теория и практика. - Сеул.: Канамса. - 1990. - С. 68.
12. Johnson Chalmers. Japan in Search for the Normal Role, Daedalus (fall 1992). - P. 26.
13. Яковлев А. Международно-политическая стабильность в АТР и Китай. // ПДВ. - 1995. - № 5. - С. 6.
14. Соков Ю.В. И время собирать камни: Белый парус. - 1996. - С. 110.
15. Robert A. Manning Futureshok or Renewed Partnership? The U.S. - Japan Alliance Facing the Millennium, The Washington Quarterly, Autumn 1995, pp. 87-89.
16. Яковлев А. Международно-политическая обстановка в СВА и положение России в регионе. // ПДВ. - 1995. - № 2. - С. 4.
17. Лэмington Д. Американо-китайские отношения: жизнь на краю обрыва. // ПДВ. - 1996. - № 1. - С. 22-23.
18. Титаренко М.Л. Россия и Восточная Азия. Куликово поле. - 1994. - С. 154.

Японо-китайские отношения в многополярном мире

© 1998

А.Семин

На фоне масштабного и динамичного развития торгово-экономического сотрудничества Японии с Китаем политический диалог между ними до последнего времени большой результативностью не отличался. Спустя четверть века с момента нормализации двусторонних отношений остаются нерешенными серьезные проблемы, не преодолено имеющееся исторические корни взаимное недоверие. В частности, Япония проявляет опасения в связи с наращиванием Китаем своего военного потенциала. Китай, со своей стороны, обеспокоен углублением военно-политического альянса Японии с США. Сдвиг в ситуации наметился под влиянием происходящего процесса формирования многополярной модели международных отношений. В результате состоявшихся в 1997 году двусторонних встреч руководителей Японии, Китая, США, России создалась новая обстановка, благоприятная для качественных перемен в отношениях между Токио и Пекином. Признаком этого является проявленная руководством двух стран заинтересованность в сотрудничестве по созданию нового международного порядка, что может стать началом более тесного политического партнерства Японии с КНР. Это имело бы важные последствия для развития международной обстановки прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В прошедший год, когда отмечалось 25-летие нормализации японо-китайских отношений, Токио проявил заметное стремление к существенному улучшению отношений с Пекином. В рамках проводимой правительством Р.Хасимото "Евразийской дипломатии" подчеркивалась необходимость "активно развивать конструктивные отношения с Россией и КНР"¹. Премьер-министром Японии были выдвинуты четыре новых принципа японской внешней политики по отношению к Китаю: "взаимопонимание, активизация диалога, расширение сотрудничества и совместные усилия по строительству "общего порядка"². Он подчеркивал: "Япония и Китай должны активизировать диалог, в особенности по вопросам безопасности и обороны, с тем чтобы обеспечить мир в Азии после окончания холодной войны"³.

Существенное значение руководством Японии придавалось приуроченному к празднованию 25-й годовщины восстановления отношений между двумя странами официальному визиту премьер-министра Р.Хасимото в Китай 4-7 сентября 1997 г.

На этапе подготовки переговоров японская сторона в целях обеспечения их успеха сделала ряд важных заявлений. Например, о том, что Япония

Семин Анатолий Васильевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Японии ИДВ РАН.

приложит "максимум усилий, направленных на оказание содействия скорейшему вступлению Китая во всемирную торговую организацию"⁴. Следует отметить, что здесь Токио отступил от солидарной позиции с США и Евросоюзом⁵, в очередной раз продемонстрировав Пекину свое к нему особое отношение. Накануне поездки Хасимото сообщалось о намерении японского правительства предоставить КНР 200 млрд. иен в рамках 3-летнего кредитного пакета, а также безвозмездную помощь. К тому же, в японской прессе появились сообщения о планах Японии финансировать строительство в КНР предприятия по утилизации японских химических боеприпасов периода войны, чего давно добивалась китайская сторона.

Характерными являются те ожидания, с которыми некоторые средства массовой информации Японии подходили к японо-китайским переговорам в Пекине. Газета "Иомиури" 6 сентября 1997 г. под крупным заголовком на первой полосе поместила информацию: "Встреча Хасимото с Цзянь Цзэмином - шаг в направлении формирования нового миропорядка после окончания холодной войны, предпринимаемый совместно руководителями Японии, Китая и США". Если это и был шаг, то дался он не без труда. В качестве первоочередных на переговорах обсуждались весьма непростые проблемы двусторонних взаимоотношений: территориальная принадлежность островов Сэнкаку (Дяоюйдао), японо-американский договор о безопасности в увязке с тайваньским вопросом. В центре внимания находились подготовленные к подписанию правительствами Японии и США "Основные направления японо-американского сотрудничества в области обороны". В связи с проявленной китайской стороной серьезной обеспокоенностью новым содержанием военного альянса Токио с Вашингтоном Р.Хасимото разъяснял позицию Японии, но, по данной им позднее оценке, полного понимания со стороны китайского руководства не получил⁶. "Вновь недоверие к АМПО (японская аббревиатура договора о безопасности Японии с США - А.С.)"⁷, - писала по этому поводу газета "Иомиури". В целом, встреча в верхах в канун юбилейных торжеств, как бы уже обреченная на успех, японской стороне полного удовлетворения не принесла. По признанию Р.Хасимото, достижению полного взаимопонимания мешает шлейф нерешенных проблем⁸.

И все же в ходе визита были приняты важные для продвижения переговорного процесса решения. Были достигнуты договоренности о придании регулярного характера взаимным визитам лидеров, о развитии диалога по проблемам безопасности, о контактах руководителей военных ведомств. Важно подчеркнуть, что стороны пришли к согласию о "недопустимости трений в двусторонних отношениях: Япония - КНР, Япония - США, США - Китай". Японский премьер также высказался в пользу "необходимости развивать отношения сотрудничества между четырьмя странами, включая Россию"⁹, но эта тема развития не получила ввиду, очевидно, недостаточной готовности сторон к ее конкретному обсуждению.

Необходимо отметить, что сентябрьский 1997 г. саммит двух стран отразил возрастающую заинтересованность японской стороны в углублении контактов с КНР при твердом намерении сохранять тесные союзнические отношения с США. На пресс-конференции в Пекине глава правительства Японии указывал: "Сейчас, когда ликвидирована советская угроза, воспринимавшаяся Японией, США и Китаем как общая, союзнические отношения Японии с США обретают на основе Совместной японо-американской декларации о безопасности и пересмотра Основных направлений двустороннего сотрудничества в области обороны новые качества. С другой стороны, мы заинтересованы

в поддержании хороших отношений с Китаем, который осуществляет модернизацию вооружений и подъем экономики"¹⁰.

Очередная встреча руководителей двух стран проходила с 11 по 16 ноября 1997 г. в ходе визита в Японию премьера Госсовета КНР Ли Пэна. Японским правительством эта встреча оценивалась как своего рода "вторая ступень 3-ступенчатой ракеты, запущенной сентябрьским визитом Хасимото в Китай"¹¹. "Третьей ступенью" должна стать поездка в Японию председателя КНР Цзян Цзэмина, планируемая на первую половину 1998 г.

Тот факт, что Ли Пэн прибыл в Японию вскоре после состоявшихся в октябре-ноябре китайско-американской, китайско-российской и японо-российской встреч в верхах, не мог не сказаться на атмосфере и содержании переговоров в Токио. Их атмосфера, как отметили наблюдатели, в лучшую сторону отличалась от той, которая сложилась на сентябрьском саммите в Пекине. Участники токийской встречи обсудили широкий круг международных проблем, включая финансовый кризис в Азии. Примечательно, что на этот раз пути укрепления отношений друг с другом стороны обсуждали с точки зрения "формирования нового международного порядка"¹². Трудные вопросы двусторонних отношений практически не рассматривались.

Следует отметить, что идея политического диалога на высшем уровне в целях развития четырехстороннего сотрудничества на международной арене встречает поддержку в общественно-политических кругах Японии. Это нашло отражение во время встречи в Токио премьера Госсовета КНР Ли Пэна с группой видных политиков. В неформальном "клубе", куда входят бывшие главы правительства Японии, одним из них Накасонэ была высказана следующая точка зрения: "Важно, чтобы четыре державы, избегая резких, скопалительных действий, стали стратегическими партнерами, исходя из принципа строительства нового международного порядка"¹³. Ли Пэн, оценив идею как серьезную, обещал, тщательно изучить вопрос и информировать председателя КНР. В заключение он указал: "Можно заняться исследованием, образовав совместный китайско-японский орган с привлечением в него специалистов"¹⁴.

Нет оснований преувеличивать значение договоренностей, достигнутых во время визита Ли Пэна в Японию, тем более видеть в обозначившемся взаимопонимании сторон предпосылку для многостороннего сотрудничества. Как представляется, движение к нему происходит пока на ощупь, в условиях действия множества противоположных векторов сил. Между вероятными партнерами сохраняются серьезные противоречия, не преодолена взаимная подозрительность. К примеру, согласно источникам японского министерства иностранных дел, наметившееся в 1997 г. партнерство Пекина с Вашингтоном и Москвой в правительственных кругах Японии вначале вызвало "настороженную реакцию"¹⁵.

Говоря о ближайших перспективах возможного участия Токио и Пекина в многостороннем сотрудничестве, приходится иметь в виду, что наименее ясным представляется вопрос взаимодействия с Россией. Приглашение ее к участию пока ограничивается самыми общими декларациями. На ноябрьской встрече в Токио Хасимото и Ли Пэна неизменно делался упор на важность "углубления трехсторонних отношений Японии, США и Китая"¹⁶. Похоже, прав политический обозреватель "Известий" С.Кондрашов, который считает, что России предназначена роль запасного игрока, если сравнивать ее с тремя игроками главными - США, Японией и Китаем¹⁷.

Обращает на себя внимание тот факт, что по линии трехстороннего сотрудничества этих стран уже предпринимаются отдельные практические

шаги. Ведется, например, совместная работа по созданию органа, который будет заниматься изучением проблем безопасности. Готовность направить туда своих специалистов по вопросам политики, экономики, безопасности проявила китайская сторона. Она выступает за постепенное развитие сотрудничества, "шаг за шагом", на данном этапе на неправительственной основе¹⁸.

Оценивая в целом нынешнюю активизацию контактов лидеров Японии и КНР, есть основания полагать, что скорее всего она будет способствовать в первую очередь согласованию "парных интересов". И это может стать предпосылкой более тесного взаимодействия двух стран на международной арене. Сегодня для этого уже создано внушительное экономическое "подкрепление".

Широкое торгово-экономическое сотрудничество играет стержневую роль в японо-китайских связях. Наибольшее развитие получила двусторонняя торговля. Япония - самый крупный торговый партнер Китая, а КНР для Японии является вторым по значимости партнером США. Со времени восстановления в 1972 г. межгосударственных отношений двусторонний товарооборот увеличился более чем в 60 раз. В 1996 г. он составил 62,4 млрд. долл. при экспорте Японии 21,9 млрд. и импорте 40,5 млрд. долл.¹⁹ В 1997 г., по предварительной оценке, товарооборот вырос еще на 10%²⁰.

Подъем китайской экономики в существенной мере был обеспечен японским капиталом. С самого начала реформ Пекин получал крупные японские финансовые вливания, причем их основную часть составили льготные правительственные кредиты, обеспеченные твердыми гарантиями. К 1996 г. в рамках трех долгосрочных кредитных программ китайской стороне было предоставлено 1,6 трлн. иен²¹. Еще на старте движения японского капитала в экономику КНР со всей определенностью обозначился подход правящей элиты Японии, сформулированный президентом влиятельной Федерации экономических организаций Японии (Кэйданрэн) Е.Инаяма: "Для Японии наиболее желательным видом экономических связей с любой страной, в том числе с Китаем, является обычная торговля. Однако в отношениях с последним мы учитываем не только экономические, но и политические аспекты этих связей. Поэтому, в целях поддержания стабильности в регионе и во всем мире, мы должны помимо обычной торговли оказывать Китаю экономическую помощь в виде вывоза капитала"²².

По мере реформирования экономики Китая, она становилась все более привлекательным объектом для вложения японского предпринимательского капитала. Особенно заметно инвестиционный поток увеличивался в отдельные годы с начала 90-х годов, как это было в 1993 г., когда прирост капиталовложений превышал 100%. Пикового уровня приток инвестиций из Японии достиг в 1995 г., составив 7,6 млрд. долл. В 1996 г. общий объем капитала японских компаний в экономике КНР превысил 21 млрд. долл., заметно приблизившись к масштабам вложенного туда японского ссудного капитала²³.

Разумеется, торгово-экономические связи двух стран развиваются не без проблем. Японию, к примеру, все более беспокоит нарастающий торговый дефицит. Активное сальдо в пользу Китая в 1996 г. достигло 17,6 млрд. долл. Не обрел полной устойчивости инвестиционный климат в КНР. В связи с ужесточением условий деятельности иностранного капитала на китайском рынке в 1996 г. поступления японских прямых капвложений снизились на 35%²⁴. Китай, со своей стороны, не вполне удовлетворен масштабами и качеством научно-технического сотрудничества с Японией, особенно ее подходом к экспорту в Китай новейших технологий. Знакомы партнерам в их торговых отношениях такие негативные явления, как протекционизм и дэмпинг. Усиление торговой конкуренции со стороны реформируемого Китая охватывает все

больше секторов товарообмена, не ограничиваясь сельскохозяйственной продукцией и текстильными изделиями. Трудности согласования торгово-экономических интересов по мере расширения и углубления связей, естественно, возрастают, но одновременно усиливается взаимовлияние и взаимозависимость двух стран. Этим создаются определенные предпосылки для более конструктивного политического диалога, для возможного взаимодействия на региональном уровне. Именно в Азиатско-Тихоокеанском регионе в первую очередь возникает необходимость согласования интересов Японии с Китаем.

Сегодня Токио, совершенно очевидно должен принимать в расчет не только новые реалии международной ситуации и уровень торгово-экономических отношений, но и быстро изменяющееся в пользу КНР соотношение сил. Нарастающие политический вес и экономические возможности Китая оставляют Японии все меньше надежд на то, что ее недавние виды на лидирующую роль в АТР и дальнейшее усиление влияния на экономику соседних стран осуществимы. В Токио все более осознают, что широкое сотрудничество предпочтительнее не сулящего успехов соперничества с великим соседом.

То, что экономическая жизнь в АТР в дальнейшем в большой мере будет зависеть от способности Токио и Пекина координировать свои усилия, хорошо понимают в деловых и научно-общественных кругах Японии. Это, в частности, проявилось в работе Международного симпозиума по вопросам китайско-японского экономического сотрудничества 1995 г. в Пекине. В основном докладе японской делегации на этом авторитетном форуме отмечалось: "В Восточной Азии в настоящее время идет формирование региональной системы торговли и капиталовложений. Это имеет целью выработку механизма вывода экономики региона в качестве действующего субъекта на международную арену. Но чтобы эта система стала существенной опорой мировой экономики, требуется дополнительный шаг, который обеспечит более плавный переход. В этом весьма значительную роль в предстоящее десятилетие будет играть организация Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). И задаче нынешнего третьего этапа деятельности этой организации является осуществление более эффективного результата, центральный же вопрос - необходимость совместных инициатив Японии и КНР"²⁵.

При правительстве Хасимото ориентация на региональное сотрудничество с Китаем выдвигается в качестве сверхзадачи внешней политики Японии. Глава кабинета министров страны, выступая в июле 1997 г. в Обществе экономических единомышленников (Кэйдзай доюкай) подчеркнул: "Две наши страны должны объединить свои усилия в решении многих международных проблем с целью обеспечить положение Китая как конструктивного партнера в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вместе с продолжением сотрудничества в рамках таких международных структур как совет Безопасности ООН, АТЭС и Региональный форум АСЕАН, важно углублять диалог между Японией и Китаем по вопросам, напрямую связанным с проблемой стабильности в нашем регионе, включая вопрос о ситуации на корейском полуострове"²⁶.

Настроения правящих кругов Японии в последнее время встречают благосклонную реакцию в Пекине. Оба торгово-экономических партнера, как представляется, не собираются отставать от других участников геополитического перераспределения ролей накануне XXI века. Не по всем вопросам конструирования многополярного мира между Токио и Пекином достигнуто единодушие. По-разному, в частности, они относятся к идее сохранения за США ведущего места и в новой модели миропорядка. При очевидной на данном этапе неопределенности перспектив многостороннего сотрудничества с участи-

ем Японии, Китая, США и России, стремление Японии и КНР к политическому диалогу можно расценивать как примечательный факт.

Таким образом, в японо-китайских отношениях наблюдаются признаки определенного сближения. Время покажет, насколько сторонам удастся в процессе активизирующегося диалога согласовать свои интересы прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это могло бы стать предпосылкой политического партнерства, оказать серьезное влияние не только на ситуацию в АТР, но и в целом на международной арене.

1. The Daily Iomiuri. July 25, 1997.
2. Ibid. August 29, 1997.
3. Ibid.
4. Ibid. July 25, 1997.
5. Финансовые известия. 1997. 18 сентября.
6. Иомиури симбун. 1997. 6 сентября.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же. 1997. 10 ноября.
10. Там же. 1997. 6 сентября.
11. Там же. 1997. 10 ноября.
12. The Daily Iomiury. November 12, 1997.
13. Иомиури симбун. 1997. 12 ноября.
14. Там же.
15. Там же. 1997. 10 ноября.
16. The Daily Iomiuri. November 13, 1997.
17. Известия. 1997. 5 ноября.
18. Иомиури симбун. 1997. 1 ноября.
19. Там же. 1997. 22 сентября.
20. Там же. 1997. 17 сентября.
21. Нихон кэйдзай симбун. 1995. 1 января.
22. Кэйданрэн гэппо. 1979. С. 41-42.
23. Иомиури симбун. 1997. 30 сентября.
24. Там же.
25. Международный симпозиум по китайско-японскому экономическому сотрудничеству. (Материалы). Пекин, 1995. С. 103.
26. The Daily Iomiury. July, 1997.

Человек и экология. Опыт Японии в решении проблем

© 1998

Л. Копылова

Все меньше времени остается до начала XX века. С какими достижениями, с какими проблемами войдет в него человечество? Ответы на оба вопроса будут выглядеть как весьма длинные перечни, но среди проблем, как представляется, на одном из первых мест будет ухудшение состояния окружающей среды. Решать ее предстоит всему человечеству. Именно поэтому в 1997 г. экологии будет посвящена специальная сессия Организации Объединенных Наций. По этой же причине руководство Европейского Союза (ЕС) провело недавно опрос среди жителей стран-участниц ЕС по приоритетным направлениям в охране окружающей среды. На первое место 88% респондентов поставили необходимость сдерживать захламление окружающей среды бытовыми отходами и мусором, 65% респондентов указали на важность энергосбережения, 60% - на необходимость организации сортировки домашних бытовых отходов для вторичной переработки¹. Опрос показал заинтересованность большинства жителей европейских стран в содействии охране окружающей среды и их готовность оказать властям полную поддержку в этом направлении.

Приблизительно раз в пять лет стало проводиться весьма масштабное обследование сознания молодежи в возрасте от 18 до 24 лет. Первое такое обследование состоялось в 1972 г. Пятое, последнее, было проведено в феврале-июне 1993 г. в 11 странах, в том числе в Японии. 50,9% японцев, отвечая на анкету "Проблемы в обществе", отметили пункт: "Состояние окружающей среды"².

Объяснить столь высокую обеспокоенность молодых японцев экологическими проблемами можно, обратившись к сухим статистическим материалам. Площадь Японии 37,65 млн. га. Плотность населения - 326,5 человек на 100 га. Не нарушенной хозяйственной деятельностью земли - 0 га! В то время как в США - 44,06 млн. га, в Канаде - 640,6 млн. га, в Европе (без бывш. СССР) - 19 млн. га³. Япония занимает второе место (после США) в списке стран - главных источников твердых отходов в мире. Вот как в 1985 г. распределялись отходы (в тысячах тонн) по видам: муниципальные - 41530, индустриальные - 312000, сельскохозяйственные - 905444, шахтные - 26017, сухой остаток сточных вод - 2003 тыс. тонн⁴. Обращает на себя внимание, что муниципальные отходы почти одного порядка по объему с индустриальными. Существует прогноз, что в течение ближайших нескольких лет мощности пунктов по переработке отходов, обслуживающих Токийский округ, будут исчерпаны, также как и пропускные возможности системы водоснабжения⁵.

Экономические достижения Японии трудно представить без широкого внедрения автотранспорта. Но с другой стороны автомобили стали одним из главных источников загрязнения окружающей среды. В 1995 г. в Японии было зарегистрировано свыше 65353 тыс. автомашин, из них более 20 млн. грузовых. В сравнении с 1970 годом число машин увеличилось более чем в 4 раза⁶. За эти же годы, несмотря на достаточно большое дорожное строительство, протяженность дорог на одну машину сократилась более чем вдвое. Общая протяженность автодорог на 1 апреля 1994 года составляла 1136,3 тысячи км, а их плотность, самая высокая в мире, уже превысила 3 км на 1 кв. км⁷.

Вредные промышленные выбросы, бытовые отходы, автомобильные выхлопы и все, что разрушает природную среду в Японии, называют одним емким словом - когай, буквально - "общественный вред". Он проявляется в том, что на грани уничтожения находятся 4 вида животных из 186; птиц - 35 из 362; рептилий - 3 из 85 видов.

Повышенный интерес японцев к экологическим проблемам объясняется и отмечаемой многими социологами важной чертой японского национального характера - любовью к природе. (По результатам опроса об отношении населения страны к социальным проблемам, проведенного канцелярией премьер-министра Японии, из 14 факторов, вызывающих гордость за японское государство и его граждан, пункт "красота природы" вышел на третье место)⁸.

Основы научного (в современном понимании этого слова) изучения природы Японии заложил в конце прошлого века Ёсикиё Коганзи⁹. Он был одним из первых, кто после "открытия страны" в ходе буржуазной революции Мэйдзи (1867), выехал за границу для учебы в Европе и США. После возвращения на родину Е.Коганзи преподавал в университетах, заложив в Японии научную основу для изучения проблем взаимоотношения человека и природы. Надо указать, что во времена довоенного милитаристского тоталитарного режима в стране этим проблемам внимания практически не уделялось, поскольку главной целью было создание любой ценой мощной военной машины. Да и в первые послевоенные десятилетия считалось, что природа выдержит любые техногенные нагрузки. Только в конце 60-х годов экологические проблемы стали решаться на государственном уровне.

При прямом участии государства создаются специальные организации, стимулирующие экологически важные технологии. В 1990 г. создан Исследовательский Центр инновационных технологий Земли. Основные направления его работ связаны с оценкой возможности и последствий глобального потепления и альтернативными источниками энергии. На разработку экотехнологий направлены усилия Организации по развитию новых энергетических и промышленных технологий, бюджет которой в 1990 г. составил 1,9 млрд. долларов¹⁰.

Год от года в Японии ужесточаются законодательные нормативы по промышленным выбросам в атмосферу и выхлопным газам автомобилей. Так, в 1992 г. был принят Закон о специальных мерах по уменьшению выброса окислов азота автотранспортом. Согласно японским официальным данным, при годовом пробеге в 10 тыс. км легкового автомобиля или малогабаритного грузовика с бензиновым двигателем с объемом цилиндров 1500 куб. см ежегодно в атмосферу выбрасывается от 1 до 3 кг окислов азота¹¹. Еще больше выделяется окислов азота при работе дизельного двигателя. Умножив эти показатели на число автомобилей, учитывая плотность населения, японцы получили довольно мрачную картину. Как-то изменить ее к лучшему, по их мнению, во многом поможет, и помогает уже сейчас, разработка, усовершенствование и серийный выпуск автомобилей с двигателями на альтернативных источниках

энергии. Япония опережает другие страны в разработке электромобилей. Практически применяются гибридные силовые установки, в которых сочетаются бензиновые двигатели, работающие в оптимальном с точки зрения экологии режиме, с электродвигателями.

Безусловно, эти и многие другие меры способствовали значительному улучшению ситуации, связанной с защитой окружающей среды в стране. Однако коренным образом, решили специалисты-экологи, обстановка в области защиты природы сможет улучшиться после получения населением знаний о мерах предотвращения когай. При этом ставится целью распространить экологические знания среди населения всех возрастов, социальных групп, по всему спектру толкований термина "экология", которые существуют в науке сегодня.

На современном уровне основополагающие принципы организации экологического просвещения впервые были заложены в принятом в 1993 г. Основном экологическом законе. Этот документ, надо полагать, облегчит работу нового начальника Управления по окружающей среде Митико Исии. Символично, что этот пост заняла единственная женщина в сформированном 7 ноября 1996 г. 2-ом кабинете министров Рютаро Хасимото.

Сразу можно отметить, что в Законе есть специальные статьи, касающиеся организации экологического образования в стране. В статье 25 Закона, например, на государственные органы возлагается обязанность принимать меры, "необходимые для углубления понимания проблем сохранения окружающей среды и повышения активности предпринимателей и населения в работе по сохранению окружающей среды. В этих целях государство расширяет обучение, поощряет самостоятельное образование и развешивает рекламную деятельность"¹².

Далее, в развитие этих положений, в статье 27 Закона на государство возлагается обязанность предоставлять необходимую информацию, "касающуюся защиты прав и интересов физических и юридических лиц, состояния окружающей среды и проблем ее сохранения, содействуя тем самым обучению и поощрению самообразования в сохранении окружающей среды, предусмотренному ст. 25"¹³.

Говоря о защите "прав и интересов физических и юридических лиц", важно отметить, что Закон позволяет в будущем ввести в стране экологический налог. Он рассматривается защитниками природы в Японии как источник финансирования мероприятий, направленных в первую очередь на предупреждение нарушений окружающей среды. Само его существование будет способствовать этому, а получаемые средства намечается направлять на ликвидацию последствий экологических нарушений, восстановление природы. Частные подобные налоги уже существуют. В США, например, это "энергетический" налог, в Финляндии и Швеции - "углеродный"¹⁴.

Создание в соответствии с Законом единой системы экологического образования в Японии не будет начинаться с нуля. У японского экологического движения существует уже много наработок, проверенных в деле. Они-то и послужат основой экологического образования на уровне современных требований. Так, программы экозанятий с детьми дошкольного возраста (а большинство из них посещают детские сады или детские центры), учащимся начальной школы, старшеклассникам основаны на воспитании умения ценить, любить и беречь природу, желания созидать.

Японские педагоги считают, что для формирования у человека ответственности за окружающий мир необходимо, чтобы с детских лет он входил в непосредственный контакт с природой. Для этого организуются специальные

поездки за город. Часть расходов при этом, например, оплату проезда, берет на себя государство. Есть специальные школьные экскурсионные маршруты в заповедники, по историческим местам.

В редких школах Японии нет "живого уголка". Звери и птицы становятся "талисманами" школ. Так, среднюю школу Акацука в префектуре Ниигата, часто называют "лебединой". В 1964 г. на школьном участке была установлена большая скульптура в память о птице, за которой ухаживали ученики до самой ее смерти.

С воспитания любви к природе, к ее обитателям начинают закладываться основы экологических знаний. "Любите природу, дружите с дикими птицами в природе" - таков, например, девиз Общества по защите диких птиц Японии. Число его членов растет из года в год, а средний возраст защитников пернатых - снижается. Это связано с тем, что все больше детей школьного возраста активно участвуют в работе общества, что всячески поощряется взрослыми.

Ежегодно в апреле-мае школьники по всей Японии участвуют в "неделе древонасаждений", кампании по озеленению страны. В ходе ее организуются соревнования начальных и средних школ (возраст детей от 6 до 15 лет) по посадке зеленых насаждений, дети собирают пожертвования, большой популярностью пользуются ежегодные конкурсы на лучший плакат на тему недели.

Для экологического образования широких масс населения, как считают в Японии, необходима разработка сквозных методик преподавания предмета во всех образовательных учреждениях; накопление и обобщение опыта; выпуск книг; учебных пособий, связанных с данной областью образования; поиск новых форм доведения до каждого члена общества необходимой информации. Эти задачи возложены на созданный в начале 90-х годов Институт экообразования.

Можно полагать, что внедрение массового экологического образования затрудняется серьезными проблемами различного характера: в первую очередь трудно найти дополнительные денежные средства; есть сложности в преодолении косности в сознании части преподавательского состава. Весьма трудно включить новые курсы в школьные учебные программы, которые и без того перегружены. В них весьма сложно найти свободное "окно". Дети в Японии в среднем проводят в учебном заведении 7,5 часа, а затем еще 5,8 часа затрачивают на дополнительные занятия и домашнюю работу.

В настоящее время японские школьники получают информацию об окружающем мире, проблемах, существующих в нем, сразу не нескольких уроках: географии, науки о земном шаре, здоровья, современного общества, биологии, но о целостной системе экообразования говорить пока еще рано. Впрочем, зная упорство японцев в достижении поставленной цели, уже в недалеком будущем можно ожидать хороших результатов. Во всяком случае, начало этому положено. Для ознакомления детей с необходимой экологической информацией специалисты используют новые их увлечения - компьютерные игры, комиксы, в которых в доступной форме рассказывается о природе.

Современные средства массовой информации рассматриваются японскими экологами наиболее перспективными помощниками в деле экообразования. Главным из них является телевидение. Сейчас 97 процентов жителей страны имеют телевизоры, в среднем проводят у телеэкрана три часа в день. По опросам 57 процентов не могут представить себе даже недели жизни без телевизора.

Вместе с тем, для размещения на ТВ любой, в том числе, экологической информации, требуются немалые финансовые средства. Лишь одна полугосударственная телевизионная компания "ЭнЭйЧКэй" финансируется за счет ежемесячных взносов и дотаций государства. Доходы других складыва-

ются из поступлений от рекламы и другой коммерческой деятельности. Но, учитывая общий настрой населения руководство этих компаний делает скидки при размещении экологических сюжетов. Также с пониманием и поддержкой, учитывая интерес населения, относятся к материалам на экологическую тематику в редакциях японских газет и журналов. В настоящее время японцы считаются одной из самых читающих наций. В стране выходит около 130 ежедневных газет общим тиражом более 60 миллионов. Их публикации дают людям возможность, как говорят, держать руку на пульсе экологического движения страны. Деловые круги страны, как и средства массовой информации, также учитывают внимание населения к проблемам экологии и стремятся показать себя активными защитниками окружающей среды. Так, Токийский кредитный банк обратился к своим клиентам с призывом поддерживать природоохранную деятельность в государстве. Сотрудники банка оформили специальные стенды с изображением представителей фауны и флоры под общим заголовком "Сохраним окружающую среду для подрастающего поколения!"¹⁵.

Примером того, какое внимание, уделяется японскими компаниями экологическому движению и образованию служит одна из крупнейших торговых корпораций страны "Итотю". В ней создано специальное управление, которое занимается только этими вопросами. Своей главной задачей работники управления считают дать хотя бы минимальное экологическое образование семи тысячам служащим корпорации, а также рабочим и служащим более чем 500 дочерних компаний. Стараниями управления создана специальная библиотека по данной проблематике. Она насчитывает 2600 книг и 1500 видеокассет. Ими пользуются сотрудники фирмы, их дети, а летом - школьники из ближайших школ. Вместе с тем, "Итотю", совместно с предприятием "Ресайклинг Менеджмент Джапан" производит и реализует топливо, получаемое из домашних отходов. При сотрудничестве с рядом других компаний "Итотю" выпускает материалы из пластиковых отходов¹⁶.

На прилавках японских магазинов стало появляться все больше товаров с эмблемой и надписью: "Это изделие экологически чисто". Таким знаком Японская ассоциация окружающей среды, имеющая государственную поддержку, отмечает и поощряет изделия, при производстве которых экономятся ресурсы и энергия, сами они экономичны при эксплуатации. Получить право нанести на свое изделие "Эко-знак" не так просто. На декабрь 1990 года его имели 955 изделий. Для компаний это очень важно, так как является хорошей рекламой.

Информацию о новом в экологическом движении, о текущих делах японцы могут узнать на специальных лекциях, которые организуются и проводятся ведущими специалистами в этой области. Там же можно получить литературу по теме выступления, познакомиться с участниками экодвижения, получить ответы на интересующие вопросы. Средства массовой информации довольно широко информируют население о проведении выставок экологического плаката, конкурсов экорисунков, фотоэкоконкурсов, о путешествиях, непосредственно связанных с природой, с проблемами окружающей среды. В последнее время популярны маршруты экотуризма. Желающие записываются у организаторов на ставшие традиционными в Японии "марши на природу". Первые такие марши состоялись в 1982 г. В 1995 г. в них приняло участие уже около 120 тысяч человек. Такие походы дают возможность поразмыслить о том, в каком состоянии находятся окружающие людей земли, воды, растительный и животный мир, понять, что с природой надо общаться в пеших прогулках, а не проезжать мимо пейзажей на машинах.

Об успехах в экологическом воспитании населения Японии говорят многие, на первый взгляд мелкие бытовые факты. Все больше домохозяек, например, стали применять специальные бумажные фильтры для кухонных раковин, задерживающие отработанный кулинарный жир и другие вредные отходы. Предпочтение при покупках бытовой техники отдаются водосберегающим стиральным машинам, энергосберегающим холодильникам. С помощью электронного устройства изменяют температуру горячей воды в доме в зависимости от того, для чего она используется в данный момент: для мытья посуды или душа. Следует подчеркнуть, что эта бережливость не обусловлена расчетом на то, что счета по оплате будут меньше. Домохозяйки городов и поселков вокруг озера Бива, национального достояния страны, ценимого как российский Байкал, чтобы не загрязнять озеро химическими плохо разлагающимися детергентами, добровольно, например, решили использовать только органические моющие средства, хотя они дорогие.

Мы становимся свидетелями зарождения в Японии новой модели развития общества - экоразвития. Происходит экологизация науки, научно-технического прогресса, культуры, производства, а самое главное, всех видов социально-практической деятельности. Важно, что меняются сами люди, их понимание жизненных ценностей. Стремление взять все что можно от природы меняется на положительно-созидательное ответственное отношение к ней.

1. Директивы ЕС задают направления // Printandand Publishing. 1996. № 5. С. 32.
2. Japan Brief No. 2. Worldwide Survey on consciousness of youth. 1994. 14 January.
3. Окружающая среда между прошлым и будущим: мир и Россия (опыт эколого-экономического анализа) // Зеленый мир. 1995. № 2. С. 13.
4. Экология, экономика, политика // Зеленый мир. 1995. № 27. С. 107.
5. М. Хосокава. Время действовать // Знакомьтесь - Япония. 1994. № 5. С. 39.
6. Подсчитано по: "Нихон кокусай дзусэ", 1996 - 1997. "Нихон-га вакару дэта буку" (Япония в мире, 1996 - 1997. Данные о Японии). 1996. С. 446.
7. Там же.
8. Information Bulletin: Информационный центр посольства Японии. 1994. 12 May.
9. Намио Эгами. Японская нация и культура Японии // Дайджест Посольства Японии в РФ. 1994. № 10. С. 54-55.
10. G.Heaton, R.Repetto, R.Sobin. Back to the Future: US Government Policy Towards Environmentally Critical Technology. World Resources, 1992. Jine.
11. Экономисуту. 1993. 2 февраля С. 26.
12. Канкё кихонхо-но кайсэцу (Комментарии Основного экологического закона). Токио, 1994. С. 473-474.
13. Там же.
14. Нихон кэйдзай симбун. 1993. 10 сентября.
15. Japan Times. 1991. 28 февраля.
16. Яэко Мицумори. Торговцы защищают окружающую среду // Япония сегодня. 1995. № 12. С. 11.

Формирование политической системы сянганского особого административного района КНР

© 1998

К. Кокарев

1 июля 1997 г. состоялось официальное возвращение под юрисдикцию КНР Гонконга (Сянган), большая часть которого (9/10 всей территории этой бывшей британской колонии) в 1898 г. была "арендована" англичанами сроком на 99 лет.

По всей видимости, возвращение Сянгана Китаю было бы значительно более трудным, чем это оказалось на самом деле, если бы не некоторые обстоятельства. В частности, трудности "фолклендской войны" (1982 г.), во время которой Англия при поддержке США использовала вооруженные силы для "подтверждения" своих прав на Фолклендские (Мальвинские) острова, подтолкнули британское правительство поддержать диалог с Китаем по поводу возвращения Сянгана после окончания "аренды" в 1997 г. В результате лозунг "одна страна, две системы", выдвинутый в начале 80-х годов лидером китайских реформ Дэн Сяопином для будущего объединения КНР и Тайваня, пришелся весьма кстати, но уже применительно к бывшей британской колонии на юге Китая. В связи с этим первая половина 80-х годов оказалась важным рубежом в определении будущей судьбы Сянгана. До этого в Лондоне вряд ли существовали конкретные планы и разработанная процедура возвращения колонии социалистическому Китаю. К таким выводам подводит, например, то, что первоначально британское правительство планировало предоставить Сянгану некоторые права на самоуправление еще в 1946 г., то есть после его возвращения Великобритании по завершении японской оккупации (1941-1945 гг.). Однако с образованием Китайской Народной Республики в 1949 г. Лондон, введя ограничения на деятельность политических партий в колонии, отказался от планов частичной демократизации политической жизни Сянгана, в результате чего ситуация в этом отношении в течение нескольких десятков лет не претерпела никаких изменений¹.

Процесс подготовки Сянгана к переходу под суверенитет Китая охватывает довольно продолжительный отрезок времени. Он начался с подписания в декабре 1984 г. Совместного заявления Правительства Китайской Народной Республики и Правительства Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии по вопросу Сянгана. Заявление представляется важным в том смысле, что оно обозначило узловые проблемы передачи Сянгана Китаю и наметило основные пути их решения. Так, стороны договорились об учреждении в Сянгане после 1 июля 1997 г. особого административного района, где исполнительная, законодательная и судебная ветви власти

Кокарев Константин Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник РИСИ.

будут обладать "автономией высокой степени", а действовавшая при колониальном режиме правовая система останется неизменной в течение 50 лет. Кроме этого устанавливалось, что с 1984 г. по 1997 г. на территории Сянгана будет осуществляться "временное административное управление" Великобритании, предполагавшее необходимость согласования с китайскими властями всех тех мер и решений, которые так или иначе будут касаться жизнедеятельности Сянгана после 1997 г.

На базе Совместного заявления был разработан Основной закон Сянганского особого административного района КНР (далее - Основной закон), принятый 4 апреля 1990 г. на 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) седьмого созыва. Учитывая достигнутые сторонами соглашения и компромиссы, он закреплял предоставление Сянгану широкой автономии, выводя за пределы его компетенции лишь функции обороны и международной политики, хотя Сянгану и было оставлено право заключения международных соглашений неполитического характера (экономика, связь, туризм, транспорт и др.), а также право регулировать въезд и выезд из Сянгана. Сянганскому особому административному району (СОАР) было дано также право участвовать в международных организациях и мероприятиях, выступая как "Китайский Сянган" ("Китай, Сянган")². Кроме этого на той же сессии ВСНП было принято Постановление о порядке образования Правительства и Законодательного совета первого созыва СОАР.

Указанные документы регламентировали возвращение Китаю Сянгана и создание там новых властных структур, включая представительные органы. Их основной смысл заключался в том, чтобы сохранить преимущественно без изменений все те элементы политико-административного управления, правовой системы и экономического устройства сянганского общества, которые не противоречили принятому Основному закону. Однако это не исключало определенной эволюции политико-юридических и социально-экономических институтов, в частности, в силу того, что уже на этапе подготовки передачи Сянгана Пекину (1984 - 1997 гг.) более активно стали проявляться тенденции в развитии сянганского общества, направленные на расширение участия населения в политической жизни бывшей колонии. Эти изменения непосредственно касались и системы представительных органов - важнейшего компонента политической системы Сянгана.

Законодательный совет Сянгана, как высший институт представительной власти, в прошлом являлся не чисто парламентским, а в большей степени совещательным органом, который помогал губернатору в подготовке и принятии законов. До первой половины 80-х годов включительно его состав комплектовался одним из двух способов. Во-первых, в Законодательный совет входили по должности ведущие фигуры Административного (Исполнительного) совета, которыми являлись главный секретарь, секретарь по финансам и генеральный атторней. Членами совета числились несколько государственных чиновников, количество которых не должно было превышать семи человек, а также не более 22 представителей от различных профессиональных и других слоев общества. Во-вторых, Законодательный совет мог комплектоваться на основе выборов. При этом 12 человек выбирались из состава депутатов Городского совета, Регионального совета, районных советов, и еще 12 человек выбирались из так называемых профессиональных групп населения³.

В тот период правительство Сянгана имело подавляющее большинство в Законодательном совете, поскольку половина его членов служила в правительственных учреждениях и была обязана поддерживать в парламенте предложения и решения своих ведомств. Хотя губернатор и пользовался пра-

вом решающего голоса в любой ситуации, однако депутаты, находившиеся вне зависимости от правительства, довольно активно использовали свое право обсуждать политику администрации, вносить альтернативные предложения по вопросам формулирования и реализации правительственного курса. Наиболее бурно такие обсуждения проходили ежегодно в марте, когда в Законодательном совете выступал с докладом губернатор Сянгана и принимался бюджет территории на очередной финансовый год. Следует заметить, что для политического режима в Сянгане всегда было свойственно стремление исполнительной власти прислушиваться к мнению и предложениям, звучавшим в Законодательном совете. В этом плане наибольший вес, как правило, имел финансовый комитет Законодательного совета, куда обычно входили главный секретарь, секретарь по финансам, некоторые другие члены Законодательного совета, которые являлись либо избранными, либо назначенными в этот совет. Интересно, что назначенные в совет государственные чиновники не имели права голоса в парламенте. Финансовый комитет рассматривал ежегодный бюджет и все предложения, касающиеся дополнительных расходов территории. В результате деятельности этого комитета Законодательный совет, например, мог наложить вето на требование правительственных структур увеличить расходную часть бюджета. В то же время, будучи в состоянии сократить финансовые расходы, он не имел права их увеличить. Не мог он и вносить изменения в налоговую систему, однако был в состоянии заявить о своей особой позиции по этому вопросу. Деятельность финансового комитета дополнялась работой комитета общественных интересов, куда не входили государственные чиновники и который рассматривал доклады главного ревизора. Основное назначение этого комитета состояло в том, чтобы не допускать необоснованного расходования средств различными правительственными органами. Кроме названных комитетов в составе Законодательного совета Сянгана действовали комитет по внутренним делам, комитет по борьбе с коррупцией и некоторые другие подразделения.

С началом англо-китайского диалога и подписанием Совместного заявления на территории колонии наступило некоторое ослабление режима, что привело к появлению восьми политических группировок, в том числе демократической направленности. После того, как в 1990 г. был отменен запрет на деятельность политических организаций, в Сянгане оформились в самостоятельные политические структуры сразу три относительно крупные партии: Демократическая партия (выступает против установления в Сянгане однопартийного режима правления КПК), Либеральная партия (отстаивает интересы крупного капитала и бизнеса) и Демократический альянс за улучшение Сянгана (формы ее деятельности отличает явная пропекинская направленность). Уже в 1985 г. (впервые были проведены не прямые выборы) число выборных членов Законодательного совета составило 24 человека; количество депутатов, назначаемых в совет по должности к этому времени сократилось с 17 до 11, а просто назначаемых - с 30 до 22. При этом общее количество мест в Законодательном совете увеличилось с 47 до 57. В результате первых прямых выборов в Законодательный совет Сянгана в 1991 г. было избрано 18 депутатов. При этом в ходе не прямых выборов получили места еще 21 человек. Одновременно было назначено 18 членов, при этом трое (главный секретарь, секретарь по финансам, генеральный атторней) получили места в законодательном органе по должности⁴.

К середине 90-х годов политическая деятельность в Сянгане еще более активизировалась. Показательными в этом плане являются выборы в Законодательный совет, которые состоялись в сентябре 1995 г. Из 20 мест в Законо-

дательном совете, которые заняли депутаты, получившие мандаты в результате прямых выборов, 14 мест принадлежало Демократической партии, 2 места - Демократическому альянсу, 2 места - Ассоциации за демократию и благосостояние народа (общественная организация), 1 место - Либеральной партии и 1 место - независимым кандидатам. В целом в Законодательном совете из 60 мест 25 принадлежало демократическим кандидатам (19 - Демократическая партия, 6 - демократически настроенные депутаты) и 26 мест оставалось за коалицией, состоящей из представителей бизнеса (10 мест) и пропекински настроенных депутатов (16 мест)⁵. Поэтому сложившийся в общем-то равный баланс мог быть нарушен тем, какую позицию в конкретной ситуации и по конкретному вопросу займут 5 независимых депутатов и 4 депутата от Ассоциации за демократию и благосостояние народа. В частности, в 1995 г. наблюдатели в Сянгане объединяли представителей Демократической партии и названной Ассоциации в единый блок, который давал 23 места в Законодательном совете и 127 мест в районных советах. Одновременно те же эксперты отмечали, что члены Ассоциации за демократию и благосостояние Сянгана выступают за диалог с Пекином и компартией Китая⁶. Следовательно, говорить, что на последних выборах еще в колониальном Сянгане решающий перевес имели силы радикальной демократической ориентации было бы не совсем корректным. В то же время первенства не имели и те политические силы, которые выступали за безоговорочное объединение с Китаем на условиях КПК.

Помимо Законодательного совета в представительную систему Сянгана входили (и продолжают входить в настоящее время) также Городской совет, Региональный совет и районные советы.

Городской совет является представительным органом Сянгана в пределах городской территории. Он состоял из 15 человек, которых в прошлом назначал губернатор, и 15 человек, которые становились членами Городского совета в результате выборов. Члены совета в свою очередь выбирали председателя, который и возглавлял Городской совет. Избранные члены Городского совета являлись также членами советов административных городских районов. Считается, что эта структура представительной власти играет в политической и социальной жизни Сянгана важную роль.

Региональный совет был создан в 1986 г. Он занимается той же деятельностью, что и Городской совет, но только на территории, которая не рассматривается в качестве городской. Однако считается, что его роль в политической жизни Сянгана не является столь же важной и значительной, как деятельность того же Городского совета. В состав Регионального совета, в частности, входили 12 депутатов, избранных населением, 12 - назначенных губернатором, 9 представителей от районных сельских советов, председатель и два заместителя председателя Сельского консультативного совета, а также ряд других депутатов. Региональный совет в общей сложности состоит из 77 человек, среди которых (по итогам последних выборов, состоявшихся в марте 1995 г.) 32 процента составляли сторонники Демократической партии и 13 процентов принадлежит к представителям Демократического альянса за улучшение Сянгана.

Говоря о Региональном совете Сянгана, следует специально остановиться на Сельском консультативном совете, поскольку он оказывает заметное влияние на деятельность Регионального совета, как органа представительной власти в пределах негородской территории Сянгана. Сельский консультативный совет был образован еще в 1926 г. и выполнял вспомогательные функции консультативного характера при правительственных чиновниках на Новой территории. В 1959 г. он был преобразован. В новом виде Сельский

консультативный совет состоит из председателя, двух его заместителей, Расширенного совета и Исполнительного комитета. Расширенный совет, в свою очередь, состоит из мировых судей (лица, занимающиеся судебной деятельностью по совместительству или на общественных началах), работающих на сельской территории, председателей и их заместителей от каждого из 27 сельских комитетов, а также депутатов, которые избираются представителями 509 деревень, расположенных на Новой территории. Задача Сельского консультативного совета состоит в урегулировании отношений и проблем, возникающих между самими жителями Новой территории, между Новой территорией и правительственными структурами, а также в выработке рекомендаций правительству по вопросам социального и экономического развития сельских районов, заботе о сохранении там китайских обычаев и традиций. Особенно заметно влияние Сельского консультативного совета на земельную политику правительства на Новой территории. Это влияние основывается, в частности, на клаузуле Договора от 1898 г. Совместное британско-китайское заявление от 1984 г. также защищает интересы землевладельцев, наследующих землю по мужской линии с 1898 г. Поэтому деятельность Сельского консультативного совета продолжает оставаться актуальной и в наши дни, несмотря на появление районных советов, выполняющих в определенных отношениях похожие функции.

Районные советы, которых в Сянгане 19 (10 городских и 9 сельских районных советов), были созданы в 1982 г. Их состав комплектуется лицами, которые выбираются, а также лицами, которые могут быть назначены в совет. При этом количество избранных членов совета, как правило, превышает количество назначенных членов. Общее количество мест в районных советах достигало 346. На выборах, состоявшихся в сентябре 1994 г., 22 процента депутатских мандатов завоевали представители Демократической партии и 11 процентов - представители Демократического альянса за улучшение Сянгана⁷. В соответствии с постановлением постоянного комитета ВСНП от 31августа 1994г. городской и региональный советы Сянгана, а также районные советы прекратили свои полномочия 30июня 1997г. Согласно постановлению подготовленного комитета СОАР при ВСНП от 1февраля 1997г. с возвращением Сянгана под суверенитет КНР 1июня того же года учреждались временные советы соответствующих ступеней, состав которых был назначен главой администрации особого района, в том числе и из членов советов, избранных при колониальной администрации⁸

Указанным выше Постановлением о порядке образования Правительства и Законодательного совета первого созыва Сянганского особого административного района предусматривалось, что Всекитайское собрание народных представителей для решения практических вопросов обязано сформировать Коллегию выборщиков из постоянных жителей Сянгана, в которую должны входить 400 человек: 100 человек от промышленно-торговых и финансовых кругов, 100 человек от специалистов, 100 человек от трудящихся, от низовых организаций и религиозных кругов, 100 человек от политических деятелей, депутатов ВСНП, членов Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК) от Сянгана. Именно этой Коллегии выборщиков следовало решить, в частности, вопрос о выдвижении кандидатуры первого Главы администрации (губернатора) Сянгана для ее последующего утверждения Центральным народным правительством⁹. В соответствии с тем же Постановлением, Законодательный совет первого созыва должен был включать 60 человек, в том числе 20 человек избранных непосредственно в подрайонах прямым голосованием, 10 человек избираемых названной Кол-

легией выборщиков и 30 человек избираются различными функциональными организациями. В Постановлении особо отмечалось, что члены Законодательного Совета Сянгана, избранные в 1995 г. и соответствующие требованиям Основного закона, желающие служить "верой и правдой" особому административному району КНР, также могут стать членами Законодательного совета СОАР первого созыва. Срок полномочий Законодательного совета первого созыва был определен в два года.

Однако в силу сложившихся обстоятельств плавности перехода колониального сянганского парламента в законодательный орган Сянганского особого административного района не произошло, хотя все положения Основного закона и указанного Постановления были приняты после взаимного согласования китайско-британской Группой связи по вопросам передачи Сянгана Китаю.

Губернатор Сянгана К.Пэттен в своем выступлении 7 октября 1992 г. при занятии должности обнародовал свой план реформирования процесса выборов в Законодательный совет, который не был согласован с китайской стороной.

В результате Пекин заявил, что инициатива К.Пэттена нарушает Совместное заявление, поскольку всякое реформирование режима правления в Сянгане после 1984 г. должно согласовываться с китайскими властями и базироваться исключительно на положениях Основного закона, где и был прописан порядок назначения Главы администрации СОАР и выборов членов сянганского парламента.

Суть "пэттеновских реформ", лежащих в основе китайско-британского "великого противостояния", состояла в следующем. Количество так называемых функциональных организаций, которые путем косвенных не прямых выборов определяли 30 депутатов в Законодательный совет, увеличивалось с 21 до 30. При этом избирательным правом наделялась не сама по себе функциональная организация, а каждый отдельно взятый член этой организации. Далее, Коллегия выборщиков, отвечающая за не прямые выборы еще десяти депутатов, сама должна была состоять из членов, которые либо полностью, либо в подавляющем большинстве являлись избранными в ходе прямых выборов на уровне районных советов. Таким образом, обходными путями увеличивалось количество депутатов, попадающих в Законодательный совет в результате прямых выборов, хотя формально количество "прямых" депутатов оставалось равным 20. 17 раундов китайско-британских переговоров по улаживанию этого конфликта не дали положительного результата. В итоге 1 июля 1994 г. Законодательный совет Сянгана принял новый Закон о выборах на основе пэттеновских предложений. В сентябре 1995 г. в Сянгане были проведены последние выборы депутатов Законодательного совета при колониальной администрации, которые, согласно Основному закону (если бы все было сделано по обоюдному согласию китайской и британской сторон), должны были бы продолжить свою работу и после 1 июля 1997 г., так как они автоматически становились депутатами Законодательного совета СОАР первого созыва. По идее, это была одна из главных составляющих плавного перехода Сянгана под юрисдикцию КНР - движение так называемого "политического транзитного экспресса" ("чжитунчэ"). Однако такого согласия достигнуто не было. Поэтому в Пекине в ответ на действия колониальной администрации приняли решение распустить 1 июля 1997 г. Законодательный совет и избрать вместо него Временный Законодательный совет. Так в представительной системе Сянгана появилась структура, которая не была предусмотрена основными нормативными документами, принятыми в 1990 г., и которая вызвала на определенном этапе бурные дебаты, а также протесты с британской стороны.

Необходимо отметить, что с формально-юридической точки зрения китайская сторона последовательно проводила подготовительную работу по восстановлению своих прав в Сянгане, придерживаясь, в основном, конкретных документов, которые определяли стратегию и тактику решения сянганского вопроса. В частности, как и было предусмотрено Постановлением ВСНП от 4 апреля 1990 г., решение о создании Подготовительного комитета Сянганского особого административного района при ВСНП было принято на 17-м заседании Постоянного комитета ВСНП 28 декабря 1995 г. В состав Подготовительного комитета вошли 150 человек: 94 (63 процента) - из Сянгана и 56 (37 процентов) - из КНР. Подготовительный комитет был разбит на шесть рабочих групп, каждая из которых занималась определенной сферой вопросов. Уже 26 января 1996 г. состоялось первое пленарное заседание Подготовительного комитета. Всего же с января 1996 г. по июнь 1997 г. было проведено 9 пленарных заседаний и более 31 заседания в рабочих группах Подготовительного комитета. Одна из важнейших задач его деятельности состояла в том, чтобы сформировать Коллегию выборщиков (по выражению председателя Подготовительного комитета Цянь Циченя - "голову дракона"), которая должна была избрать Главу администрации и членов Временного Законодательного совета СОАР.

Подготовительный комитет проделал большую работу. С апреля 1996 г. на территории Сянгана он организовал 16 опросов и консультативных мероприятий, в которых было задействовано в общей сложности 336 разнопрофильных организаций и более тысячи жителей Сянгана. На основании полученных данных Подготовительный комитет принял решение "О конкретных способах формирования Коллегии выборщиков Сянганского особого административного района КНР". 2 ноября 1996 года Подготовительный комитет тайным голосованием избрал 340 членов Коллегии выборщиков из 2545 кандидатов. Кроме этого в состав Коллегии были кооптированы 60 человек, из которых 26 являлись депутатами ВСНП, а 34 депутатами НПКСК от Сянгана. Решение о создании самого Временного Законодательного совета было принято 24 марта 1996 г. на 4-й сессии ВСНП восьмого созыва, а в октябре того же года Подготовительный комитет утвердил способ формирования этого совета: его депутаты должны были избираться путем тайного голосования. Эти выборы состоялись 21 декабря 1996 г. в Шэньчжэни (КНР). Из 130 кандидатов в депутаты было избрано 60 членов нового высшего представительного органа Сянгана со сроком полномочий до 30 июня 1998 г. При этом 52 депутата (87 процентов) являются членами самой Коллегии выборщиков. Из 34 членов Законодательного совета, избранных в 1995 г. и баллотировавшихся в состав Временного Законодательного совета, было избрано 33 человека, то есть большая часть членов Законодательного совета колониального Сянгана будет по-прежнему работать до окончания срока полномочий Временного Законодательного совета. Следовательно, "политический транзитный экспресс" на деле все-таки продолжает свое движение, но уже на условиях Пекина. По партийной принадлежности членов Временного Законодательного совета места в сянганском парламенте распределились следующим образом: Демократический альянс за улучшение Сянгана и Объединение профсоюзов (пропекинская ориентация) получили 10 мест, Либеральная партия имеет также 10 мест. Два депутатских мандата получили сотрудники китайских предприятий, функционирующих в Сянгане. Что же касается оппозиционной Демократической партии, то она бойкотировала выборы, утратив тем самым 19 мест, которые она имела в прежнем Законодательном совете. В связи с этим председатель Демократической партии Сянгана Мартин Ли назвал 21 декабря 1996 г. "черным днем для демократии Сянгана"¹⁰. Что касается про-

фессиональной принадлежности депутатов, то здесь, по предположению некоторых источников, в основном прослеживается "яньаньская схема трех третей" : 1/3 - представители торгово-промышленных и банковских кругов (40,4 процента); 1/3 - специалисты и научно-техническая интеллигенция (34 процента); 1/3 - представители религиозных, политических кругов, а также низовых (включая волостные) организаций (24 процента)¹¹.

Интересно, что 10 депутатов нынешнего Временного Законодательного совета принимали участие и в выборах в Законодательный совет в 1995 г., проводившихся по демократической схеме К.Пэттена. Однако тогда никто из них не прошел в парламент. Теперь же все они получили депутатские мандаты, а один из них даже набрал максимальное количество голосов: 345 из 400¹². Бывший губернатор Гонконга К.Пэттен назвал "странным фарсом" то, что только 400 человек участвовали в выборах Временного Законодательного совета, который должен представлять 6 миллионов жителей территории, а тогдашний министр иностранных дел Великобритании М.Рифкинд высказался даже за то, чтобы пригласить Китай в Международный суд для решения вопроса о законности создания Временного Законодательного совета и ликвидации Законодательного совета, избранного согласно Закону о выборах в 1995 г.¹³

В этом контексте важной является прежде всего реакция самих жителей Сянгана на введение института Временного Законодательного совета и проведение выборов его членов. Опрос, проведенный Сянганским университетом 20 декабря 1996 г., показал, что количество лиц, оппозиционно настроенных по отношению к новому представительному органу, в течение только одного месяца (ноябрь - декабрь) сократилось с 36 до 25 процентов, в то время как число поддерживающих этот орган увеличилось до 37 процентов. Это в определенном смысле может говорить как раз в пользу легитимности нового парламента СОАР.

На первом заседании Временного Законодательного совета 25 января 1997 г. тайным голосованием его членов председателем был избран Фан Сюй Литай, получивший поддержку 33 депутатов (его конкурент Хуан Хунфа получил 27 голосов). Выборы главы парламента проводились с учетом изложенных в статье 71 Основного закона требований к претенденту на эту должность: кандидат должен быть в возрасте не менее 40 лет, являться на протяжении 20 лет постоянным жителем Сянгана, он не должен иметь права постоянного жительства за границей, а его выдвижение должны поддержать не менее 10 членов сянганского парламента. В структуре Временного Законодательного совета помимо указанных выше подразделений были созданы и органы со специфическими функциями: комиссия по выработке проекта положений о государственном флаге и государственном гербе, а также проекта положений о флаге и гербе Сянганского особого административного района, комиссия по выработке проекта положений 1997 г. об общественных организациях (дополнения) и проекта положений 1997 г. об общественной безопасности (дополнения)¹⁴.

После своего избрания и до 1 июля 1997 г. Временный Законодательный совет успел проделать определенную работу, в результате которой, в частности, была утверждена законодательная процедура, согласно которой законопроекты могли приниматься после их обсуждения в трех чтениях еще до 1 июля 1997 г. и вступать в действие сразу после перехода Сянгана под юрисдикцию КНР. Прошли также обсуждение Положения о нерабочих днях, Положения об общественных организациях, а также Положения об общественной безопасности. На своем восьмом заседании в Шэньчжэни (24.05.1997) Временный Законодательный совет единогласно назначил сорокадевятилет-

него Ли Гонэна на должность председательствующего судьи Суда окончательной инстанции¹⁵. До 1 июля 1997 г. Временный Законодательный совет провел в общей сложности 9 заседаний.

В дальнейшем основная задача Временного Законодательного совета будет заключаться прежде всего в том, чтобы проработать и адаптировать правовую базу Сянгана к реалиям особого административного района¹⁶. В частности, предстоит, руководствуясь статьей 160 Основного закона, внести соответствующие изменения в содержание 25 законов и дополнительно "отредактировать" ряд гражданских прав жителей Сянгана в новых условиях. Всего же им будет подвергнуто ревизии 640 различных юридических норм, а также 1100 приложений к правовым документам. В частности, изменения будут касаться нормативных документов о выборах в СОАР, о защите информации, о праве на проведение мирных демонстраций в Сянгане, о деятельности политических групп и организаций, включая правозащитные организации, профсоюзы, студенческие объединения. Особое внимание уделяется усилению контроля за контактами указанных структур с зарубежными организациями и центрами.

Комментируя изменения, руководитель Подготовительного комитета Цянь Цичэнь обрисовал их общие и наиболее бросающиеся в глаза контуры: "В Сянгане ежегодные демонстрации по случаю событий в Пекине 4 июня 1989 г. будут запрещены. В 1997 г. будет принят закон, который сделает уголовно наказуемой деятельность, связанную с предательством, раскольническими действиями и подстрекательством, а также попытками свергнуть Центральное народное правительство. Свобода прессы не ставится под сомнение, но это не означает разрешения распространять через печать слухи и организовывать нападки на ведущих политиков страны". Однако в целом, как считает Цянь Цичэнь, за небольшими исключениями, связанными с противоречиями Основному закону, подавляющее большинство законов и юридических норм прежнего Сянгана сохранит силу и в СОАР¹⁷.

Распространение общекитайских законов на территорию Сянганского особого административного района возможно лишь по постановлению Центрального народного правительства при введении в СОАР по решению Постоянного комитета ВСНП КНР режима чрезвычайного положения, которое возможно лишь в случае объявления войны или возникновения неконтролируемых беспорядков, угрожающих единству и безопасности страны.

По заявлению Главы администрации Дун Цзяньхуа (избран Коллегией выборщиков 11.12.1996 г.), сделанного им 23 января 1997 г., изменения не затронут основ демократии и прав человека в Сянгане, а усиление полицейского контроля, необходимость получения разрешения на проведение демонстраций, обязательность постановки на учет различных партийных групп, связанных с зарубежными организациями, будут лишь служить интересам поддержания общественного порядка в особом административном районе.

В июле 1996 г. Баптистский университет в Сянгане провел опрос 928 жителей колонии, из которых 58 процентов высказали недовольство политикой Пекина в отношении Сянгана, 27 процентов заявили о своем удовлетворении этой политикой (в феврале того же года показатели были соответственно 49 процентов и 31 процент). 24 процента респондентов высказали намерение остаться в Сянгане и после 1 июля 1997 г., в то время как 44 процента были намерены уехать в другую страну. В 1996 г. из Сянгана выехало 53 тысячи человек, а в 1995 г. - 43 тысячи человек, то есть прослеживалась тенденция на увеличение отъезжающих. Казалось бы, показатели говорят не в пользу Пекина. Однако присутствует и другая особенность в миграционных потоках:

многие выехавшие после получения загранпаспорта за пределами колонии изъявляли желание вновь вернуться еще до лета 1997 г. с тем, чтобы не утратить статус жителя Сянган. Основная причина в том, что Сянган по-прежнему остается для подавляющего большинства местом, где можно делать легкие деньги. В немалой степени возвращению способствует и то, что Пекин декларировал сохранение политических прав гражданам Сянган, которые имеют право на постоянное проживание в других странах. В результате, согласно статистике, из каждых 100 выехавших 60 возвращаются обратно.

Следует отметить, что Подготовительный комитет, сыгравший решающую роль в переходный период, продолжает свою работу и после изменения политико-юридического статуса Сянган. Его усилия теперь сосредоточены на подготовке и проведении выборов Законодательного совета первого созыва, которые планируется провести уже в первой половине 1998 г. Положения о формировании Законодательного совета СОАР первого созыва были утверждены на 9-м заседании Подготовительного комитета САРС 23 мая 1997 г.. Они конкретизируют указанное выше Постановление 3-й сессии ВСНП седьмого созыва от 4 апреля 1990 г. По словам Цянь Цичэня, при выработке Положений "главным исходным пунктом служило стремление обеспечить процветание Сянган на длительную перспективу, а не поиски вариантов, которые могли бы сегодня удовлетворить всех желающих попасть в парламент"¹⁸. Положения подтверждают, что Законодательный совет будет состоять из 60 человек, из которых 20 человек выбираются непосредственно населением, 30 человек - различными функциональными организациями и 10 человек определяются Коллегией выборщиков. К членам Законодательного совета первого созыва, которые должны приступить к работе уже 1 июля 1998 г., предъявляются требования их обязательной поддержки Основного закона и безупречной службы интересам СОАР, а также соответствие иным условиям. Кроме этого члены Законодательного совета должны постоянно проживать в Сянгане. Однако в парламент могут быть избраны и лица, не имеющие китайского гражданства, но постоянно проживающие в Сянгане и при этом имеющие право проживания в других странах. Эта категория не должна превышать в парламенте 12 человек (20 процентов). Из этих 12 членов Законодательного совета 4 выбираются в ходе прямого голосования, 6 человек выбираются от функциональных (профессиональных) организаций и 2 человека выбираются Коллегией выборщиков. Характерной особенностью является то, что освобождающиеся вакансии депутатских мест этой категории заполняются уже китайскими гражданами, не имеющими права постоянного проживания за границей, хотя они должны по-прежнему представлять те же избирательные округа и те же профессиональные организации. Законодательный совет первого созыва избирается сроком на два года, то есть его полномочия истекают в 1999 г.

Выборы членов Законодательного совета первого созыва непосредственно населением осуществляются двумя способами: либо жители Сянган выбирают конкретных лиц в Законодательный совет, либо они голосуют за конкретную партию, избирательное объединение. В первом случае Сянганский особый административный район делится на 4-9 избирательных округов, в каждом из которых выбираются от 2 до 5 членов Законодательного совета (многомандатные избирательные округа). При этом избиратель голосует только за одного кандидата. Во втором случае СОАР делится на 3-5 избирательных округов, где конкурируют политические партии и избирательные объединения. Они и распределяют места в Законодательном совете с учетом количества поданных за них голосов избирателей. Это то, что касается прямых выборов 20-ти членов парламента первого созыва. После принятия этой части

указанных Положений Демократическая партия Сянгана выступила против того, чтобы использовалась система выборов по многомандатным округам или система пропорционального представительства партий, участвовавших в выборах, называя такой порядок ущемляющим права демократических сил Сянгана. Призывая Главу администрации Дун Цзяньхуа настаивать на сохранении в Сянгане голосования за один мандат от округа, демократы ссылаются на уже накопленный территорией положительный опыт, а также на практику таких развитых азиатских стран как Япония и Республика Корея, которые отказались от использования у себя многомандатных округов¹⁹. Самое большое количество депутатов выбирается от так называемых профессиональных организаций - им отведено 30 мест в сянганском парламенте.

Они должны обеспечить представительство фактически всех слоев, категорий и профессиональных групп населения. Тем не менее в оппозиционной Демократической партии считают, что включение, например, предприятий КНР в Сянгане (в частности, Центральной торговой корпорации Сянган-КНР) в разряд профессиональных организаций неправомерно, поскольку это означает вмешательство КНР в дела Сянгана и нарушает главный принцип: "сянганцы управляют Сянганом". По их мнению, в таком случае и предприятия, находящиеся в Сянгане и использующие, например, английский капитал, также могут и должны быть включены в категорию профессиональных организаций, участвующих в выборах.

Коллегия выборщиков, которая будет выбирать 10 депутатов Законодательного совета первого созыва, должна состоять из 800 человек, а не из 400 человек, как это было при выборах Временного Законодательного совета. Все члены Коллегии выборщиков должны являться постоянными жителями Сянгана. В указанное число войдут 200 представителей от торгово-промышленных и банковских кругов, 200 представителей различных специалистов и профессиональных организаций, 200 представителей от трудящихся, сферы социального обслуживания и религии, 200 человек, представляющие Временный Законодательный совет, региональные организации, депутатов ВСНП и НПКСК от Сянгана. По существу, Коллегия выборщиков формируется из тех же категорий организаций и граждан Сянгана, что и сам Законодательный совет первого созыва, о чем говорилось выше. В этих условиях несколько усложняется работа Подготовительного комитета, который формирует Коллегию выборщиков. Это объясняется не только возросшим в два раза численным составом Коллегии, но и тем обстоятельством, что деятельность самого Подготовительного комитета после 1 июля 1997 г. все более критически воспринимается определенными кругами в Сянгане, в том числе и некоторыми членами самого Подготовительного комитета. Так, Лю Чжаоцзя, входящий в указанный комитет, считает, что доверие иностранцев к демократии и высокой автономии Сянгана значительно окрепло, если бы после 1 июля 1997 г. Подготовительный комитет был бы распущен²⁰. В силу того, что реальной и полномочной властной структурой в Сянгане в настоящее время является данный комитет функции Временного Законодательного совета, как самостоятельной ветви власти, пока еще мало значимы для политической и социальной жизни особого административного района. Глава администрации Дун Цзяньхуа также признает наличие на данный момент непосредственно в СОАР лишь одного силового центра, которым является возглавляемое им правительство. Сам факт принятия, например, Положений о формировании Законодательного совета СОАР первого созыва Подготовительным комитетом, а не Временным Законодательным советом, говорит в пользу высказываний Дун Цзяньхуа, Лю Чжаоцзя и др. Хотя председатель Подготовительного ко-

митета Цянь Цичэнь подчеркнул на 9-м заседании комитета в Пекине, что Администрация и Временный Законодательный совет СОАР также должны участвовать в подготовительной работе по формированию Законодательного совета первого созыва. Это участие видится, скорее всего, в детализации уже принятых Подготовительным комитетом положений о формировании сянганского парламента первого созыва с учетом особенностей использования этих положений на местах. Подготовительный комитет утвердил 23 мая 1997 г. и Решение о принятии присяги высшими должностными лицами Сянганского особого административного района. К такой категории лиц отнесены Глава администрации, ведущие руководители СОАР, члены Административного (Исполнительного) совета, члены Временного Законодательного совета, судьи Суда окончательной инстанции и председатель Верховного суда СОАР. У членов Временного Законодательного совета присягу принимал Глава администрации²¹.

Непростой период длительной подготовки и непосредственного перехода Сянгана под юрисдикцию Китайской Народной Республики в целом завершен успешно. В значительной мере это было обусловлено в основном удачной работой в области правового, организационного и кадрового обеспечения начального этапа преобразований политической системы, включая и представительную ветвь власти СОАР. С определением окончательных сроков этих преобразований китайское руководство не спешит, стремясь полнее учесть специфику особого административного района и не допустить ошибок, могущих привести к социальным беспорядкам, экономическому ущербу и подрыву международного престижа КНР.

1. The Free China Journal June 6, 1997 Vol.14.No.22. P.7
2. Формирование будущего статуса Сянгана//. Информационные материалы. ИДВ АН СССР. Выпуск 8. Москва, 1990. С.12
3. Peter Wesley-Smith. An Introduction to the Hong Kong Legal System. Hong Kong. Oxford, New York.: Oxford University Press. 1987. P.89.
4. Л.Гудошников. Сянган на переходе: политико-правовые проблемы.// Проблемы Дальнего Востока. N4, 1994. С.43; Гонконг (Сянган). Справочные сведения.: ИДВ РАН. Москва, 1993. Часть 1. С. 10-11.
5. Asian Survey. 1996. Vol.36. No.1. P.28
6. Far Eastern Economic Review. May 23. 1996, p.31
7. Asian Survey. 1996. Vol.36. No.1. P.28
8. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюань гунбао (Вестник Госсовета КНР). 1997. N5(857). С.186-187.
9. Жэньминь жибао.1990. 5апреля.
10. Asiaweek. January 10, 1997. P.24
11. Лян Юйин. Сянган тэбе синчжэнцзю линьши лифахуэй цзуйи. (Предложения Временного Законодательного совета Сянганского особого административного района). 1996. Чжунго дагу яньцзю. Т.39. No.4. С.64
12. Ляньхэбао. Тайбэй. 1996. 22декабря.
13. Asiaweek. January 10, 1997. P.24
14. Жэньминь жибао. .1997. 25мая.
15. Там же
16. Подробнее об этом: И го лян чжи. Фалю ваньти яньцзю. (Одна страна, две системы. Исследование правовых проблем). Пекин, 1997. С.37-56
17. Zweite Kolonialherrschaft.// Der Spiegel. 1996. N51. S.134
18. Жэньминь жибао. 1997, 23мая. С.1, 1997. 24мая. С.4
19. Чжунъян жибао.1997. 24мая. С.7
20. Там же.
21. Жэньминь жибао. 1997. 24мая. С.4

Четвертая ревизия конституции на Тайване

© 1998

Л. Гудошников

18 июля 1997 г. в Тайбэе Национальное собрание вновь внесло поправки в действующую на острове Конституцию Китайской Республики 1947 г. Само по себе изменение конституции на Тайване в последние годы перестало быть чрезвычайным событием – начиная с 1991 г. конституция подверглась ревизии уже четвертый раз.¹ Однако у поправок 1997 г. существенные отличия от предшествующих, которые можно свести к двум основным моментам: во-первых, последние по времени конституционные поправки явились результатом компромисса правящей партии Гоминьдан с основной оппозиционной партией – Демократической прогрессивной партией (ДПП), поскольку Гоминьдан уже не обладает в Национальном собрании необходимым для внесения поправок в конституцию квалифицированным большинством голосов (три четверти от всего депутатского корпуса). Во-вторых, в ходе внесения поправок явный приоритет был отдан усилению эффективности управления, а не совершенствованию демократических институтов.

Четвертой ревизии конституции предшествовала состоявшаяся 23-28 декабря 1996 г. конференция по национальному развитию. Эта конференция была в основном трехпартийным форумом, в котором крупнейшие партии острова – Гоминьдан, ДПП и Новая партия (Синьдан) – были представлены в соотношении 4-3-2. Кроме того, часть делегатов избиралась местными собраниями тоже в определенной пропорции партийного представительства, но уже с выделением квоты для независимого кандидата. Далее следовали представители ученых, социальных элит, правительственных учреждений. Наконец, 20 делегатов были назначены Президентом Тайваня.² Вместе с конституционными поправками рассматривались проблемы взаимоотношений между двумя сторонами Тайваньского пролива (т.е. между КНР и Тайванем) и экономического развития острова. По этим двум группам вопросов был достигнут консенсус. Что же касается конституционных поправок, то здесь консенсус по ряду вопросов был достигнут лишь между Гоминьданом и ДПП, тогда как представители Новой партии покинули заседания конференции 27 декабря, т.е. за день до ее закрытия, протестуя, как они говорили, против «несбалансированного возрастания» президентских полномочий. Поэтому-то консенсус по конституционным вопросам фактически достигался соглашениями между Гоминьданом и ДПП.³ Так было достигнуто соглашение по вопросу о праве Президента назначить премьера Исполнительной палаты без согласия Законодательной палаты и распускать последнюю по просьбе премьера или при необходимости. Вместе с тем, участники конференции согласились с тем, что Законодательная палата получит право смещать премьера, проверять счета и расследовать деятельность правительственных органов. Согласились они и на

то, чтобы число членов Законодательной палаты было увеличено до двухсот или более, а их полномочия продлены с трех до четырех лет.

Гоминьдан и ДПП достигли согласия в некоторых вопросах, касающихся Национального собрания, в частности относительно уменьшения его численности, формирования его из лиц, избранных по партийным спискам на базе пропорционального представительства, определяемого процентом поданных за каждую партию голосов. Было предложено также приостановить право Национального собрания на инициативу и референдум по спорным вопросам «национального характера», с тем чтобы это право осуществлялось непосредственно народом, т.е. электоратом. Была вынесена рекомендация и о том, чтобы отложить выборы в Национальное собрание по окончании полномочий нынешнего его состава.

Конференцией было предложено создать многопартийный орган для изучения вопроса о введении на выборах системы двух бюллетеней, один из которых подается за конкретного кандидата (без права передачи голоса другому кандидату), другой – за политическую партию. Еще одна рекомендация касалась учреждения беспристрастной внепартийной комиссии для разграничения избирательных округов.

Ряд достигнутых на конференции договоренностей касался властных структур на местах, в частности реорганизации и рационализации функций, деятельности и структуры провинциального правительства. В связи с этим было предложено учредить комиссию для проведения этого проекта в жизнь и «заморозить» выборы провинциального уровня после окончания срока полномочий современной провинциальной легислатуры. Одновременно предлагалось расширение полномочий уездных и городских властей, введение должностей заместителей мэров и начальников уездов.

Основные партии Тайваня согласились на отмену выборности соответствующим электоратом глав администраций волостей, поселков и городов уездного подчинения. Было предложено, чтобы в дальнейшем эти главы назначались вышестоящими администраторами. При этом система низовых представительных органов подлежит ликвидации. Планируемая реформа связывается с фактами больших злоупотреблений на низовых выборах и засоренностью властных структур этого уровня людьми с криминальным прошлым или криминальными связями.

Кроме того, представляется важным достигнутое соглашение относительно того, что политические партии не должны являться монополистами в определенных экономических сферах и бизнесе, претендовать на участие в проектах, связанных с сооружением государственных объектов, заниматься инвестициями на территории материкового Китая, т.е. КНР. В то же время политические партии могут получить от государства финансовые средства, которые должны расходоваться на проведение научных изысканий в сфере политики, обучения и подготовки персонала.

Всего на конференции по национальному развитию были достигнуты 22 соглашения по вопросам преобразования политической системы. Реформы в рамках этих соглашений были по идее направлены на поднятие эффективности властных структур.

Однако процесс принятия поправок к конституции, вроде бы согласованных на Конференции по национальному развитию, оказался затянутым и изобилующим драматическими моментами. Сессия Национального собрания открылась 5 мая, и первоначально предполагалось, что поправки будут окончательно приняты ею 26 июня 1997 г.⁴ Однако этот процесс затянулся до второй половины июля, и в третьем чтении они были приняты лишь 18 июля 1997 г. Позиции ДПП и Гоминьдана порой расходились диаметрально.⁵ Сле-

дует отметить, что обсуждение в Национальном собрании сопровождалось резкими протестами против конституционных поправок, особенно со стороны представителей университетской профессуры.⁶

Поправки (тогда еще в проекте) подвергались критике главным образом за усиление президентских полномочий, которое, по мнению ученых, приведет к «суперпрезидентуре», почти не подверженной контролю со стороны других ветвей власти. Но в конце концов ДПП и Гоминьдану удалось все же достичь компромисса по ряду конституционных поправок.

Как и при предыдущих ревизиях Конституции 1947 г. принятые поправки не вносились в ее текст, а сводились в прилагаемый к конституции документ с самостоятельной нумерацией статей. В поправках 1997 г. - 11 статей, некоторая часть из них повторяет статьи поправок 1994 г., которых было 10. Например, неизменными остались статьи, посвященные экзаменационной ветви власти, вознаграждению членов высших представительных органов, отношениям с материковым Китаем и некоторым другим вопросам. Однако значительное число статей предыдущей серии поправок были изменены.

Внесенные изменения прежде всего аннулировали право Палаты контроля инициировать процедуру импичмента Президента и вице-президента. Отныне это становится прерогативой Законодательной палаты, которая вносит соответствующее предложение двумя третями голосов своих членов в Национальное собрание. Для освобождения же этих высших должностных лиц с занимаемых ими постов на основании импичмента требуется, как и ранее, одобрение двух третей депутатов Национального собрания.

Однако Национальным собранием на этот раз были приняты далеко не все рекомендации конференции в части конституционных поправок, хотя при этом предполагается, что Национальное собрание еще вернется к нереализованным пунктам резолюций конференции. Так, например, остались прежними численность и порядок формирования Национального собрания, которые, как упоминалось выше, предлагалось изменить. Поправками не введено назначение сверху глав администраций низовых единиц административно-территориального деления, не прошли и некоторые другие рекомендации конференции.

Руководство правящей и главной оппозиционной партий основные усилия сосредоточили на принятии двух поправок: относительно порядка назначения на должность и смещения вотумом недоверия премьер-министра Исполнительной палаты и изменения статуса провинциальных властей. Теперь не требуется согласия Законодательной палаты на назначение Президентом премьер-министра Исполнительной палаты, но в то же время законодательная ветвь власти получила право смещения премьер-министра вотумом недоверия. Для того, чтобы поставить вопрос о вотуме, требуется согласие одной трети депутатов, а утверждает его уже более половины депутатов. Вся эта процедура по времени должна занимать не более пяти суток. Если вотум недоверия собрал необходимое число голосов, премьер должен уйти в отставку. На это ему отводится десять дней, в течение которых он имеет право официально ходатайствовать перед Президентом о роспуске Законодательной палаты. Если же вотум недоверия не принят большинством членов палаты, то вопрос о вынесении его повторно не может быть поставлен в течение года.

Общее количество членов Законодательной палаты теперь четко фиксировано и должно составлять 225 депутатов (ранее такая жесткая фиксация общей численности палаты отсутствовала и депутатский корпус по результатам последних перед ревизией конституции выборов составлял 164 человека). При этом способ их избрания остался прежним при одновременном увеличении соответствующих квот представительства. Установлено, что от городов центрального подчинения, уездов и городов избирается 168 депутатов. При этом каждый уезд и город

должен иметь в парламенте минимум одного депутата. По четыре депутата избирают аборигены равнинных и горных территорий (ранее по три депутата); восемь депутатов представляют зарубежных китайцев (ранее шесть) и 41 депутат (ранее 30) составляют общенациональный (практически общерегиональный) округ. Особо оговорено представительство женщин, которых в Законодательной палате не должно быть менее 10% от общего числа депутатов.

В положение о неприкосновенности членов Законодательной палаты внесено существенное изменение: отныне законодатели не могут быть подвергнуты аресту или задержанию без разрешения палаты лишь в период сессий. Однако, как и прежде, разрешение не требуется в случае ареста или задержания на месте преступления.

Что касается статуса провинциальных властей, то принято общее положение о снижении уровня их полномочий, предполагающее, в частности, лишение провинции законодательных прерогатив и урезание ряда других компетенций. Вместе с тем установлено, что провинциальное собрание и губернатор провинции продолжают функционировать в прежнем составе до завершения конституционного срока их полномочий (1998 г.). В дальнейшем губернатор и члены Консультативного совета, который заменит Собрание провинции, будут назначаться Президентом по представлению премьера Исполнительной палаты. Одновременно с принятием поправки правительство, со своей стороны, объявило о намерении создать специальную комиссию по упорядочению функций провинциального правительства и материального положения его служащих. Когда новые конституционные поправки стали реальностью, действующий губернатор провинции Сун Чуюй, с самого начала последовательно выступавший против снижения статуса провинциальных властей, заявил о прекращении своей деятельности в структурах Гоминьдана и отказе выдвигать свою кандидатуру в состав ЦК на очередном съезде партии. Сун Чуюй был, однако, введен в руководящие органы правящей партии (ЦК и Постоянный комитет ЦК) на ее XV съезде в августе 1997 г., хотя сам на съезде не присутствовал. Проведенная ревизия конституции означает, что закон о местном самоуправлении на уровне провинции и уезда, принятый в 1994 г.,⁸ в значительной части прекратит свое действие и скорее всего будет коренным образом пересмотрен.

Последние по времени изменения в тайваньской конституции не ограничились, однако, рекомендациями конференции по национальному развитию. Так, например, были внесены не вытекающие прямо из резолюций конференции новые положения, касающиеся Палаты юстиции, облеченной правами Конституционного суда. Согласно поправкам установлена определенная численность великих судей – 15 человек, включающая в это число председателя и заместителя председателя Палаты юстиции. Великие судьи занимают свои должности в течение 8 лет, но, назначенные председателем или заместителем председателя палаты, работают в указанных должностях по 4 года. До внесения этой поправки временные рамки занятия должностей Великих судей в конституции не фиксировались, но в статье 5 Закона об организации Палаты юстиции устанавливался девятилетний срок пребывания в этой должности)⁹. Все эти положения войдут в законную силу с 2003 года, который в официальном тексте конституции на китайском языке обозначен, как 92-й год Китайской Республики.¹⁰ Существенным изменением явилось включение в текст поправок давнего требования судейского корпуса Тайваня о предоставлении Палате юстиции собственного бюджета (ранее она была зависима в этом отношении от исполнительной ветви власти).

Изменения были внесены и в 9-ю статью поправок 1994 г., ставшей по новой нумерации 10-й. В этой статье содержатся конституционные положения по социально-экономическим вопросам. Так, в эту статью было внесено положение об

обязанности государства оказывать помощь и предоставлять защиту «средним и малым предприятиям, созданным народом». Несколько расширен абзац о государственной помощи инвалидам и умственно отсталым лицам, в частности введено положение о создании им «безопасной окружающей среды». Введено положение о приоритетном финансировании образования, науки и культуры, особенно обязательного обучения. Расширен и абзац о гарантиях прав, защите и помощи в отношении аборигенов острова. Введен особый абзац, подтверждающий культурный плюрализм, активное сохранение и развитие языков и культур аборигенов. Кроме того, расширен перечень сфер, в которых власти должны предоставлять гарантии, оказывать помощь и поддержку аборигенам. К образованию, культуре, здравоохранению, социальному обеспечению и бизнесу добавлены транспортные услуги, землепользование и водопользование.

Конституционные поправки встретили на острове неоднозначные оценки политологов и специалистов по конституционному праву. Выше уже говорилось о протестах ученых, усмотревших в поправках путь к «сверхпрезидентуре». Противоположное мнение высказал известный тайваньский политолог, профессор Университета Чжэнчжи Се Фушэн, заявивший, что и при последних изменениях в конституции Президент остается номинальным главой государства, символом национального единства без существенных полномочий.¹¹ Он не считает существующую на Тайване систему «двухголовой» (т.е. с двумя главами исполнительной власти), а обычной парламентской. Другой известный политолог, профессор Тайваньского государственного университета Цай Чженвэнь, одновременно являющийся политическим советником президента, считает, что определенную конституцией и поправками к ней систему власти на Тайване можно называть «двухголовой» лишь при существующем положении, когда Президент и премьер принадлежат к одной партии¹² и первый, добавим, традиционно является ее лидером и в силу этого может через партийные структуры оказывать влияние на законодательную ветвь власти. Парадоксально прозвучало заявление другого профессора того же университета Лу Яли о том, что многих людей беспокоит реабсорбация конституцией существа отмеченных в 1991 г. Временных положений (или правил) на период национальной мобилизации для подавления мятежа. Как известно, этими положениями устанавливались практически безграничные полномочия Президента, а премьер был просто его помощником.¹³ В подтверждение своего толкования конституционных поправок профессор Лу Яли отмечает, что в результате новейших поправок резко возросли кадровые полномочия Президента, что прежде всего усматривается в праве назначать премьера Исполнительной палаты без утверждения кандидатуры последнего Законодательной палатой. Под этим же углом зрения рассматривается ученым и право Президента назначать великих судей и членов Контрольной и Экзаменационной палат с согласия Национального собрания. Он считает, что Национальное собрание, в котором преобладают партийные интересы, не может достаточно компетентно оценить квалификацию назначенцев Президента на соответствующие посты, в силу чего большинство их проходит утверждение автоматически. Рост президентских полномочий усматривается и в новом порядке введения Президентом чрезвычайного положения, в частности в его праве ввести такое положение даже в период, когда идет сессия Законодательной палаты (по первоначальному тексту конституции такое положение можно было ввести лишь в межсессионные периоды). Лу Яли обращает также внимание и на усложнение поправками процедуры отзыва Президента и освобождения его от должности в порядке импичмента.

Как мы видим, мнения высказываются противоположные. Надо учитывать, однако, что конституционные поправки вносились в обстановке острой политической борьбы и часто являлись результатом компромиссов между двумя основными партиями Тайваня, которые при их заключении руководствовались различными интересами. Главная оппозиционная партия ДПП в общем-то не скрывает своего стремления установить президентскую форму правления, которую считает наиболее эффективной и подходящей для реального положения островного государства де-факто. Одновременно ДПП выступает и против суньятсеновской схемы разделения «пяти властей» и за установление разделения «трех властей», т.е. за ликвидацию контрольной и экзаменационной ветвей власти. Гоминьдан же продолжает настаивать на схеме «пяти властей» и идее «двухголовой» системы, которая воспринимается ДПП только как временная переходная форма правления. Но при этом обе партии рассматривают назначение президентом премьера Исполнительной палаты как фактор стабильности власти, который вряд ли будет сильно поколеблен правом вотума недоверия Законодательной палаты, принимаемым путем довольно сложной процедуры и ограниченным во времени (раз в год).

Другой пример компромисса – реорганизация провинциального управления. Вообще говоря, обе главных партии острова исходят из прагматического отношения к провинции, как к излишней структуре, поскольку территориальные пределы компетенции центральных (т.е. региональных) и провинциальных властей почти совпадают. Но при этом ДПП исходит из того, что независимому Тайваню провинциального деления не потребуется, тогда как Гоминьдан, выступаящий за «один Китай», заинтересован в сохранении хотя бы формальной провинциальной администрации. Такого же мнения придерживается и Новая партия, которая считает, что пересмотр провинциального статуса, с одной стороны, еще больше увенчивает президентские полномочия (Президент, согласно поправкам 1997 г., назначает по представлению премьера Исполнительной палаты членов провинциального правительства, один из которых – губернатор провинции, и членов Консультативного совета провинции, приходящего на смену органу самоуправления – провинциальному собранию) – с другой, обозначает усиление тенденций на провозглашение независимости Тайваня, поскольку курс на постепенную ликвидацию провинциального правительства вполне может быть расценен определенными политическими силами на острове и за его пределами в качестве серьезного шага в сторону упразднения статуса Тайваня как части Китая. Этот вывод нашел, в частности, подтверждение в беседе заместителя министра иностранных дел КНР Лю Хуацзо с профессором Джорджтаунского университета (США), американцем китайского происхождения Ван Цзи, имевшей место в марте 1997 г. Ван Цзи, по его словам, заявил, что «Китай не может позволить ликвидировать провинциальное правительство». По мнению профессора, «реакция Китая может быть сильнее, чем в прошлом (1996 – авт.) году» (имеются в виду учебные пуски ракет КНР в районы близ Тайваня накануне президентских выборов на острове).¹⁴

Выше уже отмечалось, что Национальным собранием на этот раз не отменен существующий порядок формирования корпуса глав местных низовых администраций. Однако ясно заявлено, что Национальное собрание к этому вопросу вернется.¹⁵ Вряд ли замену выборов глав низовых администраций их назначением можно отнести к моментам, демократизирующим политическую систему Тайваня. Однако в основу его легли прагматические соображения, которые нельзя не принимать во внимание. Это, во-первых, уже отмеченная выше засоренность этого звена администрации лицами с криминальным прошлым или с криминальными связями, и требуется поставить возможно и временный заслон криминализации местной политики. Во-вторых, выборы на этом уровне отличаются наи-

большим числом злоупотреблений и нарушений, причем далеко не всегда полиция удается схватить правонарушителей за руку.

Против криминализации политики направлено и упоминавшееся выше новое конституционное установление об ограниченности депутатского иммунитета членов Законодательной палаты в межсессионные периоды.

Конституционные поправки приведут к серьезным изменениям в законодательстве Тайваня, регулирующем организацию и деятельность представительных и административных структур. Разумеется, некоторое количество этих изменений коснется органов общерегионального масштаба, однако наибольшего числа поправок потребуют не так давно принятые законы о местном самоуправлении 1994 г. Напомним, что первый из них касался самоуправления провинций и уездов, а второй – самоуправления городов непосредственного подчинения. Второй из законов, по всей вероятности, подлежит полной отмене. Что касается первого закона, то он не должен быть подвергнут большим изменениям в части самоуправления уездов и городов, приравненных к уездам. Однако, по-видимому, он полностью прекратит свое действие по отношению к провинции, которая уже не будет самоуправляющейся единицей.

В соответствии со всем вышесказанным не очень просто определить значение четвертой ревизии Конституции 1947 года. Если исходить из идеальных представлений о демократии, то, конечно, можно сказать, что четвертая серия поправок является определенным регрессом по сравнению с предыдущими ревизиями конституции, т.к., например, отменяется выборность провинциальных властей и сами они становятся частью президентско-правительственных структур, а в низовом звене готовится отмена выборных административных должностей и представительных учреждений. Вряд ли к демократическим достижениям можно отнести и отмену согласия Законодательной палаты на назначение Президентом премьера. Однако в политической практике прагматические соображения усиления эффективности управления достаточно часто берут верх над демократическими идеалами не только на Тайване.

1. О предыдущих ревизиях Конституции на Тайване см. статью "Эволюция политического режима на Тайване" // ПДВ. 1993. № 5. С. 77-78, Третий этап конституционной реформы и становление современного парламентаризма на Тайване // ПДВ. 1995. № 1. С. 92-101.
2. The Free China Journal. Vol. XIII. № 41. Oct. 24, 1996.
3. Полный текст резолюций Конференции по национальному развитию см. Free China Review. Vol. 47. № 3. March 1997.
4. The Free China Journal. Vol. XIV. № 15. Apr. 18, 1997.
5. Ibid. № 22. № 24. Jun. 6, Jun. 20, 1997.
6. Ibid., № 23. Jun. 13, 1997.
7. Ibid. № 30. Aug. 1, 1997.
8. Характеристику тайваньских законов о самоуправлении 1994 г. см. в статье "Регламентация местного самоуправления на Тайване" // ПДВ. 1996. № 3. С. 50-59.
9. Цзуйсинь люфа цюаньшу (Новейшая полная книга шести отраслей права). Тайбэй, 1996. С. 22.
10. В тайваньских публикациях конституционных поправок на английском языке год обозначен по общепринятому летоисчислению.
11. Free China Review. Vol. 47. № 10. Oct. 1997. P. 42.
12. Ibid. P. 40.
13. Ibid. P. 44-45.
14. Гудошников Л.М., Кокарев К.А. Политическая система Тайваня. М., 1997. С. 90.
15. The Free China Journal. Vol. XIV. № 30. Aug. 1, 1997.

К итогам президентских выборов в Республике Корея

© 1998

А.Иргэбаев

Состоявшиеся 18 декабря 1997 года в Республике Корея президентские выборы несомненно открывают новую страницу в современной истории Южной Кореи. Основной смысл предстоящих перемен заключается в том, что предыдущая политическая практика, когда власть оставалась в руках правящей партии, закончилась. Впервые за 50 лет существования Республики Корея победу на президентских выборах одержал кандидат от оппозиции, лидер партии Национальный конгресс за новую политику (НКНП) Ким Тэ Чжун.

Ким Тэ Чжун, избранный президент РК, родился 5 декабря 1925 г. в провинции Южная Чолла. Он известен в стране и за ее пределами как опытный политический деятель, ветеран оппозиционного движения, на протяжении нескольких десятилетий активно выступавший за демократизацию страны, против авторитарных форм правления. Он шесть раз избирался депутатом Национального собрания РК. Трижды баллотировался на президентский пост, и лишь нынешняя, четвертая попытка оказалась удачной. В период правления генералов Пак Чжон Хи и Чон Ду Хвана подвергался политическим репрессиям, несколько лет провел в эмиграции в США, Японии.

Ким Тэ Чжун посещал Москву. В 1992 году получил ученую степень доктора политических наук в Дипломатической академии МИД России. Является почетным профессором МГУ имени М.В.Ломоносова.

Осуществленная таким образом смена власти и зарождение администрации Ким Тэ Чжуна являются, строго говоря, еще одним политическим экспериментом¹ в Южной Корее, особенно в нынешний период, когда она переживает серьезнейший валютно-финансовый кризис. Населению этой страны теперь предстоит узнать, какие позитивные результаты смена власти принесет южнокорейскому обществу, какой вклад внесет она в развитие страны.

Известно, что партия Ким Тэ Чжуна до сих пор не имела серьезной базы в правительственных структурах. Основными факторами победы Ким Тэ Чжуна явились создание коалиционного блока с другими видными деятелями оппозиции - Ким Чжон Пхилем и Пак Тхэ Чжуном, недовольство населения экономической политикой прежней администрации, а также раскол в правящем лагере. В результате выборов Ким Тэ Чжун набрал 40,3% (10,3 млн.) голосов избирателей, опередив на 400 тысяч голосов кандидата от правящей партии Ли Хве Чхана, набравшего 38,8% (9,9 млн.) голосов. Третий претендент Ли Ин Чже набрал 19,2% (4,9 млн.) голосов, а остальные четыре кандидата получили все вместе лишь 1,8% (св. 450 тыс.) голосов избирателей².

Тем не менее аналитики в Сеуле не склонны переоценивать влияние оппозиции и сходятся во мнении о том, что главной причиной поражения на выборах кандидата от правящей партии Ли Хве Чхана стал все же раскол

правлящего лагеря, не позволивший ему, в отличие от оппозиции, выступить на выборах единым фронтом. В этом смысле острое негодование направлено против Ли Ин Чже, который, нарушив внутривнутрипартийную дисциплину и не смирившись со своим поражением на выборах по выдвижению претендента от правящей партии новой Кореи, решил выставить свою кандидатуру в качестве независимого претендента на президентский пост. В этих целях кандидат Ли Ин Чже вышел из рядов ПНК и образовал из своих сторонников, в числе которых оказались и 8 депутатов парламента, собственную - Новую народную партию (ННП). В конечном счете, это действие Ли Ин Чже оттянуло часть избирателей - сторонников правящей партии, подыграв тем самым победе Ким Тэ Чжуна.

Необходимо также заметить, что предвыборная избирательная кампания в южной Корее на этот раз была сложной, насыщенной драматическими поворотами и экзотическими тактическими демаршами, типичными для политической культуры этой страны. Как и в предыдущие времена, имели место перегруппировка политических сил непосредственно накануне выборов, раскол прежних и появление новых партий, массовые переходы политиков из одной партии в другую, использование компромата против политических соперников и т.п.

Сегодня президентские выборы в РК остались позади, соперничество за президентское кресло окончилось. Наступили будни и достаточно суровые. Перед вновь избранным президентом РК Ким Тэ Чжуном и перед всей страной возникла тяжелейшая проблема, как преодолеть возникший в стране валютно-финансовый кризис и вывести экономику в русло стабильного развития. Иначе говоря, Ким Тэ Чжуну предстоит не только сформировать новую администрацию, способную решить насущные требования времени, но и разработать и предложить реалистическую программу и новую политику, которые найдут понимание у населения страны, что позволило бы ему обратиться к населению с призывом возложить на свои плечи часть бремени по выводу страны из кризисного состояния.

В Сеуле хорошо понимают, что наряду с решением этой главной задачи "спасения родины", оказавшейся на грани банкротства, новому президенту РК предстоит предложить обществу новые пути и способы преодоления других социальных болезней южнокорейского общества, доставшихся ему в наследство от прежней администрации: глубоко проникшая коррупция, разбухшая бюрократия, регионализм и диспропорция в развитии регионов, социальная несправедливость, трудовые конфликты и др. И конечно же от нового президента РК ожидают также и поворота к улучшению отношений между Южной и Северной Кореей.

Все понимают, что справиться с предстоящими испытаниями новой администрации в Сеуле будет сложно, если не удастся добиться взаимодействия всех политических сил в Национальном собрании (парламенте), где вновь возникло положение "ёсо ядэ" (большинство мест у депутатов от оппозиции). В настоящее время победившие на выборах НКНП и Объединение либеральных демократов располагают в парламенте 121 местом из 299.

Новые партии власти не могут не осознавать того, что, не располагая даже простым большинством мест в Национальном собрании, будет весьма трудно реализовывать свою политику и добиваться принятия тех или иных законодательных актов. Очевидно, что правящие партии будут активно вести работу по привлечению на свою сторону депутатов из оппозиционного лагеря и расширению таким образом своей фракции в парламенте.

Не менее серьезной задачей для новой администрации станет соблюдение "политических обязательств", взятых при создании в преддверии президентских выборов коалиции между НКНП и ОЛД³. Такой тактический шаг позволил Ким Тэ Чжуну выступить в качестве единого кандидата от оппозиции и добиться в конечном счете победы на выборах. Основными пунктами этих "обязательств" являются совместное формирование как нового правительства, так и всей новой администрации (свыше 240 высоких и ответственных государственных должностей), а также внесение к концу 1999 года изменения в Конституцию РК с целью замены нынешней президентской формы правления на систему парламентских кабинетов.

Прошедшие президентские выборы поставили новые насущные задачи не только перед партиями - победителями, но и перед партиями, потерпевшими поражение. От того, как эти партии справятся с возникшими проблемами, будет зависеть неизбежная перегруппировка политических сил, на конфигурацию которой окажут влияние как внутривнутрипартийное положение каждой партии, так и острое межпартийное соперничество. В общих чертах палитра политических сил в современной Корее выглядит следующим образом.

Национальный конгресс за новую политику (НКНП). В результате победы Ким Тэ Чжуна НКНП превратилась из оппозиционной в партию власти. Она имеет 78 депутатов в Национальном собрании. Как полагают аналитики в Сеуле, партии необходимо расширить свою фракцию в парламенте за счет привлечения депутатов из оппозиции. В этом смысле НКНП пока держит свои двери открытыми.

Можно также ожидать, что серьезность задачи по преодолению нынешнего кризиса в стране диктует необходимость привлечения к новой администрации квалифицированных и способных деятелей, служивших при прежних администрациях. Вместе с тем, НКНП вряд ли будет проявлять необдуманную поспешность при развертывании работы по привлечению в свои ряды сил из других лагерей, отдавая предпочтение на первых порах отслеживанию хода развития политических процессов после выборов.

Многое в последующей деятельности НКНП будет предопределяться тем, как будут складываться коалиционные связи и реализация договоренности с Объединением либеральных демократов, возглавляемым Ким Чжон Пхилем и Пак Тхэ Чжуном. Возникнув почти 3 года назад в результате выхода из правящей партии Ким Чжон Пхилея, ОЛД превратилось ныне, как пишут в Южной Корее, в "одну из составляющих правящей партии РК". Такое изменение положения ОЛД трансформирует его в притягательную силу, которая в процессе ожидаемой перегруппировки политических сил вполне сможет абсорбировать в себя деятелей из других партий.

Бесспорно, что ОЛД чувствует себя более свободной, чем НКНП, в проведении работы среди деятелей бывшей правящей партии, используя при этом тот факт, что в свое время она вышла из рядов правящей партии и находилась в этом смысле в одной лодке. Учитывается также и то обстоятельство, что в бывшей правящей партии имеется немало деятелей, придерживающихся консервативных взглядов и симпатизирующих идее введения в стране системы парламентских кабинетов. Поэтому вряд ли следует ожидать, что продиктованная предвыборными тактическими соображениями коалиция между ОЛД и НКНП перерастет в будущем в слияние обеих партий в единую.

Поражение на выборах кандидата от правящей Великой национальной партии (ВНП), которая за несколько месяцев до выборов называлась партией новой Кореи (ПНК), превратило ВНП в партию оппозиционного большинства. В настоящее время ВНП переживает такое состояние, когда на ее будущее

могут оказать влияние как внутрипартийный расклад сил, так и в значительной мере и внешние факторы.

Соотношение сил внутри партии между фракциями и группами, когда сосуществуют группа сторонников Ли Хве Чхана, фракции "Минчжон" и "Мичжу", группа сторонников Ким Ен Сама, группа молодых деятелей реформистской ориентации, группа сторонников Чо Суна и группа сторонников Ли Ги Тхэка, создает потенциальный источник последующего раскола партии, который может быть усугублен также "подрывными действиями" со стороны пришедших к власти НКНП и ОЛД.

Следует также учитывать, что в партии ныне отсутствует единая объединяющая всех идея, а сама партия возникла в срочном, "пожарном" порядке в преддверии выборов в целях обеспечения солидарных действий Ли Хве Чхана, кандидата от ПНК в президенты, и Чо Суна, который примкнул к партии, отказавшись при этом от собственного намерения выставить свою кандидатуру от другой партии.

В результате этих предвыборных ходов занимавшие в ПНК ведущие места фракции "Минчжон" и "Минчжу" утратили свои лидирующие позиции, "передав их в аренду на время выборов". Нельзя исключать того, что эти фракции будут стремиться восстановить утраченные позиции.

Наряду с наличием факторов, способных привести к расколу ВНП, необходимо иметь в виду и тот непреложный факт, что за этой партией стоят около 10 млн. избирателей и она имеет в парламенте большинство мест (157 депутатов). В этом контексте ВНП остается достаточно влиятельной силой в политической структуре РК. Именно поэтому нынешнее руководство ВНП (почетный президент Ли Хве Чхан, президент Чо Сун и исполнительный председатель Ли Хан Дон) выступает за усиление внутрипартийной сплоченности, укрепление структуры партии. Нельзя исключать того, что с учетом особенностей расстановки сил внутри партии предпочтение может быть отдано коллективной форме руководства ВНП.

Новая народная партия (ННП) - ее лидеры Ли Ин Чже, Ли Ман Соп и Пак Чхан Чжон - возникла после выхода из бывшей правящей ПНК Ли Ин Чже и выдвижения им собственной кандидатуры в президенты РК.

В ходе президентских выборов Ли Ин Чже занял третье место, получив 19,2% голосов избирателей. Сам тот факт не может не вселять ему уверенность в том, что его политические лозунги, призывавшие "положить конец трем Кимам (Ким Ен Сам, Ким Тэ Чжун и Ким Чжон Пхиль)" и "совершить смену поколений", встретили определенное сочувствие со стороны молодых избирателей. Как пишут в Сеуле, поддержка одной пятой части избирателей создает для Ли Ин Чже "площадку для нового старта", тем боле в условиях победы на выборах Ким Тэ Чжуна.

ННП имеет в парламенте 8 мест. Для нее актуальной является задача расширения базы поддержки, укрепление партийных рядов. Она вероятно, может рассчитывать на то, что в случае раскола ВНП часть ее деятелей, в особенности члены фракции "Минчжу" и группы молодых реформистской ориентации, могли бы присоединиться к ННП. В противном случае ННП грозит пребывать в положении "мини-партии", как ее именуют сейчас в Южной Корее.

Следует ожидать, что "основные игры" между партиями власти и оппозиционными партиями развернутся после официального вступления Ким Тэ Чжуна в должность президента РК 25 февраля 1998 года и формирования нового правительства страны, а также обнародования новой администрацией

программы преодоления кризиса и решения накопившихся политических, экономических и социальных проблем общества Южной Кореи.

Первые признаки возможной перегруппировки политических сил этой страны могут появиться, как представляется, в преддверии намеченных на май 1998 года выборов в органы местного самоуправления. Вместе с тем, нельзя исключать и того, что задача преодоления острейшего экономического кризиса, с которой столкнулась сейчас Южная Корея, может превратиться в сплачивающую нацию идею, которая отодвинет на второй план как внутрипартийные распри, так и межпартийное соперничество, противостояние в парламенте страны. Об этом мы, вероятно, узнаем в ближайшее время.

1. Хангук ильбо. 1997. 20 декабря (на кор.яз.)
2. Там же.
3. Чуган хангук. 1998. 1 января. № 1702. С. 9 (на кор. яз.)

Финансовый кризис в Азии и его экономические и политические последствия

© 1998

В. Михеев

(Окончание. Начало: ПДВ. 1998, №2)

4. Влияние азиатского финансового кризиса на региональную и мировую экономику.

Кризис, поразивший страны АСЕАН и Южную Корею, непосредственно не затронул экономики Китая и Тайваня. Положительное сальдо торгового баланса (40 млрд. долл. у КНР и 8 млрд. долл. у Тайваня в 1997 г.) и большие золотовалютные резервы (140 млрд. долл. у Китая плюс около 100 млрд. долл. у Гонконга и 83 млрд. долл. у Тайваня) стали щитом, не позволившим азиатскому кризису распространиться на эти страны. Для сравнения: сальдо торгового баланса стран АСЕАН и Южной Кореи (за исключением Индонезии) было отрицательным, а золотовалютные резервы составили лишь примерно по 20 млрд. долл. у Южной Кореи, Индонезии и Малайзии, 10 млрд. долл. у Филиппин и 27 у Таиланда. Большие валютные резервы позволили Пекину выделить 50 млрд. долл. на поддержание привязки гонконгского доллара к доллару США и предотвращение девальвации гонконгской валюты. И хотя гонконгскую фондовую биржу сильно лихорадило, а местные финансовые корпорации понесли потери, Гонконг на начало февраля с.г. устоял.

Помимо больших валютных резервов, устойчивости китайской финансовой системы способствовала ее закрытость от внешних рынков капитала и сильная государственная зарегулированность. Будучи недостаточно эффективной с точки зрения финансирования экономического развития, практически полностью контролируемая государством банковская система Китая оказалась мало восприимчивой к спекулятивным колебаниям на валютных и фондовых рынках азиатских стран. Китай оценивает ближайшие перспективы развития экономической ситуации в Азии как благоприятные и не намерен вносить коррективы в провозглашенный на XV съезде КПК курс на либерализацию банковской системы, придание ей большей открытости и повышения конкурентоспособности, допущение банкротств убыточных институтов, создание региональных коммерческих банков, запрет чиновникам вмешивать-

ся в кредитную политику банков. В свете последних событий реформа китайской банковской системы может создать дополнительные проблемы китайской экономике, преодолеть которые Пекин, похоже, намерен опираясь на те же огромные валютные резервы. Если их окажется недостаточно, то Китай либо будет лихорадить, либо будут приостановлены банковские преобразования.

Иммунитет Тайваня обусловлен существованием, в отличие от Таиланда и Индонезии, системы государственного контроля над заимствованиями тайваньских компаний, предотвращающей использование дешевых иностранных кредитов на спекулятивные проекты. В отличие от Южной Кореи, тайваньские фирмы преимущественно небольшие и их работа сконцентрирована на каком-либо одном направлении бизнеса, что избавляет их от излишнего бремени – поддержки убыточных родственных фирм.

Наибольшую опасность финансовый кризис в Азии и особенно в Южной Корее представлял для Японии – главного торгового и инвестиционного партнера азиатских стран. Крайне заинтересованная в нерасползании кризиса Япония, наряду с МВФ, стала главным донором при формировании портфелей финансовой помощи Южной Корее, Индонезии и Таиланду. Положительное сальдо торгового и текущего платежного баланса (примерно по 100 млрд. долл.) и самые большие в мире валютные резервы (200 млрд. долл.) вместе с мощной индустриальной базой позволили Японии избежать кризиса. Банкротства нескольких финансовых компаний и финансовый скандал, приведший к отставке министра финансов в конце января с.г. качнули токийскую биржу, но не потопили корабль японской экономики. Более того, происходящее в Японии подтверждает ту мысль, что кризис, наверное, действительно предоставляет возможность обновления. Во всяком случае финансовые скандалы предоставили японскому премьеру Р. Хасимото дополнительные возможности по реформированию – в сторону открытости, развития конкуренции и большей мобильности – японской финансовой системы. Теперь Хасимото может представить предлагаемые им меры, названные по аналогии с реформой английской финансовой системы «Big Beng II», как «неизбежное лекарство» для профилактики финансового кризиса и оздоровления экономики, преодолев тем самым сомнения многочисленных скептиков. Рост курса японской йены и индекса биржевых котировок, начиная с конца января, обеспечили быстрое восстановление (после финансовых банкротств и падения курса акций на Токийской бирже) доверия к японской экономике.

Воздействие азиатского финансового кризиса на мировую и региональную экономику происходит по следующим каналам:

- уход спекулятивного капитала с нестабильных рынков, что в наибольшей степени затрагивает развивающиеся и «переходные» страны;

- удешевление экспорта стран Азии, как следствие обвала курса национальных валют, и его рост. Некоторые экономисты видят в этом возможность глобальной дефляции с последующими падениями темпов экономического роста в большинстве развитых стран. МВФ, однако, настроен более оптимистично и полагает, что угрозы дефляционной волны не существует;

- уменьшение импорта странами, попавшими в беду, прежде всего импорта нефти и нефтепродуктов, что ведет к снижению мировых цен на нефть. Это обстоятельство, наряду с относительно теплой зимой в США и Западной Европе и ожидавшейся отменой санкций в отношении Ирака, привело в январе с.г. к снижению мировых цен нефть примерно на треть по сравнению с ноябрем 1997 г. (15-17 и 20-22 долл. за баррель соответственно).

В наибольшем проигрыше от финансового кризиса в Азии окажутся те регионы, которые имеют более тесные экономические связи с проблемными странами. В этом смысле азиатский кризис мало коснулся Южной Азии и

Африки. В сложном положении остается Латинская Америка, наращивавшая в последние годы сотрудничество со странами АТР. По мнению МВФ, кризис не создаст угроз для Восточной Европы пока Латинская Америка будет противостоять кризису. Кризис незначительно скажется на американской экономике: по оценке МВФ, США потеряют вследствие кризиса 0,3-0,4% ВВП. В отношении западной Европы сложилось два противоположных мнения. МВФ полагает, что Западная Европа в наименьшей степени пострадает от кризиса, поскольку АСЕАН и Южная Корея не являются ее крупными торговыми партнерами. Пессимисты, напротив, указывают на наращивание торговых и кредитных отношений Евросоюза с АСЕАН в последние годы, что делает западноевропейскую экономику более уязвимой. По их мнению, в наибольшей мере уязвимы европейские рынки автомобилей и транспортных средств, которые столкнутся с сильной конкуренцией подешевевших южнокорейских автомобилей.

5. Перспективы преодоления кризиса.

Перспективы преодоления кризиса, очевидно, связаны с устранением вызвавших его причин. Также очевидно, что для решения фундаментальных проблем азиатских экономик потребуется время и, возможно, перестройка психологии правителей и граждан НИС в сторону большей умеренности, осмотрительности и использования ультрасовременных (а не вчерашних) научно-технических факторов роста. Текущие ошибки правительства исправить можно быстрее. Однако в этом вопросе экономические проблемы тесно переплетаются с политическими факторами, в том числе с личностями лидеров азиатских стран и их готовностью к изменениям – изменениям, которые чреватy потерей привилегий для самих лидеров и членов их семей.

Наиболее опасным обстоятельством, способным затормозить преодоление кризиса или вызвать его повторение, остаются «внешние толчки», обостряющие накопившиеся противоречия НИС. На роль такого рода «внешних толчков» претендуют сегодня:

- возможная девальвация юаня. Последствия девальвации, которая повысит конкурентоспособность китайских товаров и даст Китаю преимущества в привлечении иностранных капиталов, могут вызвать новое падение национальных валют в других азиатских странах, особенно странах с относительно слабой промышленной базой – Таиланде и Индонезии;

- продолжение стагнации в японской экономике. В марте-апреле с.г. будет ясно, увеличит или, наоборот, пойдет по пути сокращения инвестиций в Азию Япония;

- политические события в Индонезии. Обострение внутренних политических и этнических проблем может привести к спаду производства и росту социальной напряженности;

- неудача попыток по обеспечению прозрачности финансовых операций в азиатских странах. Подобное развитие событий весьма вероятно, что связано с традициями ведения семейно-кланового бизнеса в Азии. Неудача в обеспечении прозрачности финансовых операций вновь создаст благоприятную почву для биржевых спекулянтов и вызовет рост «плохих кредитов».

Среди стран, пострадавших от кризиса, в относительно более благоприятном положении сегодня находится Южная Корея. Прочная национальная промышленная база, благосклонность международных финансовых кругов, идущих навстречу Сеулу, новое политическое руководство, свободное от ответственности за случившийся провал, позволяют Южной Корее рассчитывать на относительно более быстрое преодоление кризиса. 1-1,5%-й рост, стабилизация к середине года курса воны, рост экспорта и положительного саль-

до торгового баланса – представляются вполне достижимыми целями для южнокорейской экономики в 1998 г.

Таиланду и Малайзии потребуется, вероятно, более длинный – 2-3 года – срок для решения реабилитационных задач. В наиболее сложном положении находится *Индонезия*. Клан Сухарто, временно вынужденный подчинить свои интересы общенациональным задачам, будет стремиться вернуть себе прежние позиции, как только появятся признаки выправления общеэкономического положения. А поскольку этого клана интересы обеспечивались льготами и привилегиями, можно ожидать восстановления последних с новыми негативными последствиями для экономики в целом.

На начало февраля с.г. МВФ оценивает ситуацию на азиатских рынках как «стабилизирующуюся». В то же время МВФ полагает, что страны, попавшие в кризисную ситуацию, должны извлечь из нее уроки, чтобы исправить ситуацию и не попадать в нее в дальнейшем.

Уроки азиатского финансового кризиса, по мнению МВФ, сводятся к следующему:

- правительства стран должны быть готовы к тому, чтобы в момент опасности отказаться от фиксированного валютного курса, перейти к плавающему курсу национальной валюты – даже ценой ее девальвации – и одновременно поднять процентные ставки с тем, чтобы предотвратить отток капитала из страны. Правительства должны быть готовы к тому, что последняя мера вызовет замедление экономического роста – однако это замедление будет меньше и короче по времени, чем в случае продолжения политики низких процентных ставок;

- необходимо обеспечить эффективность национальной банковской системы, что подразумевает своевременное закрытие убыточных финансовых институтов и жесткий надзор за работой частных банков;

- в условиях замедления темпов роста правительства должны взять на себя заботу о базовых социальных аспектах экономического развития – начальном образовании, здравоохранении, программах социальной защиты населения;

- важно добиться высокой степени прозрачности в получении экономической информации о работе и планах правительства и центробанка – без этого частный сектор экономики не сможет работать эффективно. Правительства должны также ограничить сферы деятельности различных чрезвычайных комиссий и отказаться от предоставления преференций тем или иным компаниями или секторам экономики.

Главный вывод, сделанный МВФ по следам последнего азиатского кризиса, состоит в том, что необходимо усилить координацию финансовой политики государств на региональном и глобальном уровнях. На азиатском уровне роль координатора этой работы будет возложена на Токийский офис МВФ. Новым направлением работы Токийского офиса станет координация деятельности по предотвращению финансовых кризисов с новой азиатской структурой, решение о создании которой было принято на Манильской (18-19 ноября 1997 г.) встрече заместителей министров финансов и председателей центробанков азиатских государств. На мировом уровне МВФ намерен сделать акцент на увеличении объемов технического содействия развивающимся экономикам в оздоровлении их банковских систем, улучшении управления финансовым сектором, либерализации условий перелива капитала.

Рецепты МВФ, составленные на опыте последнего азиатского кризиса, как видим, лишь слегка затрагивают социальные и политические аспекты экономического развития развивающихся государств. И именно в этом заложен, вызов политике МВФ. Все ли страны готовы пойти на политические и социальные жертвы, связанные со снижением темпов экономического разви-

тия и неизбежные при выполнении рекомендаций МВФ как с точки зрения амбиций национальных вождей, так и с точки зрения терпения народа? Ответ МВФ прост: если не последуете нашим рецептам, будет хуже. Однако при таком подходе существует большая опасность того, что за лекарством к МВФ будут обращаться не тогда, когда система оповещения о надвигающемся кризисе подаст первый сигнал тревоги, а тогда, когда станет ясно, что иного выхода, кроме как жертвовать темпами роста, социальной и политической стабильностью, нет. В этом смысле планы МВФ не безупречны. Потребуется, видимо, время и немалые политические усилия ведущих мировых держав для того, чтобы сложились и начали эффективно работать региональные и глобальные системы «раннего оповещения» о надвигающихся финансовых кризисах.

6. Внешнеполитические последствия кризиса.

Азиатский финансовый кризис существенно повлиял на расклад политических сил в АТР и систему региональной безопасности:

Объективно возросла роль экономической составляющей стратегии национальной безопасности стран региона. Азиатские страны убедились, что наибольшая угроза внутренней стабильности и суверенитету сегодня связана не с военной агрессией, а с финансовыми и экономическими факторами. Вопросы экономической безопасности будут, вероятно, занимать центральное место во внешней политике азиатских стран в ближайшей перспективе.

В системе азиатской безопасности заметно усилились позиции США. США и МВФ, политическим дирижером работы которого являются США как ведущий вкладчик в бюджет Фонда, оказались главными «спасителями» попавших в беду азиатских партнеров. В случае скорого успеха реабилитационных программ, США, в краткосрочной и среднесрочной перспективе, будут восприниматься Азией как главный гарант экономической безопасности отдельных стран и региона в целом. Имеет шансы на укрепление своих политических позиций Япония, вложившая немалые средства в реабилитацию азиатских стран. Однако будут ли использованы эти шансы или нет зависит от того, сможет ли Япония обеспечить рост собственной экономики и продолжать наращивать инвестиции в АТР.

Оборотной стороной роста американского влияния в Азии стало усиление антиамериканизма в странах-реципиентах американской и международной помощи. В Южной Корее антиамериканизм на бытовом уровне подогревается распространенным в южнокорейском обществе чувством «стыда» и «унижения» за «плохую работу» всей нации и за необходимость просить помощи у США. На политическом уровне, где антиамериканизм носит скрытый характер, Сеул понимает, что ему придется принести США определенные жертвы: в экономике – это дальнейшие открытие национального рынка для американской продукции; в политике – более терпимое, вынужденно терпимое, отношение к американо-северокорейским «политическим играм», в которых Сеул постоянно усматривает угрозу своим интересам. В странах АСЕАН корни бытового антиамериканизма те же, что и в Южной Корее. На уровне межгосударственных отношений антиамериканизм подогревается резко негативным отношением США к намерениям стран АСЕАН создать собственную систему профилактики и защиты от финансовых потрясений: Вашингтон считает, что главная роль в этих вопросах, независимо от мнения или коллективных решений стран АСЕАН, должна принадлежать МВФ. Для того, чтобы сгладить негативные последствия антиамериканизма, Вашингтон в разгар финансового кризиса подтвердил странам Азии свои гарантии в вопросах военной безопасности и пошел на уступки, согласившись отложить выполнение

заключенных ранее многомиллиардных контрактов на закупку азиатскими странами американских вооружений.

Кризис в определенной степени повлиял на китайско-тайваньские и внутрикорейские отношения. Тайвань предпринял активную попытку получить как можно больше политических дивидендов, предлагая странам региона свою финансовую помощь. В ноябре 1997 г. премьер министры Сингапура и Малайзии сделали остановки на Тайване на пути домой с саммита АТЭС в Ванкувере. В январе 1998 г. представительная экономическая делегация Тайваня во главе с премьер министром посетила Филиппины и Индонезию и предложила содействие в преодолении кризиса. Тайвань делает ставку на увеличение прямых инвестиций в ослабленные экономики соседних НИС на скупку их подешевевших, но перспективных предприятий. В ответ на помощь Тайвань рассчитывает на поддержку азиатских партнеров в таких вопросах как членство в МВФ и ООН, участие тайваньского президента в саммитах АТЭС, упрощение контактов неофициальных представительств Тайваня в странах региона с местными официальными органами, установление безвизового режима в отношении со странами АТР. Однако тайваньские планы сталкиваются с трудностями внутреннего и внешнего характера. Тайвань не идет навстречу настойчивым требованиям АСЕАН признать существующие товарные квоты в местной валюте (а не в долларах США, что более выгодно для Тайваня). Намерение же Тайбея предоставить Южной Корее помощь в размере 10 млрд. долл. вызвало бурю протеста со стороны оппозиции и населения острова, не забывших еще, что в 1992 г. Сеул разорвал дипотношения с Тайбеем ради нормализации отношений с Пекином.

Китай предоставил финансовую помощь Таиланду и Индонезии и создал в регионе такую ситуацию, при которой страны региона во многом связывают свои надежды выкарабкаться из финансового кризиса с тем, будет ли девальвирован китайский юань. Сложившуюся ситуацию Китай, наряду с другими дипломатическими ходами, использует для ускорения решения вопроса о своем вступлении в ВТО. Китай надеется стать членом этой организации в 1998 г. Одновременно Китай ревниво следит за активностью Тайваня, пытаясь воспрепятствовать повышению политического веса «мятежного острова».

Внутрикорейские отношения ожидает, вероятно, длительная полоса затишья. Сеул, озабоченный внутриэкономическими проблемами, не проявляет заинтересованности в развитии диалога с Пхеньяном и 4-х сторонней встрече (США, Китай, Северная и Южная Корея). Пхеньян может воспользоваться ситуацией и попытаться нормализовать отношения с США, что рассматривается северокорейским руководством как предпосылка для увеличения иностранных инвестиций в свободные экономические зоны в Северной Корее. При этом Пхеньяну, возможно, придется заплатить большую политическую цену за отношения с США, имеющими сейчас в регионе особо прочные позиции. Вопрос, готов ли к этому Пхеньян, пока остается открытым.

С новой политической реальностью в АТР придется считаться российской дипломатии. Москве в нынешней ситуации есть резон ставить только те задачи, которые ей сегодня по средствам. В противном случае российские инициативы, и нынешние и, что хуже, будущие, будут восприниматься не более как политический блеф. У России сегодня нет финансовых возможностей для того, чтобы на равных играть с мировыми лидерами в игру «кто важнее и влиятельнее». Поэтому ее политика в целом должна приобрести более выжидательный характер, свободный от ангажирования обещаниями или дорогостоящими идеями-инициативами. Вместе с тем Россия могла бы создать задел на будущее в отношениях с наиболее важной из азиатских стран, попавших в

кризисную ситуацию – Южной Кореей. Односторонний пересмотр Россией своих обязательств и досрочная выплата долга Южной Корее в 1,4 млрд. долл. наличными (вместо поставок товаров и военной техники) продемонстрировал бы серьезность не раз декларировавшихся Москвой намерений «дружить» с Сеулом. Реально это можно было бы сделать в рамках соглашения с МВФ о выделении России стабилизационных кредитов на 10,2 млрд. долл.

7. Уроки финансового кризиса для России.

В России распространяется мнение, что финансовый кризис в Азии негативно сказался на российской экономике и стал чуть ли не главной причиной кризиса на российском фондовом рынке в ноябре и январе-феврале, приведшем к поднятию ставки рефинансирования сначала до 28, а затем и до 42%. Такое утверждение представляется не совсем корректным.

Торговля России, главными экономическими партнерами которой являются Евросоюз, СНГ и США, со странами АТР, попавшими в кризис, минимальная (менее 3%) . Незначительно, по этой причине, и распространение негативного влияния на российскую экономику последствий азиатского финансового кризиса по торговым каналам. Более того, мелкий и челночный российский бизнес, на долю которого приходится 25% российского импорта, сильно выиграл на дешевизне южнокорейских товаров в конце 1997 – начале 1998 г. Можно, конечно, сказать, что кризис в Азии стал одним из факторов, предопределивших падение мировых цен на нефть, что ударило по валютным поступлениям России. Однако тогда надо вспомнить и о других причинах удешевления нефти – теплой зиме в США и западной Европе, ожиданиях, появившихся в конце 1997 г., постепенного снятия санкций с Ирака.

В то же время фактом остается отток капиталов с российского фондового рынка. Несмотря на то, что доля иностранного капитала на этом рынке составляла 30% в ноябре и около 20% в феврале, отток капитала создал давление на российский рубль с негативными последствиями для тех банков, которые активно играли на рынке ГКО и имеют большие кредитные обязательства по форвардным сделкам, заключенным на условиях заранее фиксированного курса валют. Отток капитала стал следствием ухода с российского рынка спекулятивного капитала, напуганного событиями в Азии и устремившегося в более стабильные экономики. В этом смысле, действительно, имело место негативное влияние азиатского кризиса на российскую экономику, вернее, на ее финансовый сектор.

Рассуждая теоретически, т.е. исходя из якобы уже сложившегося рыночного характера российской экономики, можно сказать, что финансовые потрясения сказались или еще скажутся и на реальной экономике. Угроза девальвации рубля чревата всплеском цен на импорт, прежде всего импорт потребительских товаров, и витком инфляции. Высокая ставка рефинансирования, в свою очередь, делает невозможным доступ к кредитам для большинства предприятий, а также увеличивает расходы на обслуживание государственного долга сверх предусмотренного госбюджетом объема. Следуя рыночной логике, можно согласиться с правомочностью повышения процентных ставок ради борьбы за иностранный капитал и сказать, что как только западные инвесторы «восстановят доверие» к российскому фондовому рынку, российская экономика получит сфантазированные правительством 20 млрд. долл. инвестиций в год.

Дело, однако, в том, что подобная рыночная логика пока не для России. Проблемы России в другом: главные причины продолжающегося кризиса российской экономики — внутренние. И состоят они в том, что экономическая

реформа проводится не в интересах легитимного частного капитала, а в интересах олигархического капитализма, сложившегося и паразитирующего на приватизации доходов от продажи общенациональных природных ресурсов и на финансовых спекуляциях. В России, где долги по зарплате достигают 25-27% ВВП, около 45% экономики живет за счет бартера, и еще 15-20% за счет квази-денег. Масса денег в обращении не превышает 12-15% ВВП, а неплатежи превышают размер ВВП, производственные мощности используются на 30-40%, а половина промышленных предприятий находится на грани остановки, нет прямой связи между фондовым рынком и реальной экономикой. Отечественные производители, в большинстве своем, обходятся вообще без денег. А иностранные стратегические инвесторы, главным образом в добывающие отрасли, действуют напрямую, например, в рамках «соглашений о разделе продукции», а не через фондовый рынок. Фондовый рынок, на деле, служит двум целям: он позволяет государству уменьшать размеры денежной эмиссии, работая на поставленную МВФ задачу сбить инфляцию, и дает возможность легких и быстрых заработков национальному и иностранному спекулятивному капиталу.

Порочность экономической политики России особенно явно проявилась в ходе дискуссий на последнем всемирном экономическом форуме в Давосе. Здесь впервые после распада СССР России дали понять, что «российский день» закончился, и долгосрочные интересы западного реального (в отличие от спекулятивного) капитала смещаются с российской экономики в сторону Китая и Латинской Америки.

Парадокс ситуации, однако, в том, что именно слабости российской экономики, тормозящие ее вхождение в рынок, защищают ее от негативных последствий азиатского финансового кризиса. Неплатежи, долги по зарплате, бартер являются щитом, прикрывающим экономику России от внешних финансовых потрясений. Они не позволяют России развиваться по рыночному пути, ведут к стагнации российской реальной экономики, но все же защищают от неизбежных опасностей рыночного развития.

Нынешние проблемы России, таким образом, не связаны в потрясениями в Азии. Уязвимость России воздействиям финансовых потрясений, аналогичных тем, что будоражат сегодня Азию, станет реальной позже – когда (и если) российская экономика действительно начнет избавляться от нерыночных элементов и увеличивать свои масштабы. Представим ситуацию, при которой экономика России наполняется деньгами и предприятия получают доступ к краткосрочным и/или долгосрочным кредитам для выплаты зарплат, погашения задолженности перед другими предприятиями, приобретения оборотных средств, инвестиций в основные фонды и научно-технический прогресс. Когда растет уровень капитализации экономики и предприятия активно выходят со своими акциями на фондовый рынок в целях приобретения дополнительных средств для инвестиций. Как результат позитивных сдвигов, со временем вычерчивается круг наиболее перспективных предприятий России, доступ к контролю над которыми возможен через фондовый рынок.

Именно в этот момент экономика России становится особенно уязвимой. С ней может случиться то, что произошло в Азии. Объем краткосрочных кредитов превысит допустимые нормы. Биржевые спекулянты могут предпринять «классическую» атаку на валютный и фондовый рынки, сначала добившись девальвации рубля и резкого падения курса акций с тем, чтобы потом скупить акции перспективных предприятий. Именно в этот момент для России важны будут уроки последнего азиатского финансового кризиса. Важно будет создание систем «раннего оповещения» о наступлении кризиса и ограничения доступа спекулятивного капитала к российским активам.

Классическая логика парадокса: то, что плохо – хорошо, а что хорошо – плохо. Вывод из этих рассуждений, конечно, состоит не в том, что не надо вползать в рыночные дебри. Вывод в другом: приняв полностью рыночную логику развития, надо загодя беспокоиться о неизбежных потерях, которые рынок гарантирует тем, кто плохо думает, плохо управляет, плохо считает. Плохо – с точки зрения общегосударственных интересов.

8. Некоторые выводы.

1. Финансовый кризис в Азии не стал общемировым. Более того, не все азиатские страны оказались в него вовлеченными. Иммунитет обеспечивается большими валютными резервами, положительным сальдо торгового и текущего платежного баланса, либо закрытостью национального финансового рынка или незначительным объемом экономических связей со странами, оказавшимися в кризисе.

2. Мировое сообщество и его главный финансовый институт – МВФ, как оказалось, не располагают механизмом раннего оповещения о надвигающемся кризисе или набором мер борьбы с фондовыми спекулянтами. В то же время МВФ проявил готовность и способность оказать реальную помощь пострадавшим странам. России, представляется, необходимо принять активное участие в начинающейся работе по координации финансовой политики государств Азии под эгидой МВФ. Особое значение имеет постановка вопроса о создании правовых и институциональных основ борьбы с фондовыми спекулянтами на развивающихся рынках – борьбы аналогичной той, что уже ведется против товарного демпинга.

3. Главными политическими последствиями азиатского финансового кризиса стали: возрастание роли экономической составляющей национальной безопасности в политике стран АТР, упрочение роли США в АТР, попытки Китая усилить свое влияние на регион, замедление внутрикореяского диалога. Российская политика в этих условиях должна освободиться от амбициозных, но не подкрепленных финансово, политических инициатив.

4. Кризис в Азии оказал определенное негативное влияние на российский фондовый рынок – в силу большой доли в нем спекулятивного иностранного капитала. Однако влияние кризиса на реальную экономику России было практически нулевым. Негативные черты российской экономики – нехватка денег в обращении, неплатежи, долги по зарплате, бартер, сдерживающие становление в России полноценного рынка, с другой стороны, защитили Россию от внешних финансовых потрясений. Опасность воспроизведения в России азиатского финансового кризиса наступит тогда, когда Россия перейдет к фазе реального экономического роста и освободится от «не рыночных» элементов народного хозяйства.

5. Финансовый кризис в Азии стал сигналом азиатским НИС о необходимости корректировки неоиндустриальной модели развития в сторону замедления темпов экономического роста и смещения акцентов с темпов на эффективность и «качество» роста. Кризис вскрыл недостатки неоиндустриализма, преодоление которых может дать дополнительный толчок его развитию – наибольшие шансы справиться с ситуацией у обладающей 11-м в мире промышленным потенциалом Южной Кореи, наиболее проблемной страной остается Индонезия. В этом смысле в финансовом кризисе в Азии действительно сокрыта возможность – возможность нового подъема причем не только для Азии, но и для России, если она сумеет к выгоде своей использовать уроки кризиса.

Рынок акций в Китае

© 1998

В. Портяков

Становление полноценного рынка ценных бумаг, охватывающего биржевую торговлю корпоративными (акции и облигации компаний и предприятий) и государственными (различные облигации госзайма и сберегательные облигации госбанков) ценными бумагами, а также паями инвестиционных фондов, представляет собой важную составную часть общего процесса перехода экономики той или иной страны на преимущественно рыночные принципы хозяйствования. Рынок акций в реформирующемся Китае, вступивший во второе десятилетие своего существования, постепенно перемещается с периферии в центр экономических процессов. Анализ особенностей и проблем его развития и посвящена данная статья.

Первичный рынок акций

Первые попытки эмиссии акций во вставшем на путь экономических реформ Китае были предприняты в начале 80-х годов,¹ а с 1986 г. начались эксперименты по рыночной торговле акциями. С первых шагов эмиссию акций в стране стремились поставить на прочную юридическую основу. Вслед за сугубо локальными законодательными актами (например, "Временные методы эмиссии акций Кредитно-денежной трастовой компанией г. Ухань" от 1 июля 1984 г., аналогичный документ Шанхайского отделения Народного банка Китая) уже в 1987 г. появились и общегосударственные регламентирующие документы, например, "Уведомление Госсовета об усилении управления акциями и облигациями".

Несмотря на изначальное признание паевой экономики "составной частью социалистической экономики", призванное снять возможные идеологические препоны на пути ее развития, на достаточно полное теоретическое представление о возможных в условиях Китая этапах и методах становления рынка ценных бумаг и его полезных функциях (концентрация и перераспределение средств общества, регулирование кредитно-денежной сферы, содействие укреплению горизонтальных связей в экономике, канал распространения экономической информации и т. п.), на практике рынок ценных бумаг вплоть до 1991 г. включительно получил весьма ограниченное развитие.² Так, суммарная эмиссия облигаций и акций в КНР на конец 1988 г. (101,44 млрд. юаней) соответствовала уровню 7% валового национального продукта, произведенного в том году, что было ниже не только показателей США и Японии (соответственно 188% и 96% в 1980 г.), но и в Бразилии (12%) и Индии (9%).³

Портяков Владимир Яковлевич, кандидат исторических наук, заместитель директора ИДВ РАН.

Подготовлено при содействии РГНФ. Проект № 97-02-02199.

При этом общая эмиссия акций на конец 1991 г. оценивалась максимально в 7,54 млрд. юаней.⁴

Причиной такой ситуации послужили не только вполне естественные трудности роста, но и сверхжесткая кредитно-денежная политика в период урегулирования экономики 1989—1991 гг., политическая неготовность руководства страны к крупным шагам в сфере акционирования и “облигатизации” экономики, объективная неразвитость необходимых для нормального функционирования рынка ценных бумаг институциональных структур.

Достаточно радикальное изменение положения с 1992 г. было обусловлено прежде всего совершенным по настоянию Дэн Сяопина поворотом экономики страны к более последовательным преобразованиям рыночного типа. Ведущую стимулирующую роль в институциональном оформлении рынка ценных бумаг сыграли: официальное открытие бирж ценных бумаг в Шанхае (1990 г.) и Шэньчжэне (1991 г.), опережающее (по сравнению с материальным производством) развитие финансового сектора экономики КНР, количественный рост паевой экономики, статистически выделенной в самостоятельный экономический уклад, пополнение и укрепление в 90-е годы законодательной базы функционирования экономики страны на рыночных принципах.

Всего за три года — 1992—1994 гг. — суммарная эмиссия ценных бумаг в Китае превысила 400 млрд. юаней по сравнению с 261 млрд. за 1981—1991 гг., а отношение совокупной эмиссии ценных бумаг за 1981—1994 гг. (663,7 млрд. юаней — без учета обращающихся депозитных сертификатов) к ВВП Китая в 1994 г. составило 14,78%.

Однако эмиссия акций все еще оставалась скромной: 6,36 млрд. юаней за 1992—1994 гг.⁵

Вплоть до середины 90-х годов приводимые в китайской периодической печати и экономической литературе данные об акционировании носили крайне противоречивый и несистематизированный характер, главным образом из-за отсутствия четких разграничений между паевыми и акционерными предприятиями, между акционерными обществами (АО) открытого и закрытого типа. Так, по одним данным, уже на начало 1989 г. в КНР было создано более 6 тысяч паевых предприятий, аккумулировавших суммарный капитал около 6 млрд. юаней.⁶ В то же время, количество акционерных предприятий к концу 1992 г. составляло 3700. Из них 86% располагали только внутренним паем рабочих и служащих, 12% были созданы по принципу взаимного пая юридических лиц, лишь 2% составили АО открытого типа, эмитировавшие акции для публичной продажи, которые реализовались населению пакетами от 500 до 1000 штук, кратными 100. Первые же два типа акционерных обществ имели право выпускать не акции, а паевые сертификаты, предназначенные для реализации либо юридическим лицам, либо рабочим и служащим только данной компании и ее дочерних предприятий, выступающим в качестве инвесторов, при этом суммарная доля пая рабочих и служащих в общей сумме эмиссии не должна была превышать 2,5%.

По другим данным, к концу 1993 г. в Китае было создано 260 АО открытого типа и 2950 АО закрытого типа.⁷

В целом до 1992 г. процесс акционирования предприятий носил сугубо экспериментальный характер и ограничивался Шанхаем, Шэньчжэнем, Пекином, Шэньяном, провинциями Гуандун, Хайнань, Фуцзянь. После эксцессов в августе 1992 г. в Шэньчжэне, где скопилось множество иногородних лиц, стремившихся купить акции местных акционерных предприятий, был разрешен выпуск акций для публичной реализации и в других провинциях страны, где в 1993 г. для этой цели были отобраны по 1—2 предприятия.

Принятие ряда документов, регламентирующих создание акционерных предприятий и эмиссию предназначенных для открытой продажи акций ("Положение о методах эксперимента с паевыми компаниями" от 15 мая 1992 г., "Типовое положение об акционерной компании с ограниченной ответственностью" от 15 мая 1992 г., "Временное положение о контроле за эмиссией акций и торговлей ими" от 22 апреля 1993 г., "Закон КНР о компаниях") позволило упорядочить процесс акционирования и выхода акций на вторичный рынок ценных бумаг,⁸ что, в свою очередь, прямо способствовало улучшению статистического учета в данной сфере. Согласно сведениям "Статистического ежегодника Китая", в 1994 г. в КНР действовало 4580 промышленных паевых и акционерных компаний, произведших 5,5% валовой промышленной продукции страны, и 9606 торговых компаний данной формы собственности (5237 в оптовой торговле и 4269 в розничной). В 1995 г., когда китайская статистика впервые привела официальные данные о доле паевой и акционерной экономики в народном хозяйстве (0,5% занятых, 1,5% продукции строительства, 4,8% продукции промышленности, 4,6% торгового оборота), количество компаний этого типа в промышленности возросло до 5873, а в торговле — до 11937.⁹

Лишь незначительная часть акций котировалась на биржах в Шанхае и Шэньчжэне: суммарно всего 14 видов в 1991 г., 72 — в 1992 г., свыше 200 — в 1993 г. и 345 — на конец 1994 г. В структуре акций типа А, предназначавшихся для отечественных инвесторов, преобладали (свыше трех четвертей в 1993 г.) акции предприятий перерабатывающей промышленности, главным образом электронной, текстильной и машиностроения, торговых предприятий. Из 120 компаний, котировавших свои акции на бирже ценных бумаг в Шэньчжэне на 31 декабря 1994 г., 67 представляли промышленный сектор, 3 — финансовый, 9 — торговлю, 16 — недвижимость, 12 — общественную инфраструктуру и 13 — предприятия смешанного типа.¹⁰

Создание акционерных обществ до недавнего времени было запрещено на предприятиях высоких технологий оборонного значения и в сфере разработки редкоземельных металлов, имеющих стратегическое значение. Одновременно предписывалось сохранение контрольного пая за государством при создании АО в высокомодернизированных отраслях экономики, таких как электроэнергетика, транспорт, связь.

Паевая структура выходящих на биржу акционерных компаний варьируется в весьма широких пределах. Стандартный вариант предусматривает наличие государственного пая, пая юридических лиц и индивидуального пая, часть которого (чаще 20%, иногда 5 или 10%) приходится на долю рабочих и служащих самой компании. В ряде компаний выделяется также пай эмитента и пай иностранного капитала. Совместные предприятия с участием иностранного капитала могут входить в состав выступающих эмитентами юридических лиц (не более трети от общего числа эмитентов), а также с разрешения центрального банка страны выпускать специальные акции типа В, реализуемые зарубежным инвесторам в иностранной валюте.

Небольшое количество предприятий (на конец 1994 г. двенадцать) эмитировало акции для котировки на бирже ценных бумаг в Гонконге. Эти акции получили наименование акций типа Н ("аш", "эйч").

На конец 1994 г. акционерные компании, котирующие свои акции на Шанхайской бирже, суммарно располагали 46,4 млрд. акций-паев, из которых 31,5 млрд. составляла необращающаяся часть и 14,9 млрд. — обращающаяся часть (7,67 млрд. — акции типа А, 3,15 млрд. — акции типа В и 4,8 млрд. — акции типа Н). Показатели для Шэньчжэньской биржи составили соответст-

венно: 22,06 млрд. акций-паев — суммарная эмиссия, из них 14,36 млрд. — необращающаяся часть и 7,70 млрд. — обращающаяся часть.¹¹

Динамика эмиссии акций в Китае, предназначенных для обращения на биржах ценных бумаг, складывалась следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1

Эмиссия акций в Китае (1987—1994 гг.)

Наименование	Ед. Изм.	1987-1991	1992	1993	1994	1987-1994
Эмиссия акций	млн. шт.	5090	2075	9579	6706	23450
Акции типа А	"-	5090	1000	4259	1097	11446
Акции типа Н	"-			4041	4569	8610
Акции типа В	"-		1075	1279	1040	3394
Из них:						
в Шанхае	"-		855	853	952	2660
в Шэньчжэне	"-		220	426	88	734
Аккумуляированный капитал						
Акции типа А	млн. юаней	5090	5000	19483	4962	34535
Акции типа Н	млн. гонк. долл.			8125	9878	18003
Акции типа В						
в Шанхае	млн. долл. США		654,7	384,0	407,0	1445,7
в Шэньчжэне	млн. гонк. долл.		869	2114	352	3335

Составлено по: Чжунго чжэнцзоань тунцзи няньбао 1995 (Ежегодник статистики ценных бумаг Китая 1995). Пекин, 1996. С. 50.

В 1996—1997 гг. вслед за активизацией усилий китайского руководства по реформированию государственного сектора экономики произошел существенный рост масштабов первичного рынка акций. На фоне общего увеличения к концу 1996 г. числа акционерных и паевых предприятий в промышленности до 7760 и в торговле до 22364 (14529 — в оптовой и 7835 — в розничной)¹² суммарный объем годовой эмиссии акций составил 15 млрд. юаней в 1996 г. и достиг 30 млрд. юаней в 1997 г., превысив суммарную эмиссию акций за все предыдущие годы. Основная цель столь крупномасштабной эмиссии состояла в адресной финансовой поддержке ряда крупнейших предприятий и объединений страны: по состоянию на конец августа 1997 г. компании, котирующие свои акции на биржах в Китае и Гонконге, получили от реализации акций 256 млрд. юаней. Крупные и средние предприятия составили до 70% новых компаний, вышедших на биржу ценных бумаг в 1997 г., а общее количество компаний, осуществляющих биржевую котировку акций типа А, достигло 530 в конце 1996 г. (293 в Шанхае и 237 в Шэньчжэне) и 720 — в конце 1997 г. (371 и 349 соответственно).¹³ До 38 возросло количество компаний, эмитировавших акции типа "Н" ("Аш") для котировки на бирже в Гонконге.

Вторичный рынок акций

К середине 90-х годов сложилась достаточно разветвленная сеть по осуществлению операций на вторичном рынке ценных бумаг. Организационно она включает биржи ценных бумаг в Шанхае и Шэньчжэне, около 30 региональных центров торговли ценными бумагами, около 100 компаний ценных бумаг (включая три общекайтайские — Хуася в Пекине, Готай в Шанхае и Наньфан в Гуанчжоу), более 2400 отделов ценных бумаг, учрежденных в различных кредитно-денежных институтах, в том числе около 700 — при компаниях ценных бумаг, а также сеть компаний, занимающихся аудитом, бухгалтерским учетом, юридическими вопросами.

Руководят всей работой по ценным бумагам созданные в конце 1992 г. Комитет по ценным бумагам Госсовета КНР и его исполнительный орган — Комитет по управлению и контролю за операциями с ценными бумагами, переведенный с 5 января 1994 г. в прямое подчинение Госсовета КНР.

Функции Комитета по ценным бумагам, представляющего собой орган единого макроуправления рынком ценных бумаг в Китае, состоят в разработке законодательства и выработке политических установок, затрагивающих проблемы рынка ценных бумаг, подготовке предложений по его развитию, в руководстве, координации, проверке и контроле за деятельностью мест и ведомств, имеющих отношение к рынку ценных бумаг.

В функции Контрольного комитета входит выработка нормативных документов, регулирующих деятельность рынка ценных бумаг, контроль за деятельностью организаций, ведущих операции с ценными бумагами, контроль за эмиссией ценных бумаг и за осуществляющими ее компаниями. По решению Госсовета КНР летом 1997 г. под прямое управление Контрольного Комитета были переданы биржи ценных бумаг в Шанхае и Шэньчжэне.

Фондовые биржи в Шанхае и Шэньчжэне являются важнейшими и наиболее известными как в стране, так и за рубежом институциональными структурами рынка ценных бумаг Китая. На начальном этапе деятельность бирж регламентировалась индивидуальными документами, а с июля 1993 г. — общими для обеих бирж “Временными методами управления биржей ценных бумаг”. Документ ориентировал биржи на самостоятельное принятие правил и распорядка собственной деятельности, таких как форма и содержание запроса о выводе ценных бумаг на рынок, содержание рекламного объявления о выходе ценных бумаг на рынок, виды котировемых на рынке ценных бумаг и ограничения, методы и сроки торговли ценными бумагами, порядок сборов и уплаты различных расходов, методы предоставления рыночной информации и т. п.¹⁴

Биржа в Шэньчжэне с самого начала задумывалась как биржа акций, и преимущественно таковой она и остается. Даже в 1994г., в разгар лихорадки фьючерсных сделок с государственными казначейскими обязательствами (ГКО), объем торговли ими в Шэньчжэне составил всего 11,4% от общего объема сделок с ценными бумагами на бирже — 33,86 млрд. юаней из 297,12 млрд. Еще около 8% (24,01 млрд. юаней) дали операции с паями инвестиционных фондов,¹⁵ а на долю операций с акциями пришлось свыше 80%.

Структура торговли ценными бумагами на бирже в Шанхае от года к году менялась весьма радикально. Поначалу здесь доминировали сделки с облигациями, а на долю операций с акциями восьми компаний в 1991 г. пришлось всего 17,7% общего торгового оборота биржи. В 1992 г., ставшем первым годом акционерной “лихорадки” в Китае, объем торговли акциями вырос в 30 раз, а доля операций с ними в общем объеме сделок на бирже превысила половину. В 1993 г. торговля акциями просто доминировала — 238 млрд. юаней

из 246,7 млрд. (Это был год наиболее вялого сбыта государственных облигаций на первичном рынке, отразившийся и на операциях с ними на бирже). Однако допущение с конца 1994 г. фьючерсной торговли ГКО кардинально изменило ситуацию: в 1994 г. объем сделок с ГКО почти впятеро превысил торговлю акциями, увеличившись в 225 (!) раз по сравнению с предыдущим годом и достигнув 2431,35 млрд. юаней (71,36 млрд. — торговля наличными облигациями, 8,89 млрд. — сделки “репо” и 2351,1 млрд. юаней — фьючерсные сделки. В мае 1995 г. фьючерсные сделки с ГКО были запрещены.). На долю торговли акциями пришлось лишь 19% оборота биржи, достигшего 3016,26 млрд. юаней. 11,4 млрд. юаней составили сделки с паями инвестиционных фондов.¹⁶

В целом же в период 1991—1994 гг. рынок акций в КНР, особенно акций типа А, переживал стадию весьма динамичного роста объемов торговли (см. табл. 2).

Таблица 2

Некоторые показатели работы бирж ценных бумаг в Шанхае и Шэньчжэнь (1991—1994 гг., в млрд. юаней)

	Шанхай				Шэньчжэнь			
	1991	1992	1993	1994	1991	1992	1993	1994
Количество членов биржи	25	171	481	550	15	177	426	496
Количество видов акций, котируемых на бирже	8	39	123	203	6	33	95	142
В том числе: типа А	8	30	101	169	6	24	76	118
типа В	-	9	22	34	-	9	19	24
Номинальная стоимость акций	0,27	4,69	20,66	41,91	0,36	2,63	12,21	22,06
В том числе: типа А	0,27	3,89	18,87	38,76	0,36	2,21	11,15	20,50
типа В	0	0,80	1,79	3,15	0	0,42	1,06	1,56
Капитализация рынка	2,94	55,84	219,57	260,01	7,98	48,97	133,53	109,05
В том числе рынка акций								
типа А	2,94	52,05	206,77	248,35	7,98	45,75	125,10	103,25
типа В	0	3,79	12,80	11,66	0	3,22	8,43	5,80
Объем торговли акциями								
В том числе: типа А	0,81	23,27	230,15	562,67	3,53	41,74	126,08	237,63
типа В	0	1,45	7,88	10,83	0	1,66	2,58	1,62

Составлено по данным: Чжунго чжэнцзянь тунцзи няньбао 1995 (Ежегодник статистики ценных бумаг Китая 1995). Пекин, 1996. С. 71—72.

Сделки с акциями типа А, абсолютно преобладающие в операциях с акциями (98,5% в 1994 г.), возросли с 4,34 млрд. юаней в 1991 г. до 800 млрд. юаней в 1994 г. Капитализация рынка акций типа А, отражающая изменение рыночной стоимости акций, выросла заметно скромнее: с примерно 3 до 248 млрд. юаней в Шанхае и с 8 до 103 — в Шэньчжэне. Здесь проявились весьма непростые перипетии конъюнктуры этого рынка, зафиксированные в колебаниях индексов акций, котируемых на биржах в Шанхае и Шэньчжэне.

В принципе конъюнктуру рынка акций в Китае определяют те же факторы, что и повсюду в мире. Это, во-первых, политическая стабильность или появление какой-либо угрозы ей; во-вторых, общие особенности кредитно-денежной политики руководства страны; в-третьих, наличие специальных мер правительства, призванных оживить рынок ценных бумаг или, напротив, сбить ажиотажный спрос; в-четвертых, абсолютная или относительная доходность операций с акциями для инвесторов в сравнении с другими инструментами денежного рынка (облигации, депозиты).

В то же время, Китай, как и большинство других “развивающихся рынков” ценных бумаг, отличается такая особенность, как завышенные ожида-

ния населения относительно прибыльности вложений средств в акции. Отсутствие адекватных представлений о риске, связанном с приобретением акций, огромное количество легко поддающихся ажиотажным действиям мелких инвесторов (уже в 1993г. количество держателей акций оставляло 4 млн. в Шэньчжэне и 4,6 млн. — в Шанхае, а к концу 1997 г. оно суммарно достигло 33 млн., из которых только 133 тысячи составляли институциональные инвесторы) делают подчас амплитуду колебаний на рынке акций в Китае аномально большой, заставляют власти время от времени прибегать к прямому вмешательству в “правила игры” на биржах во избежание непредсказуемых последствий.

Политика ускорения экономического роста и динамизация реформы, запущенная в Китае в 1992 г. “с подачи” Дэн Сяопина, нашла отражение в быстром росте сводных индексов рыночной стоимости акций на обеих биржах, начавшемся в апреле—мае 1992 г. со значений индекса порядка 400 в Шанхае и 100—110 в Шэньчжэне и достигшем пика в феврале 1993 г. — 1537 пунктов в Шанхае 15 февраля и 359 пунктов в Шэньчжэне 22 февраля.¹⁷ Вывод на биржи все новых и новых акций, в том числе предприятий из других регионов, плохо известных местным акционерам, положил начало снижению рыночной стоимости акций. Поскольку с июня—июля 1993 г. Китай был вынужден для ликвидации перегрева экономики перейти к существенному ужесточению кредитно-денежной политики, то тенденция понижения биржевых индексов стоимости акций оказалась, несмотря на частные колебания, чрезвычайно устойчивой и сохранялась 26 месяцев вплоть до апреля—мая 1996 г., то есть фактически весь период так называемой “мягкой посадки” экономики страны.

В 1994 г. неуклонное падение курса акций продолжалось практически до конца июля.¹⁸ На Шанхайской бирже сводный индекс составил 834 пункта 4 января, 755 в начале февраля, 699 — 1 апреля, 605 — 1 мая, 545 — 1 июня и, наконец, достиг минимальных значений в 333 пункта 29 июля. В Шэньчжэне на те же даты индекс составлял последовательно 230, 203, 174, 161, 139 и 96 пунктов. Главной причиной снижения стоимости акций стали высокий уровень инфляции в стране и жесткая кредитно-денежная политика центрального руководства, в целом понижавшие уровень ожидаемой доходности акций. В этой ситуации Комитет по управлению и контролю за операциями с ценными бумагами совместно с другими ведомствами принял ряд специальных мер по стабилизации и дальнейшему развитию рынка акций. Было принято решение об отказе от вывода во второй половине 1994 г. новых акций типа А на вторичный рынок ценных бумаг, декларировано начало эксперимента по допуску средств зарубежных инвесторов на рынок акций типа А (через Компанию по управлению фондами китайско-иностранных смешанных предприятий). Одновременно были обнародованы планы эмиссии в ближайшие годы акций типа В на 1 млрд. юаней. Хорошо работающим предприятиям разрешили брать банковские кредиты для приобретения акций. В дополнение к этим мерам существенные шаги по стабилизации ситуации предприняли и сами биржи. Например, Шэньчжэньская биржа опубликовала данные о ходе выполнения годового плана компаниями, котирующимися свои акции на бирже, по состоянию на середину года (в виде процента выполнения годового плана). Делегация Шэньчжэньской биржи даже посетила Европу и США с целью изучения потенциального рынка сбыта акций типа В.

Позитивный эффект был получен практически сразу же. Объем сделок на Шанхайской бирже в августе 1994 г. достиг 148,45 млрд. юаней — в 19,5 раз больше, чем в июле (7,62 млрд. юаней). Рост курсовой стоимости был за-

фиксирован по 193 из 196 котировавшихся на бирже на начало сентября акций типа А (168) и В (28).¹⁹ Сводный индекс рыночной стоимости акций составил 432 пункта 2 августа, 533 — 3 августа, 683 — 5 августа, 712 — 8 августа. Пиковая отметка 1053 пункта была достигнута в конце месяца. Курс акций оставался высоким практически до конца сентября, когда он достиг 839 пунктов. Затем вновь начались колебания — 654 пункта 31 октября, 705 пунктов 16 ноября, связанные на сей раз со слухами о плохом здоровье Дэн Сяопина. Сходная динамика наблюдалась в Шэньчжэне — 125 пунктов 2 августа, 162 пункта 5 августа, 211 — 29 сентября, 149 — 31 октября и 153 — 15 ноября.

Январь 1995 г. ознаменовался продолжением падения курса акций на обеих биржах, на сей раз из-за ожидавшейся более высокой доходности облигаций госзайма и из-за прогнозирувавшегося сохранения высоких темпов инфляции в 1995 г. В целом 1995 г. характеризуется вялой конъюнктурой и скромными объемами торговли акциями. В Шанхае наинизший индекс — 524 пункта — был зафиксирован 7 февраля, а наивысший — 927 пунктов — 22 мая. В Шэньчжэне, где сводный индекс для технического удобства в 1995 г. был увеличен на порядок (например, 1000 вместо прежних 100), наивысшее значение было также достигнуто 22 мая — 1473 пункта (что соответствует 147,3 в 1994 г. и ранее), а наинизшее — 980 пунктов — 29 декабря. Впервые в истории биржевой торговли акциями объем операций с ними за год на обеих биржах сократился — до 317,9 млрд. юаней в Шанхае и до 94,4 млрд. в Шэньчжэне, то есть суммарно почти вдвое по сравнению с 1994 г. При этом в Шэньчжэне было зафиксировано падение объема сделок по акциям типа А всех без исключения компаний.²⁰

Сохранявшаяся в первые месяцы 1996 г. вялость рынка акций — а на Шанхайской бирже средний дневной объем сделок с акциями типа А составил в январе всего 460 млн. юаней, в феврале 210 и в марте 630 млн. юаней²¹ — привела к увеличению с 7 до 11 количества убыточных компаний среди котирующих свои акции на бирже и к все более серьезной озабоченности центрального правительства и местных властей в Шанхае и Шэньчжэне сложившейся на рынке ценных бумаг неудовлетворительной ситуацией. Переход в макроэкономической политике к некоторому оживлению экономического роста, ознаменованный двукратным — в мае и августе — снижением процентных ставок по кредитам и депозитам, отмена в апреле гарантированных вкладов (с привязкой учетной ставки по депозитам к уровню инфляции) создали условия для определенного перетока средств со сберегательных счетов на рынок ценных бумаг. Меры же правительств сначала Шэньчжэня, а затем Шанхая по прямой поддержке акционерных компаний (дополнительное кредитование крупнейших компаний местными отделениями специализированных банков, включение акционерных компаний, котирующих акции на бирже, в состав участников эксперимента по созданию системы современных предприятий с сопутствующим данному статусу снижению ставки подоходного налога с 33% до 15%) обеспечили резкий перелом в конъюнктуре рынка акций. Среднедневной объем сделок с акциями в Шанхае возрос до 2 млрд. юаней в апреле-мае, 4 — в июне и 5 млрд. юаней в июле, а объем торговли акциями на Шэньчжэньской бирже, остававшийся в 1993—1995 гг. заметно ниже, чем в Шанхае, с мая 1996 г. стал опережать его.²²

Сводный индекс котировки акций на бирже ценных бумаг в Шанхае, составлявший 552 пункта в конце февраля, вырос до 700 в середине года, до 800 пунктов — в августе и превысил отметку в 900 пунктов в октябре — ноябре. Индекс котировки акций на бирже ценных бумаг в Шэньчжэне, нахо-

дившийся в начале года на отметке ниже 1000 пунктов, в июле превысил 2000 пунктов, а в октябре—ноябре вырос до 3500 пунктов.²³

В то же время, последние месяцы 1996 г. были отмечены резким нарастанием спекулятивных тенденций на рынке акций в Китае. Сводный индекс котировки акций в Шанхае в первой декаде декабря превысил 1200 пунктов, а в Шэньчжэне — 4000 пунктов, достигнув пиковых значений 9 декабря (1247 в Шанхае и 4501 в Шэньчжэне). При этом объемы сделок с акциями за день достигли рекордных величин: 19 млрд. юаней в Шанхае и 17 млрд. юаней в Шэньчжэне (в сумме второе выше максимального объема сделок на бирже в Гонконге). Ажиотажный спрос на акции подогревался прогнозами о скором повышении сводного индекса котировки акций до 1800 пунктов на Шанхайской и 6000 пунктов на Шэньчжэньской бирже. Китайское руководство оценило ситуацию как чреватую биржевым крахом с крайне тяжелыми для всей экономики последствиями и ввело 15 декабря 10-процентное ограничение максимального изменения стоимости акций в течение торгового дня, одновременно начав широкую разъяснительную работу среди населения о наличии фактора риска при операциях с акциями.²⁴ Это позволило сбить волну ажиотажного спроса на акции, сводный индекс котировки упал 24 декабря до 865 в Шанхае и 2916 в Шэньчжэне, а объем торгов снизился до, соответственно, 2,9 и 4,8 млрд. юаней.

Тем самым было еще раз продемонстрировано, что китайское руководство в критических ситуациях не отказывается от методов прямого административного вмешательства в функционирование рынка ценных бумаг.

В целом объем торговли акциями в 1996 г. вырос впятеро по сравнению с 1995 г. и достиг 2133 млрд. юаней.²⁵

Высокая оценка перспектив развития рынка в массовом сознании в связи с предстоящим возвращением Гонконга под юрисдикцию Китая способствовала быстрому росту курсовой стоимости акций в первые месяцы 1997 г. Сводный индекс вырос к 12 мая в Шанхае на 63% по сравнению с началом года и превысил 1500 пунктов. Индекс котировок акций в Шэньчжэне вырос еще более значительно: на 87%, превысив 6026 пунктов. Противостояя все более очевидным спекулятивным тенденциям на рынке акций, китайское руководство в очередной раз предприняло усилия по снижению ажиотажного спроса. Была увеличена ставка гербового сбора, уплачиваемого продавцами и покупателями акций, расширено предложение на рынке за счет вывода на биржи акций новых компаний, усилен контроль за недопущением на рынок акций банковских средств. Все это способствовало снижению в течение двух-трех месяцев индекса стоимости акций на обеих биржах на 25—30%.²⁶

Китайское руководство чрезвычайно оперативно отреагировало на первое крупное падение курса акций на Гонконгской бирже, снизив с 23 октября 1997 г. средневзвешенную процентную ставку по депозитам на 1,1 процентных пункта и тем самым воспрепятствовав крупномасштабному оттоку средств национальных инвесторов с рынка акций: ведь благодаря урегулированию процентной ставки по годовому срочному депозиту с 7,47% до 5,67% вполне удовлетворяющее инвесторов отношение рыночной цены акций к номиналу возросло с прежних 20 до 26, да и акции с 30-кратным отношением цены к номиналу стали пользоваться большим спросом.²⁷ Значительных изменений курса акций в последние месяцы 1997 г. не наблюдалось: в Шанхае сводный индекс колебался в диапазоне от 1124 до 1235 пунктов, в Шэньчжэне — в диапазоне от 3610 до 4130 пунктов. Объем сделок за торговый день варьировал в более широком диапазоне — от 1,77 до 6,91 млрд. юаней в Шанхае и от 2,02 до 13,89 млрд. юаней в Шэньчжэне. Если до сентября 1997 г. включи-

тельно наблюдалась очевидная синхронность между динамикой курса акций в Гонконге и его движением в Шанхае и Шэньчжэне (наиболее наглядная при использовании сводного для обеих бирж индекса Доу Джонс "Чайна 88"), то в последние месяцы года подобная связь фактически отсутствовала. В целом китайский рынок акций типа А сумел устоять в обстановке острого финансового кризиса в Юго-Восточной и Восточной Азии. Объем сделок на нем в 1997 г. достиг, по оценке, примерно 3000 млрд. юаней, а общая капитализация рынка со 130 млрд. долларов в начале 1997 г. возросла до 204 млрд. долл. в начале 1998 г. — в отличие от практически всех остальных стран восточно-азиатского региона, капитализация рынка акций которых в 1997 г. заметно снизилась.²⁸

В то же время, другие виды китайских акций, предназначенные для приобретения иностранными инвесторами, оказались в заметно большей степени затронуты финансовым кризисом в регионе. Индекс акций типа В в Шанхае, некогда превышавший 100 пунктов, снизился в течение 1997 г. с 67 до 55 пунктов, а в январе 1998 г. вслед за крахом гонконгской инвестиционной компании "Перегрин", упал до рекордно низкого уровня в 41 пункт. В Шэньчжэне индекс акций типа В снизился с 1290 в конце 1996 г. до 760 в конце 1997 г.²⁹

Среди акций, наиболее затронутых более чем двукратным снижением индекса гонконгской биржи Хан Сен (с пикового значения в 16820 пунктов 7 августа 1997 г. до 8121 после краха компании "Перегрин"), находятся и непосредственно связанные с Китаем. Это так называемые "красные фишки" ("red chips"), то есть акции компаний, имеющих базу на континенте (филиалы, дочерние фирмы собственно китайских компаний и т. п.), и акции типа Н ("Аш"). Считается, что "красные фишки" имеют весьма хорошие долгосрочные перспективы благодаря диверсифицированной структуре активов эмитировавших их компаний. В то же время, принадлежность акций типа "Аш", как правило, узкоспециализированным компаниям делает их более уязвимыми. Однако в январе 1998 г. сильно пострадали обе группы акций: если после краха компании "Перегрин" индекс Хан Сен снизился на 8,7%, то индекс котировки акций компаний, связанных с Китаем, снизился на 21,9%, а акций типа "Аш" — на 16% — до 445 пунктов по сравнению с минимальным значением января—ноября 1997 г. в 703 пункта.³⁰ Тем самым была в полной мере продемонстрирована не только положительная, как это было прежде, но и отрицательная сторона широкой вовлеченности тех или иных сегментов китайской экономики в мировое хозяйство.

Перспективы развития рынка акций в Китае.

Неоднократная позитивная оценка китайским руководством в 1997 г. акционирования как одного из основных и наиболее эффективных путей реформирования предприятий государственной собственности, важного способа прямой аккумуляции предприятиями общественных средств, а тем самым и действенного инструмента особо актуального для сегодняшнего Китая совершенствования структуры экономики — позволяют предположить, что рынок акций в ближайшем будущем будет перемещаться с относительно периферийного на одно из центральных мест в экономической жизни страны.

Вместе с тем, вопрос о конкретных методах дальнейшего развития рынка акций остается открытым. Ныне он стоит перед дилеммой: либо продолжать развиваться в основном по апробированному пути преимущественно

количественного роста, либо избрать более рискованный вариант качественных преобразований.

Пока официальные лица, курирующие рынок ценных бумаг в Китае, высказываются в пользу сохранения прежней модели развития рынка акций. Обосновывая провозглашенный Госсоветом КНР по отношению к рынку акций курс “восьми иероглифов” — “фачжи, линьгуань, цзылюй, гуйфань”, то есть “законность, контроль, дисциплина, нормативность”, — председатель Комитета по ценным бумагам Чжоу Чжэнцин апеллировал к наличию множества проблем и даже “скрытой опасности” на рынке акций в стране в его сегодняшнем виде, порождаемому невысоким качеством и низким уровнем хозяйствования ряда котирующих свои акции компаний, а также нередкими случаями прямого обмана общественности (объявление компаниями непомерно завышенных прогнозов доходности по акциям и т. п.). Несомненно, сделанные Чжоу Чжэнцином утверждения о нахождении рынка акций в Китае на “все еще начальном этапе развития”, о необходимости взращивания этого рынка в течение длительного времени и об отсутствии в настоящее время условий для его крупномасштабного развития³¹ не в последнюю очередь порождены вполне естественным стремлением Китая избежать всех тех серьезных неприятностей для экономики, которые, как продемонстрировал финансовый кризис в ряде стран Восточной и Юго-Восточной Азии, неизбежно следуют за обвалом спекулятивно завышенного курса корпоративных ценных бумаг.

Однако, на наш взгляд, в Китае сегодня целый ряд весомых факторов объективно действует в пользу качественных подвижек на рынке акций.

Во-первых, неуклонно пробивает себе дорогу тенденция принципиального увеличения капитала компаний, котирующих свои акции на рынке. До недавнего времени на биржах в Шанхае и Шэньчжэне доминировали относительно небольшие компании: средняя чистая стоимость имущества 586 компаний, представивших годовую отчетность к 1 мая 1997 г., составляла 515 млн. юаней, при этом только у 4-х компаний она превышала 5 млрд. юаней, а у 438 компаний была ниже среднего уровня.³² “Миниатюризация” акционерных компаний в Китае, прямо связанная с экспериментальным статусом акционирования в стране, вела главным образом к росту числа “едоков” при заметно более скромном наращивании размеров самого “пирога”, то есть аккумуляруемых рынком акций средств, что и обуславливало довольно скромные масштабы общей капитализации рынка акций в КНР. Однако наличие естественного потолка для общего количества компаний, котирующих свои акции на рынке, стимулирует набирающий силу процесс слияния и укрупнения выходящих на рынок компаний: так, в конце 1997 г. были обнародованы планы слияния (путем реорганизации, передачи контрольного пакета акций и т. п.) 150 компаний, котирующих акции на биржах в Шанхае и Шэньчжэне.³³ Судя по всему, в контексте активизировавшейся реформы госсектора экономики будет быстро расти и представительство на рынке акций крупнейших китайских компаний. Так, на конец 1997 г. уже эмитировали акции 183 из 512 крупнейших предприятий страны, 42 из 100 предприятий, проводящих эксперимент по созданию “системы современных предприятий”, 57 ключевых предприятий из 120 экспериментальных консорциумов.³⁴

Во-вторых, все более настоятельными становятся требования открыть доступ на рынок акциям государственного пая, практически полностью исключенным на сегодняшний день из биржевого оборота. По состоянию на конец 1996 г. в среднем у китайских компаний обращающаяся часть составляла 64,5 млн. юаней при среднем размере эмиссии акций и паев в 210 млн. юаней, то есть порядка 30% (для сравнения: в Гонконге эта доля составляет 100%).

Мотивы ухода китайских властей от решения назревшей проблемы в общем-то понятны: здесь и опасение быть обвиненными в приватизации государственности де-факто, и весьма вероятное падение курса акций при скачковом увеличении предложения на рынке, и просто “непросчитанность” и даже непредсказуемость всех возможных последствий такого шага. Однако, с другой стороны, только качественное развитие рынка капиталов способно удовлетворить потребность государственных предприятий в дополнительных средствах, составляющую ни много ни мало 1800 млрд. юаней, что сопоставимо с суммарной рыночной стоимостью акций на биржах в Шанхае и Шэньчжэне в конце 1997 г. Кроме того, вывод акций государственного пая на рынок содействовал бы частичному преодолению спросовых ограничений, грозящих заметным падением темпов прироста экономики в Китае в ближайшие годы. При этом технические варианты решения проблемы могут быть различными: от полного уравнивания в праве обращения на рынке акций государственного пая с акциями индивидуального пая до более скромного первоначального направления на рынок 30% акций государственного пая, позволяющего статистически сохранить ведущую роль государственной собственности в экономике страны.

Наконец, не снят с повестки дня и вопрос об унификации акций типа А, предназначенных для внутренних инвесторов, и акций типа В, приобретаемых зарубежными инвесторами. Здесь ситуация достаточно противоречива. Интересы защиты внутреннего рынка акций от спекулятивного иностранного капитала как будто действуют в пользу сохранения существующего разграничения. Однако все меньшая привлекательность акций типа В для иностранцев, сужение возможностей привлечения средств китайскими предприятиями на рынке акций в Гонконге и, главное, общая ограниченность средств, которые китайские инвесторы в принципе могут направить на внутренний рынок акций, неизбежно ведут — в той или иной форме — ко все большей открытости этого рынка для иностранных инвесторов.

В целом, на наш взгляд, рынок акций в Китае вступил в критический этап развития, когда возможности продолжать и впредь “переходить реку, нащупывая камни” уже близки к исчерпанию.

1. В экономической литературе КНР приводятся несовпадающие данные о начале эмиссии акций в стране в период реформ. В работе Института экономики финансов, торговли и материальных ресурсов АОН Китая “Исследование модели социалистического рынка” первым случаем эмиссии акций называется их выпуск в августе 1980 г. отделением Народного банка Китая г. Фушунь по поручению неназванного предприятия. (Чжао Сяоминь, Цзя Люйжан чжу бянь. Шэхуйчжуй шичан моши яньцзю. Пекин. 1991. С. 289). В “Синей книге по экономике” первым эмитентом акций названа Объединенная инвестиционная компания уезда Баоань г. Шэньчжэнь (1983 г.), а первым эмитентом акций для аккумуляции средств среди населения — известная шанхайская компания аудиоаппаратуры “Фэйлэ” (ноябрь 1984 г.). // 1995 нянь Чжунго: цзинци синши фэньси юй юйцэ. (Китай в 1995г.: анализ и прогноз экономической ситуации). Пекин, 1994. С. 304.
2. О начальном этапе развития рынка ценных бумаг в Китае см.: Паи, акции, облигации в КНР (1987) — в сб. В. Портяков. Китайская Народная Республика: поиск путей социально-экономического развития (конец 70-х — первая половина 90-х годов). // Информационный бюллетень ИДВ РАН. М., 1995. № 11. Часть 2. С. 124—130; В. Портяков. Финансовый рынок в КНР — Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 1. С. 29—34.
3. Шэхуйчжуй шичан моши яньцзю. С. 299.
4. Чжунго чжэнцзоань шичан (1992). (Рынок ценных бумаг Китая). Пекин. 1992. С. 127. Эмиссия акций составила в 1987 г. 1 млрд юаней, в 1988 г. — 2,5 млрд., в 1989 г. —

- 662 млн., в 1990 г. — 428 млн. юаней. Приведенная в данном справочнике сумма эмиссии акций в 1991 г. в 2,95 млрд. юаней позднее была изменена на 0,5 млрд. юаней (скорее всего, большая часть эмитированных бумаг явилась на поверку не акциями, а облигациями предприятий или акционерных обществ). В результате, по более поздним данным, суммарная эмиссия акций по 1991 г. включительно составила 5,09 млрд. юаней.
5. Чжунго чжэнцюань тунци няньбао 1995. (Ежегодник статистики ценных бумаг Китая 1995). Пекин, 1996. С. 24—29
 6. Цзинци жибао. 1989. 3 января.
 7. Чжунго гайгэ бао. Пекин, 1994. 5апреля.
 8. В частности, “Временное положение о контроле за эмиссией акций и торговлей ими” заложило унифицированную юридическую основу эмиссии акций, определив перечень требований, которым должно удовлетворять АО, претендующее на эмиссию акций, набор документов, подаваемых эмитентом в местное правительство, содержание проспекта эмиссии, обязательно публикуемого в широкой печати незадолго до начала эмиссии, и прочие реквизиты, требующиеся для выхода акций на рынок.
 9. Чжунго тунци няньцянь 1995 (Статистический ежегодник Китая 1995). Пекин. 1995. С. 378, 519; Чжунго тунци няньцянь 1996. Пекин, 1996. С. 30—32, 406, 544.
 10. Чжунго чжэнцюань тунци няньбао. 1995. С. 103.
 11. Там же. С. 110—111, 140—141. Известное расхождение с аналогичными данными на с. 50 не меняет сколько-нибудь существенно общий масштаб эмиссии акций, предназначенных для обращения на вторичном рынке.
 12. Чжунго тунци няньцянь 1997. Пекин, 1997. С. 424, 551, 552, 558.
 13. 1998 нянь Чжунго: цзинци синши фэньси юй юйцэ (Китай в 1998 г.: анализ и прогноз экономической ситуации). Пекин, 1997. С. 245, 247; Чжунго шичан фачжань баогао. 1997. (Доклад о развитии рынка в Китае — 1997). Пекин, 1997. С. 87; Цзинци жибао. 1998. 10 января.
 14. Цзинци жибао. 1993. 9 июля.
 15. Расчет по данным: Ежегодник статистики ценных бумаг Китая 1995. С. 72, 91, 92.
 16. Там же.
 17. См.: Чжунго чжэнцюань тунци няньбао. С. 197—198.
 18. Данные об изменении индекса стоимости акций в 1994 г. получены путем мониторинга газеты “Цзинци жибао” за год.
 19. Шанхай чжэнцюань бао. 1994. 5сентября.
 20. Цзиньжун шибао. 1996. 3января.
 21. 1997 нянь Чжунго: цзинци синши фэньси юй юйцэ. (Китай в 1997 г.: анализ и прогноз экономической ситуации). Пекин, 1996. С. 286.
 22. Если в январе 1996 г. соотношение объемов сделок в Шэньчжэне и Шанхае составляло 1:4,41, то в апреле оно сократилось до 1:1,18, а в мае Шэньчжэнь уже вышел вперед (1:0,78)// Цзиньжун шибао. 1996. 9 июля.
 23. Данные об изменении индекса стоимости акций в 1996 г. получены путем мониторинга газеты “Цзинци жибао” за год.
 24. См.: Чжэнцюэ жэньши данцянь гуляо шичан (Правильно понимать сегодняшний рынок акций. Статья спецобозревателя газеты “Жэньминь жибао”) // Жэньминь жибао. 1996. 16 декабря.
 25. Чжунго шичан фачжань баогао 1997. С. 87.
 26. 1998 нянь Чжунго: цзинци синши фэньси юй юйцэ. С. 248—249.
 27. Цзинци жибао. 1997. 25 октября.
 28. Asiaweek. Hong Kong. February 14, 1997. P. 61; Asiaweek. January 9, 1998. P. 72.
 29. China Daily. Business Weekly, January 4—10, 1998; China Daily. January 13, 1998.
 30. China Daily. December 2, 1997; January 13, 1998.
 31. Жэньминь жибао. 1997. 15 октября.
 32. Чжунго цзинци шибао. 1997. 4 декабря.
 33. Цзинци жибао. 1997. 31 декабря.
 34. Цзинци жибао. 1998. 10 января.

Исследования экономических циклов в КНР

© 1998

П.Мозиас

Успехи в хозяйственном строительстве, достигнутые за годы экономических реформ в КНР, привлекают внимание всего мира. Высокие темпы роста китайской экономики выглядят особенно выигранно на фоне того глубокого падения объемов производства, которое пережила в последние годы Россия. Тем не менее не стоит забывать, что в самом Китае темпы прироста ВВП, регулярно "зашкаливающие" за отметку в 10%, не воспринимаются однозначно как благо. Ускорения развития обычно сопровождаются явлениями перегрева экономики и обострением проблемы инфляции. Для ее обуздания власти периодически вынуждены прибегать к мерам ограничительной финансовой политики. В результате рост цен замедляется, но "платой" за это является сопутствующее замедление темпов экономического роста.

Многолетние наблюдения за динамикой развития экономики КНР свидетельствуют, что чередование периодов "ускорений" и "урегулирований" носит устойчивый характер и представляет собой определенную циклическую тенденцию. Причины такого рода цикличности, закономерности движения экономики по отдельным фазам цикла нуждаются в обстоятельном изучении и объяснении. В последние годы эти проблемы привлекают все большее внимание китайских экономистов. Учитывая пионерский характер исследований, а также известные политико-идеологические ограничения, с которыми приходится считаться китайским специалистам, не следует предъявлять к их работам завышенные требования и искать в них стройную, законченную концепцию циклов. На нынешнем начальном этапе исследований важно четко сформулировать вопросы, нуждающиеся в ответах, "сузить" тем самым сферу дальнейших поисков, а это, в свою очередь, позволит спрогнозировать, в каком направлении будет двигаться дальнейшая разработка проблемы. Именно с этой точки зрения представляют интерес две недавно опубликованные книги китайских экономистов, непосредственно затрагивающие проблему циклических колебаний.*

Автор первой из них - заместитель директора Института экономики и технико-экономических исследований АОН Китая Лю Шучэн известен в КНР как один из ведущих специалистов по макроэкономическому прогнозированию. Достаточно упомянуть, что уже много лет он является заместителем главного редактора "Синей книги по экономике" - ежегодно публикуемого

Мозиас Петр Михайлович, кандидат экономических наук, научный сотрудник ВНИИ внешнеэкономических связей при Министерстве экономики РФ.

- * 1. Лю Шучэн. Циклические колебания в китайской экономике: новый этап. (На кит. яз.) - Шанхай: Юаньдун чубаньшэ, 1997. 267 с.
2. Анализ факторов инфляции в девятой пятилетке и предложения для экономической политики. (На кит. яз.) Пекин: Цзинцзи гуаньли чубаньшэ, 1996. 259 с.

прогноза развития народного хозяйства КНР. Проблема циклических колебаний находится в сфере научных интересов Лю Шучэна с середины 80-х годов, когда им были начаты исследования циклических закономерностей в формировании инвестиций в основные фонды предприятий.

Структурно новая книга Лю Шучэна состоит из трех частей. В первой (она включает в себя три главы) исследуются долгосрочные тенденции циклических колебаний в китайской экономике. Во второй части (две главы) предпринята попытка дать более глубокое истолкование природы экономических циклов. Приводится очерк развития западных теорий циклов, начиная с классической английской политэкономии и заканчивая современными неокейнсианством, "экономикой предложения" и др. В третьей части (две главы) автор описывает отдельные фазы последнего по времени экономического цикла 1991-1995 гг. и дает практические рекомендации предприятиям по приспособлению к динамике циклических колебаний на микроуровне.

По замыслу автора, его книга призвана способствовать преодолению все еще бытующих представлений о социалистической экономике как "постоянно переживающей период весны и лета - вечной стабильности и быстрого роста" (1; с. 5). Социалистическая экономика также подвержена циклическим колебаниям или, образно говоря, "имеет все четыре времени года". И надо сказать, что фактический материал, приводимый автором для подтверждения этого тезиса, не ограничивается временем экономических реформ в КНР, а относится ко всему послереволюционному периоду развития Китая. Как считает автор, с начала осуществления политики индустриализации в 1953 г. экономика КНР прошла через девять экономических циклов (1953-1957, 1958-1962, 1963-1968, 1969-1972, 1973-1976, 1977-1981, 1982-1986, 1987-1990, 1991-1995 гг.). В рамках каждого из них ускорение экономического роста сменялось более или менее существенным падением его темпов. С этой точки зрения не только замедление роста экономики в 1957 г. - заключительном году первой пятилетки, но и глубокие кризисные падения производства в периоды 1961-1962 гг. (после провала "большого скачка"), 1967-1968 гг. (разгар "культурной революции"), 1976 г. (год стихийных бедствий и политических перемен) представляются нисходящими фазами экономического цикла, которым предшествовали фазы очень быстрого роста.

Два последних, реформенных, десятилетия предстают не как период, когда в экономике КНР впервые проявились циклические колебания, а, напротив, как время, когда динамика колебаний стала более сглаженной, и темпы экономического роста стабилизировались на высоком уровне. В пользу такого вывода свидетельствует, по мнению автора, анализ пяти статистических показателей, характеризующих экономические циклы. На период реформ приходится четыре цикла. По сравнению с дореформенными циклами в них существенно сократилась амплитуда колебаний (разрыв между максимальными и минимальными показателями экономического роста в рамках одного цикла): со в среднем 23,4 процентных пункта в пяти дореформенных циклах до 6,2 процентных пункта в четырех пореформенных. Уменьшились и максимальные показатели роста по отдельным циклам. В циклах периода реформ они составляли 10-15%, тогда как в циклах 50-70-х годов достигали 17-23%.

Третий статистический показатель характеризует "нижние точки" циклов. По пяти дореформенным циклам минимальные темпы экономического роста составляли в среднем минус 5,8%, а наиболее глубокое падение (-29,7%) было отмечено во втором цикле, в 1961 г. В циклах периода реформ самые низкие темпы экономического роста составили плюс 3,8% (в восьмом цикле, в 1990 г.), а средний показатель по четырем циклам - плюс 7,0%. Это дает авто-

ру основания охарактеризовать дореформенные циклы как “классические” с периодами абсолютного сокращения объемов выпуска, а пореформенные - как “экспансионистские”, в которых абсолютного падения производства не происходит, а признаком вступления экономики в нисходящую фазу цикла является относительное сокращение темпов экономического роста.

Среднегодовые темпы экономического роста в дореформенных циклах были сравнительно умеренными (в диапазоне 5-8%), а в период реформ они стали стабильно высокими (свыше 8%). Наконец, пятым из анализируемых показателей является величина периодов экспансии в рамках одного цикла. В пяти дореформенных циклах временные отрезки, когда происходило ускорение темпов прироста промышленного производства, составляли в среднем 1,8 года, а периоды затухания темпов - в среднем 3 года. В четырех последних циклах эти показатели составили, соответственно, 2,8 и 2 года (1; с. 18-28).

Сам тезис о существовании циклов на протяжении всей экономической истории КНР принимается автором априорно. О том, что, собственно говоря, объединяет до- и пореформенные циклы, речи, по крайней мере в первой части книги, не идет. Перемены в картине экономической динамики за последние два десятилетия свидетельствуют, по мнению автора, о наступлении “нового этапа” циклических колебаний, и акцент делается на объяснении причин происшедших изменений.

Факторы, способствовавшие уменьшению размаха колебаний, автор подразделяет на две группы: изменения в экономической политике и изменения в самой структуре экономики. Справедливо отмечается, что в годы реформ изменилась сама идеология макроэкономического регулирования. Произошел отказ от установки на “экономический рост любой ценой”, которая в прошлом приводила к неэффективному расходованию ресурсов и к ситуациям, когда за “скачками” следовали глубокие падения. Изменилась и методика регулирования. Если в дореформенный период оно было сугубо “проциклическим”, направленным на “слепое расширение”, то в последние годы правительство принимает меры как против экономической депрессии, так и против перегрева экономики (1, с. 32-37).

Сложнее обстоит дело со структурными факторами. Их автор выделяет четыре: рост масштабов экономики; сдвиги в отраслевой структуре; изменение структуры собственности; увеличение доли внешней торговли в ВВП (1; с. 47-56). И приходится признать, что по поводу каждой из этих четырех позиций требуются, как минимум, уточнения. Что касается сдвигов в отраслевой структуре, то уменьшение амплитуды колебаний автор связывает с возрастанием удельного веса в ВВП сектора услуг, который меньше, чем сельское хозяйство и добывающие отрасли промышленности, зависим от природных факторов и меньше, чем обрабатывающая промышленность, зависим от волнообразного развития технического прогресса. Однако применимость такого рода аргументации к условиям современной китайской экономики вызывает сомнения, если учесть, что процесс индустриализации в КНР еще далек от завершения, а также то, что структурные сдвиги отслеживаются на относительно небольшом временном интервале. Тем более, что в другом разделе книги сам автор подходит к этому же вопросу несколько иначе. Анализируя опыт индустриального развития США и Великобритании, с одной стороны, и КНР, с другой, он отмечает, что в западных странах наибольший размах циклических колебаний наблюдался на той стадии индустриализации, когда легкая промышленность уступала пальму первенства в структуре экономики отраслям тяжелой индустрии. Затем амплитуда колебаний постепенно уменьшалась с возрастанием роли сектора услуг. В КНР на начальном этапе индуст-

стриализации доминировала тяжелая индустрия, и только с начала 80-х годов происходило ускоренное развитие отраслей легкой промышленности, что и обеспечило более равномерную динамику колебаний (1, с. 95-96).

Большая открытость экономики, по мысли автора, способствует стабильности экономического роста, так как увеличение импорта позволяет компенсировать "узкие места" в структуре народного хозяйства. Не секрет, однако, что быстрый рост импорта на стадиях "ускорений" не только разрешает проблемы, но и порождает новые, и что он как раз и является одним из симптомов перегрева экономики. Рост масштабов народного хозяйства, очевидно, может способствовать большей стабильности, если он сопровождается развитием саморегулирующего хозяйственного механизма. Понятно, что именно это и происходит в КНР в процессе рыночных реформ. Но если учесть это обстоятельство, то уже никуда не уйти от вопроса: а можно ли вообще проводить сопоставление до- и пореформенных циклов, или же это явления разного порядка? Этот вопрос возникает и при "расшифровке" такого фактора, как изменения в институциональной структуре экономики. Если большую стабильность экономическому развитию придают негосударственные секторы народного хозяйства, возникшие только в период экономических реформ, то можно ли говорить о преемственности "нового этапа" циклических колебаний по отношению к предыдущему периоду?

Такого же рода размышления вызывает и проведенное автором сопоставление "сигнальных систем" до- и послереформенных циклов. В дореформенный период цены выполняли в экономической системе главным образом счетную функцию, а не функцию "экономического барометра" и инструмента эффективного распределения ресурсов. Применительно к дореформенным циклам трудно говорить о каких-либо универсальных взаимосвязях между показателями экономического роста и инфляции. В 1953-1965 гг. их изменения были в основном разнонаправленными. Например, в 1961 г. глубокое падение производства сочеталось с инфляцией в 16,2%, а возобновление в 1963 г. экономического роста (он составил 10,7%) сочеталось с дефляцией в 5,9%. По видимому, это можно объяснить тем, что в периоды роста производств дефицитность товаров могла уменьшаться, и это позволяло правительству снижать цены. Но в 1966-1979 гг. уровень цен оставался практически стабильным, несмотря на резкие колебания экономического роста (1, с. 39). Напротив, в период реформ, уже начиная с экономического цикла 1982-1986 гг., показатели экономического роста и инфляции изменяются в одном направлении. Ускорение инфляции становится индикатором перегрева хозяйственной конъюнктуры. При этом инфляция обычно достигает пика на следующий год после достижения максимальных в данном цикле показателей экономического роста.

Принципиальные отличия "нового этапа" от дореформенного периода прослеживаются автором и при характеристике последнего по времени экономического цикла 1991-1995 гг. (в третьей части книги). Указывая на то, что главным двигателем оживления экономики в 1991-1992 гг. было расширение платежеспособного спроса, автор видит в этом отличие от дореформенных циклов, в которых прологом к ускорению роста были улучшения на стороне предложения, то есть смягчение проблемы дефицитности (1, с. 196-197). Другая "новинка" заключается в том, что современный хозяйственный механизм позволяет относительно быстро задействовать на стадии оживления свободные производственные мощности, тогда как прежняя хозяйственная система отличалась гораздо более высокой инерционностью (1; с. 206).

Все это, как кажется, добавляет аргументов в пользу вывода о том, что до- и пореформенные циклы суть явления разнопорядковые. Для того, чтобы

доказать обратное, нужно раскрыть "внутреннюю механику" циклов, показать, в чем состоят общие для обоих периодов причины колебаний. Но, к сожалению, этот вопрос фактически остается в книге Лю Шучэна открытым.

В первой части работы автор воспроизводит известные положения Маркса об экономических циклах (о разрыве между актами продажи и купли товаров как предпосылке кризисов перепроизводства, о смене поколений производственного аппарата как материальной основе циклов и т.д.). Но в то же время он признает устаревшими положения традиционной политэкономии социализма, согласно которым экономические циклы являются принадлежностью только капиталистического хозяйства. Согласно Лю Шучэну, циклы - это не характеристика капитализма или товарного хозяйства, а общая черта, свойственная любой индустриальной экономике. С начала процесса индустриализации народное хозяйство Китая также подчиняется этой общей закономерности (1, с. 10-14).

Во второй части излагаются различные трактовки причин циклических колебаний, содержащиеся в западных экономических теориях, но они приводятся безотносительно к опыту экономического развития КНР. Что же касается собственной концепции автора, то она ограничивается описанием отдельных групп факторов, определяющих картину колебаний (фундаментальные и ресурсные факторы; факторы ценовых параметров; факторы экономической политики; психологические, технологические факторы и т.д.). Наиболее проработанным и удачным представляется подраздел, посвященных фундаментальным и ресурсным факторам (механизм мультипликатора-акселератора, межотраслевые пропорции экономического роста, ресурсные и спросовые ограничения роста и др.). Заметим попутно, что в основном через призму именно этих факторов рассматриваются в третьей части работы тенденции экономического цикла 1991-1996 гг.

Понятно, однако, что пока все это только "рабочий материал" для дальнейших исследований. Методологический аппарат, разработанный в рамках западных концепций, нуждается в адаптации к конкретным условиям до-реформенной и современной, переходной экономики Китая. В противном случае существует опасность затушевывания различий не только между до- и пореформенными циклами, но и между циклами в КНР, с одной стороны, и в развитых рыночных экономиках Запада - с другой. Кстати сказать, об опасности смешения разнопорядковых категорий заставляет задуматься и заключительная глава книги, посвященная стратегии предприятий в условиях циклических колебаний (1, с. 248-261). Предлагаемые автором методы адаптации (сокращение персонала, переход от конвейерного к мелкосерийному производству, диверсификация и т.д.) трудно назвать чисто антициклическими. Скорее это методы приспособления предприятий к новым условиям хозяйствования, формирующимся в процессе рыночной трансформации. В целом, таким образом, делать какие-либо выводы об изложенной в книге Лю Шучэна концепции преемственности циклов в до- и пореформенной экономике КНР можно будет только после того, как будут выявлены специфические институциональные механизмы, способствующие генерированию циклических колебаний в экономиках такого типа, как китайская.

Обильную информацию для размышлений на эту тему дает книга о причинах инфляции и об антиинфляционной политике в Китае, подготовленная проблемной группой Института макроэкономики при Госплане КНР. Исследовательский проект осуществлялся в 1995-1996 гг. в рамках разработки девятого пятилетнего плана. К работе были привлечены специалисты из других ведомств и научных институтов. Изданная в итоге книга состоит из обоб-

щающего доклада, написанного Цзян Чуньцзэ (Институт макроэкономики при Госплане КНР), Люй Ихуанем (Департамент ценового регулирования Госплана КНР), Юй Юндином (Институт международных экономических и политических исследований АОН КНР) и 17 докладов по отдельным проблемам. Непосредственно объектом исследования в книге является инфляция. Но с самого начала проблема роста цен увязывается авторами с проблемой темпов и пропорций экономического роста, с вопросом о цикличности процесса экономического развития.

В сводном докладе факторы инфляционного процесса подразделяются на шесть больших групп. Речь идет о факторах как макро-, так и микроэкономического характера. На микроуровне причины инфляции, по мнению авторов, связаны с отставанием реформы государственных предприятий от темпов рыночной перестройки по другим направлениям. Правовой статус госпредприятий остается неясным. Формально они являются компаниями с ограниченной ответственностью, но на деле в случае неплатежеспособности перспектива банкротства им не грозит. Происшедшее в ходе реформ расширение хозяйственной самостоятельности предприятий (в частности - через внедрение подрядной системы) усиливает их заинтересованность в получении прибыли. Однако бюджетные ограничения при этом не только не ужесточаются, но даже еще более ослабляются. Государственная собственность все больше используется как средство повышения благосостояния руководителей и работников предприятий; быстрыми темпами увеличиваются фонды потребления - растут заработная плата, премиальные выплаты и т.д.

Произдукция многих предприятий не пользуется спросом на рынке, но производство не прекращается, так как это чревато обострением проблемы безработицы и потерей доходов местными бюджетами. Благодаря давлению отраслевых и территориальных органов управления государственные банки выдают таким предприятиям кредиты на пополнение оборотных средств. Тем самым формируются фонды оплаты труда, уплачиваются налоги, формируются амортизационные отчисления, хотя на деле производство способствует лишь растрате ресурсов.

Инвестиционный риск отсутствует, и плохо хозяйствующие субъекты экономики стремятся к расширению производства не менее активно, чем эффективные предприятия. В результате в госсекторе формируется практически неограниченный спрос на инвестиционные ресурсы, а конкретнее - на банковские кредиты под расширение производства. Предприятия, местные власти, конкурирующие между собой отраслевые ведомства проявляют "ненасытную жажду инвестиций" (2, с. 54-60).

На макроуровне давление групповых интересов способствует проведению монетарными властями сравнительно мягкой денежной политики. Условием удовлетворения потребностей предприятий в инвестициях является кредитная эмиссия, то есть прирост денежной массы, что имеет очевидные инфляционные последствия. Для борьбы с ростом цен необходимы жесточайшие денежной политики, ограничение инвестиционного и потребительского спроса, а это в конечном счете приводит к замедлению темпов роста экономики. Ситуация осложняется тем, что кредиты выдаются не только на цели расширения производства, но и для поддержания на плаву убыточных предприятий. Последние проявляют повышенный спрос на заемные ресурсы не только во время "ускорений" экономического роста, но и в периоды его замедления, так что в экономике всегда присутствует внушительный инфляционный потенциал.

На ужесточение денежной политики предприятия реагируют ростом взаимного коммерческого кредитования по схеме "трехсторонней задолженности". Вообще говоря, в любой рыночной экономике коммерческий кредит является одним из источников прироста денежной массы, и его масштабы могут регулироваться путем учета векселей банками. Но для современной экономики Китая типичны случаи, когда заемщиком выступает не внушающая доверие мелкая фирма, а кредитором - государственное предприятие, продукция которого не находит сбыта. В таких условиях проблема взаимных неплатежей решается, как правило, путем простого увеличения кредитной эмиссии государственными банками (2; с. 27-31, 58-59).

В области фискальной политики факторы инфляции обычно связываются с дефицитом государственного бюджета. Но в трактовке авторов книги это не единственная, а возможно, и не главная проблема. Беда существующей налоговой системы заключается в том, что темпы прироста бюджетных доходов намного отстают от темпов прироста ВВП. Причины этому множественны. Отчасти они связаны со структурными перекосами внутри налоговой системы. Основную фискальную нагрузку по-прежнему несут госпредприятия, тогда как объемы производства быстро растут и в негосударственных секторах экономики - волостных и поселковых коллективных предприятиях, предприятиях с иностранными инвестициями и т.д. Тяжесть обложения в сырьевых отраслях намного больше, чем в динамично развивающихся обрабатывающей промышленности и сфере услуг. Рост объемов внешней торговли и иностранных капиталовложений в последние годы был очень быстрым, и издержки от предоставления налоговых и таможенных льгот экспортерам и иностранным инвесторам уже начали перевешивать стимулирующий эффект (2; с. 23-24, 145-150).

Но существуют и более весомые причины, связанные с самим характером взаимоотношений государства и предприятий. В рамках "системы подрядной ответственности" широко внедрявшейся на госпредприятиях с середины 80-х годов, за государством обычно закрепляется фиксированная в абсолютном выражении сумма налоговых отчислений, а тот прирост доходов, который образуется в результате расширения производства, предприятие может использовать по своему усмотрению. Кроме того, уже после заключения подрядных соглашений предприятиям нередко предоставляются индивидуальные налоговые льготы.

В итоге все большие суммы доходов не подпадают под действие бюджетных механизмов перераспределения, а остаются на нижних этажах управленческой системы. Это способствует постоянному разрастанию инвестиционного спроса предприятий и потребительского спроса населения. Быстрое увеличение доходов позволяет населению наращивать не только текущие потребительские расходы, но и сбережения. При неразвитости рынка ценных бумаг сбережения населения даже в условиях высокой инфляции помещаются на депозиты в государственных банках, а это, в свою очередь, позволяет банкам еще больше увеличивать массу кредитов, выдаваемых предприятиям. Фискальная политика, таким образом, все больше приобретает "проциклическую" направленность, утрачивает возможности выступать в качестве "встроенного стабилизатора" экономической динамики и инструмента борьбы с инфляцией (2; с. 19-26, 137-1141).

По мере интеграции китайской экономики в систему мирохозяйственных связей все большее значение приобретают внешнеэкономические факторы инфляции. В фазах "ускорений" экономического роста обычно резко увеличивается импорт, и торговый баланс сводится с отрицательным сальдо.

Растущая открытость экономики способствует приближению внутренних цен к более высокому уровню цен мирового рынка. Массированный приток в страну иностранных капиталовложений сам по себе способствует значительному приросту юаневой денежной массы, замещающей иностранную валюту во внутреннем обороте. Кроме того, привлечение инвестиций сопровождается дополнительной кредитной эмиссией, так как именно за счет заемных ресурсов обычно формируются вклады китайской стороны в уставные капиталы совместных предприятий (2; с. 43-54).

Факторы инфляции существуют и собственно в сфере ценообразования. Периодически происходит либерализация цен на те или иные группы товаров. В ходе ценовой реформы происходит постепенное выправление структурных перекосов, связанных с занижением цен на продукцию сельского хозяйства и сырьевых отраслей. За счет периодически индексируемых ценовых надбавок формируются целевые инвестиционные фонды в отраслях - естественных монополиях (2; с. 36-43).

Наконец, в качестве еще одной группы факторов инфляции авторы выделяют обеспеченность страны сельскохозяйственной продукцией. В аграрной стране с огромным населением предложение сельхозпродукции - это важнейший фактор, определяющий динамику потребительских цен. К примеру, в 1990-1991 гг. хорошие урожаи были немаловажным обстоятельством, способствовавшим успеху антиинфляционной политики, и, напротив, в 1994 г. скачок цен на зерно в значительной мере способствовал раскручиванию инфляции издержек (2; с. 60).

В целом, таким образом, китайская инфляция предстает как явление многофакторное. И на прямой вопрос: связана ли инфляция с "ускорениями" экономического роста, существуют ли взаимозависимости уровня инфляции и циклических колебаний экономического роста, ответ авторов общего доклада амбивалентен (2; с. 10-18). По их мнению, высокие темпы экономического роста не обязательно должны сочетаться с высокой инфляцией. Такое сочетание возникает при инфляции спроса, когда эффективный совокупный спрос превышает потенциал совокупного предложения. Если же превышения не наблюдается, то высокие темпы экономического роста могут сочетаться с низкой инфляцией. Напротив, высокая инфляция издержек может сочетаться с низкими темпами экономического роста. Инфляция не обязательно носит циклический характер. В средне- и долгосрочной перспективе инфляция связана с нециклическими факторами (либерализацией цен, уровнем обеспеченности отдельными видами ресурсов и т.д.). В краткосрочном плане инфляция может быть вызвана циклическим расширением спроса на ресурсы, и в этом смысле она связана с "ускорениями" экономического роста. Но и краткосрочная инфляция может быть обусловлена нециклическими факторами (природные бедствия, монопольные эффекты и т.д.).

"Зона поиска", таким образом, сужается. Используя термины, применяемые в сводном докладе, интересующий нас вопрос о механизмах колебаний можно сформулировать в следующей форме: существует ли в китайской экономике механизмы, которые периодически вызывают столь масштабное нарастание размеров совокупного спроса, что оно приводит к резкому ускорению инфляции? И надо сказать, что если не сам сводный доклад, то те из проблемных докладов, которые непосредственно посвящены взаимосвязям экономического роста и инфляции, содержат в себе утвердительный ответ на этот вопрос.

В коллективном докладе Института изучения инвестиций при Госплане КНР "Экономический рост, капиталовложения и инфляция" (2, с. 162-177)

отправной точкой анализа служит модель, позаимствованная из кейнсианских концепций роста. Экономический рост имеет определенные пределы, обусловленные ограниченностью объема ресурсов, которые могут быть задействованы. По мере хозяйственного подъема, с приближением экономики к линии экономического потенциала выявляются ресурсные ограничения, начинается конкуренция за ресурсы и, как следствие, роста цен.

В китайской экономике на эту абстрактную схему "накладываются" особенности институциональной и отраслевой структуры. Для агентов хозяйственной системы рост производства имеет самодовлеющее значение. Предприятия и местные администрации поддерживают неограниченный спрос на ресурсы, а монетарные власти проводят денежную политику, стимулирующую экономический рост. Экономическое развитие носит высокочрезвычайно ресурсоемкий характер, тогда как именно ресурсопроизводящие отрасли являются "слабым звеном" экономики.

В таких условиях, как считают авторы доклада, возможности выхода на высокие показатели экономического роста при низкой инфляции в конечном счете зависят от повышения эффективности экономики, от перехода к менее затратному типу экономического роста. А решение проблемы постоянно возникающего избыточного инвестиционного спроса зависит от упорядочения прав собственности на госпредприятиях и, соответственно, развития системы инвестиционного риска.

В докладе Лин Тао и Лю Минчжи (НИИ финансов при Народном Банке Китая) "Прогноз инфляции в девятой пятилетке с точки зрения денежной политики" (2; с. 151-161) циклические факторы инфляции непосредственно ставятся во главу угла. Механизм циклических колебаний, считают авторы, основан на периодических расширениях фронта капитального строительства, а фазы "сжатия" в ходе циклов начинаются с сокращения темпов прироста инвестиций. У госпредприятий недостаточно финансовых ресурсов для самофинансирования, но в силу мягкости бюджетных ограничений они имеют стимулы к постоянному расширению. В условиях, когда в стране еще нет развитого фондового рынка, главным источником инвестиций для предприятий является банковский кредит.

Если ресурсные ограничения не выражены, то для поощрения экономического развития государство ослабляет денежную политику, и это приводит к ускорению экономического роста. Вслед за инфляцией спроса, вызванной кредитной эмиссией, в ходе экономического подъема выявляются "узкие места" экономики, и это приводит к ускорению инфляции издержек. Когда инфляция достигает социально неприемлемого уровня, государство ужесточает денежную политику и контроль за капиталовложениями. Совокупный спрос ограничивается, ресурсные ограничения сглаживаются. Происходит замедление экономического роста. Инфляция постепенно снижается, и таким образом возникают условия для начала нового цикла.

Исходя из такой модели, Лин Тао и Лю Минчжи дают прогноз экономического роста и инфляции в 1996-2000 гг. На этот период ими прогнозируется сохранение высоких темпов экономического роста. Экономическая реформа будет углубляться, будут предприняты новые усилия по развитию базовых отраслей промышленности, инфраструктуры и сельского хозяйства. Однако полное устранение системных и структурных причин инфляции маловероятно. В новом экономическом цикле, начавшемся во второй половине 1996 г., максимальные темпы экономического роста, по-видимому, будут достигнуты в 1998 г., а к 1999 г. возможно новое обострение инфляционной проблемы. Конкретные показатели будут зависеть от того, какая будет прово-

даться денежная политика на восходящей стадии цикла. В случае смягчения политики инфляция вновь может приблизиться к отметке в 20%, как это уже происходило в 1988-1989 гг. и 1993-1995 гг. Но и при сравнительно жесткой денежной политике инфляция в нынешнем цикле не опустится ниже 5-6%.

Подведем некоторые итоги. Изложенная в книге Лю Шучэна концепция преемственности циклических колебаний в до- и пореформенные периоды, несомненно, нуждается в уточнениях, а возможно - и в реинтерпретации. Однако в целом подобный подход к исследованию проблемы циклических колебаний представляется достаточно плодотворным. Анализ, проведенный проблемной группой Института макроэкономики, дает основания думать, что такая преемственность действительно существует, и определяется она тем наследием, которое получила современная экономика КНР от дореформенного периода - мягкостью бюджетных ограничений в госсекторе и неразвитостью финансового рынка. Именно эти факторы в конечном счете обуславливают периодическое возникновение в экономике гипертрофированного инвестиционного бума, приводящего к сверхвысоким темпам экономического роста и ускорению роста цен. Методы жесткой финансовой политики могут быть в таких условиях лишь паллиативным средством борьбы с инфляцией. Удастся ли Китаю придать более сбалансированный характер экономическому росту и излечиться от периодических всплесков инфляции - будет зависеть от углубления институциональных реформ в стране. Отметим для сравнения, что именно массивный рост инвестиций обычно предшествовал "скачкам" в экономике Китая 50-70-х годов, и, наоборот, периоды политики "урегулирования" начинались с ограничения фронта капитального строительства.

Механизмы циклических колебаний в современной переходной экономике Китая, разумеется, отличны от тех, что действовали в дореформенной дефицитной экономике. Также не тождественны они и механизмам, действующим в развитых рыночных экономиках. Разработка проблемы в ближайшие годы, по-видимому, пойдет по пути углубленного сопоставления различных типов циклов, выявления их общих моментов и специфических особенностей. При сопоставлении циклов в переходной и развитой рыночной экономиках китайскими экономистами будет, судя по всему, активно использоваться методологический аппарат, созданный в рамках западных экономических теорий, а при исследовании преемственности до- и пореформенных циклов будут использоваться наработки ученых из Восточной Европы. Как представляется, исследования в этой области имеют большое значение и для российских китаеведов. Знание закономерностей циклической динамики важно для прогнозирования социально-экономической ситуации в КНР, перспектив российско-китайского экономического сотрудничества. В то же время изучение долгосрочных тенденций экономического развития в стране, где существовала хозяйственная система того же типа, что и советская, помогает в предвидении проблем, которые могут проявиться в отечественной экономике с переходом к экономическому росту.

Правовое регулирование прямых иностранных инвестиций в Японии

© 1998

Н. Ноздрев

Традиционное для Японии сочетание элементов европейского континентального и англо-американского права в регулировании прямых иностранных инвестиций в рамках единой системы национального законодательства, крайне низкий уровень либерализации нормативных актов, регулирующих деятельность юридических лиц, наличие большого числа препятствий, носящих преимущественно скрытый характер, — все это долгое время вызывало и продолжает вызывать острую критику японского правительства со стороны промышленно развитых стран. Несмотря на то, что в ответ на эту критику правительство Японии уже предприняло ряд мер по либерализации правовой базы регулирования иностранных инвестиций, японское законодательство по мнению как местных, так и иностранных экспертов по-прежнему нуждается в серьезной корректировке с учетом современных тенденций в развитии всего комплекса международных экономических отношений.

Одним из основных этапов в рамках проводимой правительством Японии политики либерализации деятельности в стране компаний с иностранным капиталом стал пересмотр в 1991 г. Закона о регулировании валютных операций и внешней торговли. В новой редакции закона были изменены ряд положений, регламентирующих прямые иностранные инвестиции, а также сокращено число категорий иностранных инвестиций, требующих обязательной подачи предварительных уведомлений в компетентные государственные органы¹.

Первоначально в Японии существовало два отдельных нормативных документа, регламентирующих иностранные инвестиции: Закон о регулировании валютных операций (1949 г.) и Закон об иностранном капитале (1950 г.). Их основные положения отразили специфику послевоенного состояния японской экономики, прежде всего учитывался дефицит инвалютных резервов, низкая конкурентоспособность продукции национальной промышленности. В сложившейся ситуации первых послевоенных лет нормативные акты были нацелены на закрепление жесткой системы государственного регулирования, предполагающей выдачу разрешений по каждому иностранному инвестированию, при этом в роли определяющего критерия служила значимость конкретного инвестиционного проекта с точки зрения экономического развития страны. Однако после вступления Японии в 1964 г. в Организацию экономического развития и сотрудничества (ОЭСР) японское правительство приступило к реализации политики поэтапной либерализации нормативного регулирования иностранных инвестиций. В 1980 г. был отменен Закон о регули-

Ноздрев Николай Станиславович, кандидат экономических наук, Третий секретарь Посольства РФ в Японии

ровании валютных операций и внешней торговли, были инкорпорированы статьи, создававшие систему административного регламентирования иностранных инвестиций, основанную на практике подачи предварительного уведомления по каждому случаю инвестирования.

Для послевоенной модели участия Японии в мирохозяйственных связях было характерно значительное превышение прямых японских зарубежных инвестиций над прямыми иностранными в Японии. Поэтому в 1989-90 гг. в ходе американско-японских структурных консультаций американская сторона потребовала от японского правительства более радикальных мер по либерализации нормативных актов, регламентирующих порядок осуществления иностранными компаниями прямых инвестиций. В июне 1990 г. , идя навстречу требованиям Вашингтона, правительство Японии предложило законодателям страны пересмотреть ряд положений закона о регулировании валютных операций и внешней торговли. Новая редакция закона закрепила за иностранными инвесторами право предоставлять уведомления после осуществления инвестиций. Таким образом, национальная система контроля над инвестиционной деятельностью в стране иностранных компаний была приведена в соответствие с либерализационным кодом ОЭСР, и порядок, предусматривающий подачу предварительного уведомления, был сохранен лишь для ограниченного круга отраслей. В новой редакции были также определены случаи, в которых инвесторы полностью освобождаются от обязанности подавать уведомление.

В настоящее время инвестиционная деятельность иностранных компаний в Японии регламентируется тремя нормативными документами: Законом о регулировании валютных операций и внешней торговли, постановлением правительства Японии "О регулировании прямых иностранных инвестиций", а также указом "О регулировании прямых иностранных инвестиций".

Японское законодательство относит к категории иностранного инвестора следующие группы физических и юридических лиц:

1. Физические лица нерезиденты Японии;
2. Юридические лица, созданные на основе нормативных актов иностранных государств, а также юридические лица, головные конторы которых расположены за границей;
3. Юридические лица, действующие в Японии, в которых категории инвесторов, определенные в пунктах 1 и 2 прямо или косвенно владеют паем или акциями на сумму, составляющую более 50% от уставного капитала (в данном случае под косвенным владением понимается та доля уставного капитала компании, которой иностранный инвестор владеет через свои дочерние компании. При этом в расчет принимаются лишь те дочерние компании, в которых иностранный инвестор владеет более 50% уставного капитала (См. Схему 1); однако в случае, если внучатая по отношению к иностранному инвестору компания также имеет свою дочернюю компанию, то последняя, независимо от доли капитала, принадлежащей исходному иностранному инвестору, не может быть признана иностранным инвестором (См. Схему 2).
4. Юридические лица, действующие в Японии, большинство должностных лиц в руководстве которых или большинство должностных лиц с правом представительства в руководстве которых составляют физические лица нерезиденты Японии;

Схема 1

Расчет суммарной доли иностранного инвестора

$$(0.5 \times 0.2) + (0.7 \times 0.2) = 0.54 \text{ 0.5}$$

Таким образом компания Д рассматривается как компания - иностранный инвестор. (Компания С не принимается во внимание, т.к. доля ее капитала, принадлежащая иностранному инвестору, составляет менее 50%)

Схема 2

5. Юридические или физические лица, осуществляющие инвестиции в интересах иностранных инвесторов, однако не от имени последних².

Закон о регулировании валютных операций и внешней торговли определяет следующие виды прямых иностранных инвестиций:

1. Приобретение акций или пая компании, не имеющей листинга³ на бирже;

2. Трансферт⁴ акций или пая компании (данное положение действует лишь в случаях, когда юридическое лицо - резидент Японии покупает акции или пай компании, не имеющей листинга на бирже, а затем становится нерезидентом и передает указанные акции или пай другому иностранному инвестору);

3. Приобретение акций компании (включая трансферт между компаниями- иностранными инвесторами), имеющей листинг на бирже, если при этом хотя бы один иностранный инвестор владеет более 10% от общего числа акций (если несколько иностранных инвесторов владеют более 10% от общего числа акций компании, но при этом доля каждого из них не превышает 10%, то это не рассматривается как случай иностранного инвестирования; при расчете доли иностранного инвестора учитываются также акции, приобретенные его дочерними и иными родственными компаниями, список которых подробно оговорен в Законе);

4. Решение об изменении целей деятельности (устава) компании, в которой иностранный инвестор владеет более чем одной третью от общего числа акций;

5. Создание филиалов, строительство заводов, строительство и оборудование других мест хозяйственной деятельности, а также изменение их типа и целей деятельности;

6. Кредитование на срок более одного года в нижеследующих случаях:

- сумма кредитования превышает 100 млн. иен, а срок составляет более 5 лет;

- сумма кредитования превышает 200 млн. иен, а срок составляет менее 5 лет;

7. Приобретение иностранными инвесторами-резидентами облигаций, деноминированных в иностранной валюте, а также приобретение физическими и юридическими лицами- нерезидентами облигаций в нижеследующих случаях:

- облигации размещаются путем закрытой подписки;

- срок погашения составляет от 1 до 5 лет, общая сумма сделки превышает 200 млн. иен или срок погашения составляет более 5 лет, а общая сумма сделки превышает 100 млн. иен;

Вышеуказанные положения не распространяются на сделки с облигациями, которые осуществляют банки и другие кредитно-финансовые учреждения в качестве своей основной деятельности, а также на облигации, эмиссия которых производится за границей. Необходимо также отметить, что конвертируемые облигации, операции с которыми не подпадают под действие вышеобозначенных положений, в результате использования инвестором права конверсии, могут стать иностранными инвестициями с точки зрения японского законодательства⁵.

Несмотря на то, что в соответствии с новой редакцией Закона о регулировании валютных операций и внешней торговли контроль государственных органов над прямыми иностранными инвестициями был существенно ослаблен, для ряда отраслей был сохранен принцип обязательной подачи предварительных уведомлений.

Это прежде всего отрасли, в отношении которых Правила по либерализации движения капитала в странах ОЭСР допускают сохранение исключительного режима: сельское и лесное хозяйство, рыболовство, горнодобывающая промышленность, нефтяная промышленность, кожевенное производство. Сюда также входят отрасли, рассматриваемые вышеуказанными Правилами как "имеющие отношение к обеспечению безопасности, общественному порядку и общественной безопасности": авиастроительная промышленность, военное производство, атомная отрасль, космическая промышленность, производство взрывчатых веществ, энергетика, газовая промышленность и некоторые другие. Предварительного уведомления требуют все инвестиционные операции на сумму более 1 млрд. иен. Необходимо также отметить, что если

страна, резидентом которой является иностранный инвестор, не входит в список государств, прилагаемый к Закону о регулировании валютных операций и внешней торговли, то в этом случае независимо от характера осуществляемых операций подача предварительного уведомления становится обязательной.

Положения Закона о регулировании валютных операций и внешней торговли, предписывающие инвесторам подачу уведомлений в уполномоченные государственные органы, не распространяются на следующие категории инвестиций:

1. Приобретение акций, паев или облигаций компании в результате наследования или дарения.

2. Приобретение паев и акций компаний, не имеющих листинга на бирже, через слияние компаний.

3. Приобретение новых акций в результате дробления, укрупнения или конверсии старых.

4. Приобретение акций японских компаний, имеющих листинг на бирже в случаях, когда данные акции эмитируются за рубежом.

5. Приобретение новых акций посредством конвертации облигаций или использования варрантов, эмитируемых за рубежом японскими компаниями, имеющими листинг на бирже.

6. Приобретение акций или пая реорганизованной компании вместо акции или пая старой компании.

7. Требуемое последующее уведомление приобретение акций или пая компании, не имеющей листинга на бирже в случаях, когда доля иностранного инвестора составляет менее 10%.

8. Требуемое предварительного уведомления приобретение акций или пая компании, не имеющей листинга на бирже в случаях, когда указанные ценные бумаги выпускаются компанией с целью их последующей котировки на бирже и когда суммарная доля иностранного инвестора, учитывая его дочерние компании, не превышает 10%.

9. Создание филиалов, строительство и оборудование заводов, других мест хозяйственной деятельности в отраслях, отличных от банковского и страхового дела, операций с ценными бумагами, газовой промышленности и энергетики.

10. Любое кредитование в денежной форме, в случае если оно осуществляется иностранным кредитно-финансовым учреждением⁶.

В Законе подробно описана схема подачи предварительных и последующих уведомлений по фактам прямого иностранного инвестирования. (См. Схему 3.). При последующем уведомлении иностранный инвестор обязан в течение 15 дней после осуществления инвестиционных операций составить и передать через Банк Японии отчет на имя министра финансов и министра, курирующего соответствующую отрасль. В тех же случаях, когда Законом предусмотрено предварительное уведомление, инвестор должен предоставить все необходимые документы в течение 3 месяцев, но не позднее чем за 15 дней до предполагаемой даты инвестирования. Если место жительства или юридический адрес иностранного инвестора находится за границей, то он должен своевременно представить уведомление через своего агента-резидента в Японии.

Министерства, осуществляющие контроль в отношении каждого конкретного случая инвестирования, определяются следующим образом:

1. При приобретении акций компании - министерство, курирующее отрасль, где указанная компания осуществляет свою деятельность;

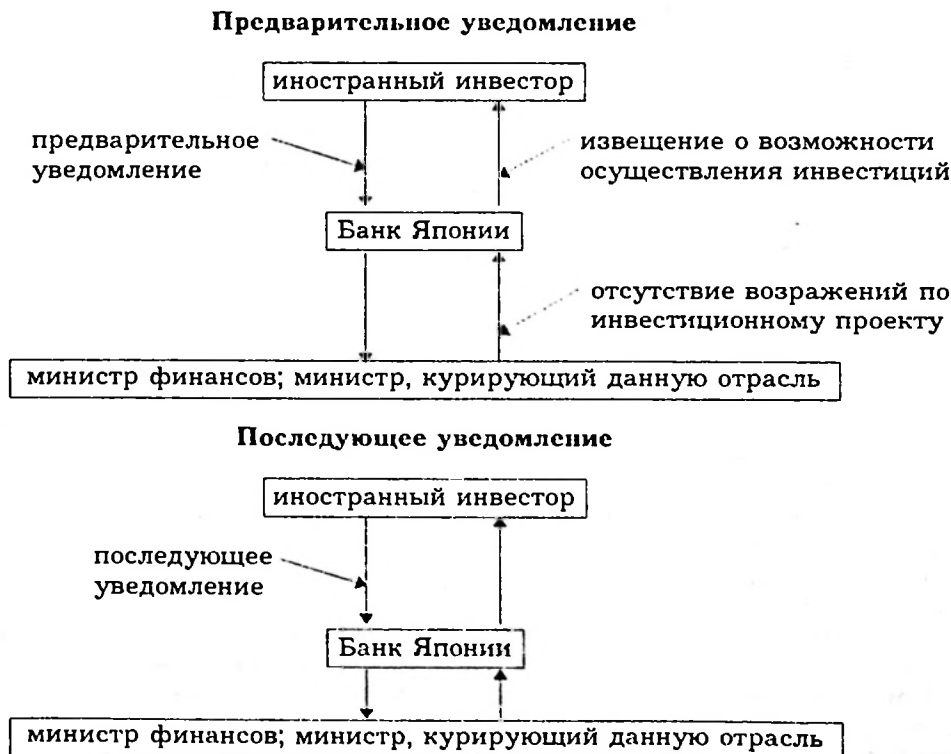
2. При создании филиала - министерство, курирующее отрасль, где филиал предполагает осуществлять свою деятельность;

3. В случае кредитования или покупки облигаций - министерство, курирующее отрасль, где компания, получившая кредит или выпустившая облигации, осуществляет свою хозяйственную деятельность.

Закон о регулировании валютных операций и внешней торговли предписывает государственным органам проводить тщательное изучение информации, содержащейся в предварительном уведомлении. Иностранный инвестор в течение 30 дней после получения уведомления уполномоченным государственным органом не вправе осуществлять инвестиционные операции. Однако в случаях, когда признается отсутствие необходимости проверки данных, содержащихся в уведомлении, указанный срок может быть сокращен до двух недель, о чем делается специальная запись на сертификате о получении уведомления, выдаваемом иностранному инвестору. Если по ходу проверки какое-либо из министерств или ведомств не потребует продления срока, то по истечении двух недель запрет на осуществление инвестиций автоматически заканчивается.

Схема 3

Основные схемы подачи уведомлений иностранными инвесторами⁷

При проверке данных, содержащихся в предварительных уведомлениях иностранных инвесторов, государственные органы обращают внимание на следующие вопросы:

1. Может ли предполагаемая деятельность инвестора создать помехи для обеспечения государственной безопасности или общественного порядка.

2. Может ли предполагаемая деятельность оказать значительное отрицательное воздействие на развитие национальной экономики.

3. Может ли предполагаемая деятельность создать проблемы с точки зрения принципа взаимности (при наличии в иностранном государстве дискриминационной практики в отношении инвестиций японских компаний).

4. Соответствует ли содержание инвестиционной деятельности Закону о регулировании валютных операций и внешней торговли в части, предполагающей наличие разрешительной системы по ряду сделок с капиталом.

В случае, если государственные учреждения примут решение о проведении проверки, срок, в течение которого иностранный инвестор не вправе осуществлять предполагаемую деятельность, продлевается до 4 месяцев. При продлении срока иностранный инвестор своевременно уведомляется об этом соответствующим государственным органом. По итогам проверки министр с учетом мнения комитета по валютным операциям рекомендует инвестору либо изменить содержание предполагавшейся инвестиционной деятельности, либо отказаться от ее осуществления.

Наряду с положениями Закона о регулировании валютных операций и внешней торговли, каждый из указанных выше видов инвестиционной деятельности регулируется специализированными нормативными актами, а также большим числом инструкций министерства финансов и Банка Японии. К примеру, создание иностранными компаниями филиалов в Японии регламентируется Торговым Кодексом Японии, который требует от них обязательной регистрации.

В настоящее время основные усилия правительственных и деловых кругов Японии сконцентрированы в области разработки новой концепции реформирования национального законодательства, ориентированной на максимально эффективное использование иностранного капитала как одного из факторов оживления национальной экономики, находящейся в самой продолжительной за все послевоенное время полосе спада.

Так, в декабре 1996 г. комитет по валютным операциям, выполняющий функции консультативного органа при министре финансов Японии, разработал ряд рекомендаций по реформе Закона о регулировании валютных операций и внешней торговли в части, касающейся порядка осуществления сделок с иностранной валютой. Введение в действие новой редакции закона позволит существенно трансформировать ныне действующий механизм функционирования валютного рынка в стране. Если в настоящее время право на осуществление валютных операций имеет узкий круг специально уполномоченных на это банков, то после снятия ограничений схожие возможности будут предоставлены всем компаниям. Новая редакция закона предусматривает отмену системы подачи предварительных уведомлений при совершении валютных операций, а также существенно либерализует порядок обмена наличной иностранной валюты.

Министерство финансов Японии намерено уже в ближайшее время вынести новую редакцию Закона на рассмотрение национального парламента с тем, чтобы в 1998 г. она вступила в действие. Реформа основополагающих принципов функционирования валютного рынка Японии окажет, по всей видимости, благоприятное воздействие на динамику американских прямых инвестиций в этой стране: снижение ставок комиссии по валютным операциям под воздействием усиления конкуренции должно положительно сказаться на базовых показателях эффективности деятельности филиалов и дочерних компаний американских ТНК, а либерализация порядка открытия японскими резидентами счетов за рубежом расширит клиентуру американских коммер-

ческих и инвестиционных банков в Японии, открыв перед последними новую перспективную сферу деятельности по управлению зарубежными счетами японских физических лиц.⁸

1. Бозки Тэцудзуки Дзэнкай. (Сборник процедур внешней торговли): Бозки Кохося. 1995. С. 924.
2. "Тайнай тэкусэцу тоси-но тэцудзуки надо-но ни цуйтэ". (О процедурах по внутренним прямым инвестициям) // Цусансё кохо. 1993. 12 марта. С. 26-27.
3. Листинг - регистрация на бирже.
4. Трансферт - передача, перепродажа.
5. О процедурах по внутренним прямым инвестициям // Цусансё кохо. 1993 12 марта. С. 27.
6. Сборник процедур внешней торговли: Бозки Кохося. 1995. С. 925-926.
7. О процедурах по внутренним прямым инвестициям // Цусансё Кохо. 1993. 12 марта С. 34.
8. Нихон кэйдзай симбун. 1996. 20 декабря.

Углубление реформы в государственном секторе промышленности КНР*

© 1998

З.Муромцева

В сентябре 1997 г. в Китае состоялся XV съезд КПК. Зарубежные средства массовой информации запестрели заголовками, в которых прежде всего сообщалось о том, что реформированию государственных предприятий открыт "зеленый свет", а это на Западе непосредственно связывают с развитием капиталистических отношений.

Как же на самом деле обстоят дела с экономическими реформами в государственном секторе промышленности Китая?

Несмотря на падение за годы реформирования удельного веса государственного сектора в стоимости валовой продукции промышленности в целом (с 64,9% в 1985 г. до 34% в 1995 г.), позиции государственных предприятий в энергетике, производстве сырья и других отраслях оставались лидирующими: в добыче угля - 66,5, нефти и газа - 95,4, нефтепереработке - свыше 80, химии - 48,5%, в выплавке черных и цветных металлов - соответственно 60,7 и 46,9%, в производстве специального оборудования и средств транспорта - 42,8 и 45,9%, в фармацевтической промышленности - 47,9%¹.

Ведущее положение государственного сектора в промышленности определяется также тем, что в его собственности находится 15668 крупных и средних промышленных предприятий. Составляя по численности во всей промышленности менее 0,2%, они обладали имуществом в 44,5% и давали в 1995 г. 43,1% прибыли всех промышленных предприятий на уровне волостей и выше². На государственный сектор промышленности в 1996 г. приходилось 60% финансовых доходов государства, в нем было занято две трети городских рабочих и служащих³.

Начало реформированию государственных предприятий в Китае было положено опубликованием в 1979 г. пяти документов, которые разрешали отобрать небольшое количество промышленных предприятий для проведения эксперимента.

Однако лишь в конце 1984 г. эксперимент был расширен, несколько позднее начали осуществляться новые формы ведения хозяйства в виде подрядной системы, аренды и акционирования. В соответствии с "Законом КНР о промышленном предприятии общенародной собственности" (1988) предприятие получило право владения, пользования и распоряжения имуществом, предоставленным ему государством в хозяйственное управление⁴. Таким образом, было разграничено право собственности и право на владение, пользо-

Муромцева Зоя Андреевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 96-02-02257

вание и распоряжение государственным имуществом. Ряд нормативных актов формально предоставил предприятиям большую самостоятельность. Предприятия могут планировать выпуск продукции, устанавливать на нее цены, реализовывать полученную прибыль, приобретать сырье и материалы по рыночным ценам, создавать горизонтальные объединения с прямыми связями, решать вопросы внутренней организационной структуры, найма рабочей силы, оплаты труда и т.д.

Реформирование предприятий происходило неравномерно, вплоть до временной остановки в период урегулирования в 1989-1991 гг.

До начала 90-х годов крупные и средние промышленные предприятия лишь в небольшой степени были затронуты преобразованиями. Они по-прежнему в реальной жизни не имели необходимых прав в решении производственных вопросов, распоряжении фондами и даже оставления после уплаты налогов части прибыли.

"Правила изменения хозяйствования промышленных предприятий общенародной собственности" (1992), а затем решение о создании "системы современных предприятий" были призваны стимулировать вхождение предприятий государственного сектора в рыночную экономику. На сессии ВСНП в марте 1993 г. была утверждена поправка в Конституции КНР, где государственные предприятия называются предприятиями, находящимися в собственности государства, а не управляемыми государством.

Эффективной работе промышленности должен соответствовать более совершенный аппарат макрорегулирования и контроля, основой которого являются реформируемые налоговая, инвестиционная системы и система социального обеспечения.

В 1994 г. начали осуществляться программы реформирования финансово-налоговой, банковско-финансовой, валютной, ценовой систем и создание "системы современных предприятий." По новой системе налогообложения предусмотрена единая ставка подоходного налога - 33% от валовой прибыли, до этого он составлял 55%. Пониженная ставка подоходного налога на 2 года введена для предприятий с низкой рентабельностью. Установлен унифицированный налог на добавленную стоимость: на товары для сельского хозяйства - 13, на остальные - 17%.

Основным курсом реформирования государственной промышленности стала "система современных предприятий", в которой главное внимание уделено крупным заводам и фабрикам, поставляющим основную массу продукции. Для них разрабатываются меры по ликвидации долгов, увеличению инвестирования, улучшению системы руководства и управления. Особо важное значение придается организации финансовых компаний и развитию многоканальных способов инвестирования, ускорению технической реконструкции, созданию технических центров, соединению науки и производства.

Создание "системы современных предприятий" предусматривает персонифицированную имущественную ответственность, обладателями которой, видимо, станут акционеры, выступающие в роли инвесторов.

Проведенные эксперименты свидетельствуют, что для достижения эффективности работы промышленные предприятия должны быть не только хозяйствующими субъектами, но и нести предпринимательский риск. Для этого оказалось недостаточным разделение права собственности, которое осталось у государства, и права на владение, пользование и распоряжение, которое перешло к предприятию. Встал вопрос о разделении самого права собственности между государством и предприятием с помощью наделения последним правом собственности на средства производства наряду с государством.

Проблема персонификации государственного пая является одной из самых злободневных, так как в этой роли не могут выступать ни прежние руководящие инстанции, ни органы управления государственным имуществом. Управление предприятиями, которые становятся юридическими лицами, отвечающими за убытки и прибыли, должно осуществляться либо государственными инвестиционными компаниями, либо специально созданным холдингом, управлением крупных объединений, либо финансовыми организациями в системе управления государственным имуществом.

В связи с созданием "системы современных предприятий" был разработан "Закон КНР о компаниях", принятый в декабре 1993 г., но введенный в действие значительно позднее. Согласно этому закону предусматривается создание новых разновидностей субъектов предпринимательской деятельности: компаний с ограниченной ответственностью (товарищества закрытого типа с числом пайщиков от 2 до 50 юридических или физических лиц) и акционерных компаний с ограниченной ответственностью (открытого или закрытого типа с числом пайщиков не менее 5), а также компаний, создаваемых исключительно на государственные средства. Если учреждение компаний с ограниченной ответственностью не требует специального решения правительства, то акционерные компании с ограниченной ответственностью создаются лишь по решению провинциальных правительств или Госсовета КНР.

Углубление реформы потребовало необходимого разграничения имущественных прав между собственниками, инвесторами и хозяйствующими субъектами.

В корпорациях право владения, пользования и распоряжения имуществом переходит от государства к акционерам, выступающим в роли инвесторов, и, таким образом, государство освобождается от материальной ответственности за работу корпорации, но сохраняет право собственности на имущество. Предприятие становится юридическим лицом, ответственным за убытки и прибыль. Если оно становится неплатежеспособным, то предоставляются следующие возможности: взять заем под залог имущества, продать пакет акций, объявить банкротство. Управление корпораций ведет собрание акционеров и назначает штат управляющих, которые не наделены прямой ответственностью за имущество.

Предполагается, что примерно 2000 государственных предприятий военно-промышленного комплекса, топливно-энергетических и других важных отраслей промышленности, являющихся монополистами, на долю которых приходится около четверти производства валовой продукции промышленности страны, будут превращены в корпорации при сохранении стопроцентной государственной собственности. В 9-й пятилетке (1996-2000) усилия сосредоточены на преобразовании 1000 крупных предприятий, на них отрабатываются нормы статистической отчетности и инвентаризации.

Компании, создаваемые на государственные средства, облакаются в форму корпораций, но остаются по-прежнему под контролем и управлением государства через совет директоров, назначаемый уполномоченным государством инвестиционным органом. "Крупные компании, создаваемые на государственные средства, располагающие здоровой системой хозяйственного управления, сравнительно хорошо ведущие хозяйственную деятельность, могут быть уполномочены Госсоветом КНР на осуществление прав собственника в отношении имущества компании"⁵⁴.

Следующую группу "системы современных предприятий" составят крупные и средние промышленные предприятия, подлежащие акционированию с сохранением государственного пая.

Организационные формы "системы современных предприятий" включают, таким образом, компании с ограниченной ответственностью, акционерные компании с ограниченной ответственностью, компании с контрольным пакетом акций государства, компании, полностью основанные на государственном капитале.

В ходе реформы в государственной промышленности прежде всего отбираются наиболее хорошо работающие предприятия. Кроме того, обеспечивается помощь тем предприятиям, прибыль которых недостаточна или которые даже убыточны, но имеют рынок сбыта и со временем могут обеспечить эффективную работу. Выявляются также группы предприятий, не имеющих широких производственных связей и большой прибыли, но потенциально способных участвовать в конкурентной борьбе. Наконец, часть предприятий с большой задолженностью и убытками предполагается отсеять путем слияния, закрытия и преобразования (аренда, продажа, паевое сотрудничество и т.д.).

На конец 1995 г. из 592 тыс. промышленных предприятий на волостном уровне и выше было 5049 промышленных акционерных предприятий, на которых доля государственных акций в среднем составляла 19,9%, акций юридических лиц - 46,1%, акций физических лиц - 28,9%, акций, принадлежащих зарубежному капиталу - 5,1%⁶.

При осуществлении государственной и частной собственности важное значение приобрела охрана государственных фондов. Для контроля над состоянием государственных фондов в 1988 г. был создан Государственный комитет по управлению государственным имуществом, в функции которого входит подготовка законодательных актов, а также соблюдения имущественных и финансовых прав государства. В последующие годы в провинциях, уездах, округах и т.д. были созданы специальные органы по управлению государственными фондами, а на крупных и средних государственных предприятиях были учреждены отделы или выделены работники, отвечающие за управление государственным имуществом.

В "Законе КНР о корпорациях" (1993) содержится раздел о компаниях, основанных исключительно на государственном капитале. В документах Госсовета КНР предусмотрены конкретные меры по контролю за управлением государственных фондами, правом владения государственным имуществом, проведением регистрации и годичных проверок, процедурой оценки госимущества.

В условиях инфляции предусмотрены службы по оценке изменения стоимости государственных фондов. В Пекине создан Центр по контролю за оценочной работой, который исполняет часть функций правительства, отвечает за управление всеми службами по оценке имущества, следит за выдвижением и определением проектов оценки государственного имущества.

В экспериментальном порядке в КНР уже введено капитализированное управление государственным имуществом, созданы крупные объединения промышленных предприятий и холдинговые корпорации, которые контролируют имущество государства в форме пакетов акций. Так, например, действуют отраслевые компании в авиационной, нефтехимической промышленности, а также в производстве цветных металлов, где держателем пакетов акций является государство. В Пекине создана крупная холдинговая компания в легкой промышленности.

Однако введение "системы современных предприятий" сталкивается с определенными проблемами, связанными с их большой задолженностью, излишней рабочей силой, трудностями осуществления банкротств, чрезмерным социальным бременем, несовершенством системы социального обеспечения в

целом, нечеткостью имущественных прав, устаревшим оборудованием, низкой эффективностью работы.

Задолженность государственных предприятий значительно увеличилась с середины 80-х годов. Получив право на часть своей прибыли, государственные предприятия лишались бюджетного финансирования и были вынуждены прибегать к банковским кредитам для пополнения оборотных фондов. Возвращать кредиты государственным предприятиям было трудно из-за высоких налогов, низкой нормы амортизации, инфляции, неурегулированности цен и больших расходов на социальные нужды. В настоящее время около 40% долгов считаются безнадежными.

Начиная с решений XIV съезда КПК (1992) о создании системы социалистической рыночной экономики тенденция перевода государственного сектора промышленности на рыночные рельсы становится все более очевидной: трансформируются функции правительства, активно формируется рыночная инфраструктура, создаются правовая и социальная системы, что составляет неотъемлемую часть реформирования государственных предприятий.

Как показывает опыт КНР, начальный этап развития на основе централизованной плановой системы дал возможность мобилизовать и концентрированно использовать ограниченные ресурсы для достижения высоких темпов развития при высокой эффективности капиталовложений. Вместе с тем система директивной экономики оказалась неспособной к гибкой перестройке экономической структуры, что привело к снижению эффективности использования ресурсов. Самым большим недостатком плановой системы оказалась невозможность использовать механизмы сбора и распространения экономической информации для избежания просчетов в принятии экономических решений.

Реформа государственного сектора промышленности должна выровнять предприятия по своему статусу, остановить беспорядочные расходы и инвестиции, решить проблему частного обогащения и исключить возможность растаскивания государственной собственности.

Вступая на путь реформирования, государственные предприятия должны скалькулировать свое производство и издержки на выпуск продукции, снизить себестоимость, увеличить прибыль и войти в рынок как конкурентоспособные субъекты. При централизованной плановой экономике государственные предприятия не могли увольнять работников по собственной инициативе, система пожизненной занятости исключала сокращение штатов; были обеспечены социальные гарантии работникам (медицинское и пенсионное обслуживание, жилье, детские сады и ясли и т.д.) Потеря работы на государственном предприятии означала потерю средств к существованию. Эта традиционная для КНР практика ограничивала перелив рабочей силы и способствовала наличию на государственных фабриках и заводах большого избытка рабочих рук.

В отчетном докладе Цзян Цзэминя XV съезду КПК (1997г.) было подчеркнуто, что у части рабочих возникнут временные трудности. В настоящее время свыше 5,5 млн. официально зарегистрированных безработных и более 20 млн. уволенных нуждаются в предоставлении рабочих мест⁷. Между тем в 1996-2000 гг. число вновь вступивших в трудоспособный возраст составит 72 млн. чел. Эти данные говорят о чрезвычайной серьезности проблемы безработицы.

При управлении переходными процессами в ходе формирования рыночных отношений удалось не допустить критического спада промышленного производства ни в условиях депрессии начала 80-х годов, ни в условиях ликвидации последствий "перегрева" экономики конца 80-х годов, а также в се-

редине 1993 г. Новые уклады в промышленности - кооперативный, частный, индивидуальный - расширились одновременно с продолжающимся воспроизводством государственного и расширением коллективного секторов. В 1995 г. государственный сектор промышленности обладал 53,7% основных фондов всей промышленности и давал 55,2% налоговых поступлений⁸. Был сохранен потенциал государственных предприятий и предприняты меры по его активизации. Образование новых секторов в промышленности происходило в основном в соответствии с принятыми законодательными актами в русле определенного отступления монопольных структур, малой приватизации.

При увеличении на рынке импортных товаров китайская промышленность не сдала своих позиций. Производственный и научно-технический потенциал оборонной промышленности был в достаточной мере использован для выпуска гражданской продукции. Квалифицированные кадры стали ближе к производству, работая в научно-технических центрах при предприятиях.

Перестройка государственного сектора промышленности и ее перспективы определяют социально-экономические и стратегические цели китайского общества, нацеливают его на повышение эффективности производства и жизненного уровня населения.

В 1993 г. Госсовет КНР рассмотрел перспективы трудоустройства работников, уволенных с государственных предприятий. Было принято решение возложить заботу об увольняемых в основном на сами предприятия. Вместе с тем нормативное законодательство в 90-е годы начинает учитывать социальные проблемы, обременяющие государственные предприятия. Системы социального страхования, гарантирования прожиточного минимума, производственного обучения, переквалификации формируются на государственном уровне. К 2000г. КНР планирует сформировать систему законов о труде, соответствующую потребностям социалистической рыночной экономики.

В 1996 г. в 101 (из 640) городе КНР была учреждена система гарантированного прожиточного минимума. 87,6 млн. рабочих и служащих были застрахованы по старости (общая численность рабочих и служащих только в городах Китая составляет 149,6 млн. чел.). Более 22,8 млн. рабочих и служащих пенсионного возраста получали государственные пенсии, 18 млн. рабочих и служащих пользовались единой системой оплаты лечения, на более чем 10 млн. пенсионеров распространялась единая система медицинского обслуживания. В течение 1996 г. пособия по безработице были выплачены более чем 3 млн. рабочих и служащих.

Внедрение рыночных отношений обусловило трудности в работе государственного сектора промышленности. Многие государственные предприятия из-за устаревшего оборудования, низкого уровня управления, несоответствия производства потребностям рынка, несовершенства ценообразования и налоговой системы стали убыточными.

Убыточная работа значительного числа государственных предприятий, рост взаимной задолженности и задолженности по кредитам становятся главной проблемой, требующей незамедлительного разрешения. В соответствии с основным курсом КПК по преобразованию государственных предприятий реформа нацелена на укрепление их экономического механизма, повышение эффективности и конкурентоспособности в условиях рынка, а не на изменение самой государственной собственности. Регулирование деятельности государственных предприятий направлено на комплексное реформирование системы ценообразования, налогообложения, кредитной системы и заработной платы. Активное содействие преобразованиям связывается с обобщением практики, исследованием и внедрением экспериментального опыта, проводя-

щегося на государственных предприятиях. Обращается внимание на необходимость участия парткомов всех ступеней в реформировании государственного сектора⁹.

Ликвидация задолженности государственных предприятий предполагает такие меры, как перевод части долга в акции, списание части долга, создание организаций, ведающих долгами на основе залога, разделение долгов на новые и старые, выпуски долговых займов и т.д.

Традиции в сохранении пожизненного права на занятость в промышленности государственного сектора и наследование места работы родственниками еще более осложняют проблемы реформ. Для смягчения безработицы правительство КНР расширяет такие службы, как компании трудовых услуг, производственное обучение, увеличивает субсидии предприятиям службы занятости. Новый "Закон КНР о труде", вступивший в действие с января 1995 г., должен повысить эффективность рынка труда. В соответствии с ним заработная плата обуславливается не стажем работы, а квалификацией и работоспособностью. Условия найма предусматривают возможность увольнения работника. В 1995 г. контракты по найму между предприятиями и рабочими и служащими действовали на 60% государственных предприятий на уровне волюнтаризма и выше против 5% в 1985 г.¹⁰

В первом квартале 1996 г. впервые проявилась чистая убыточность государственной промышленности. Это связано прежде всего со слабой подготовкой государственных предприятий для работы в условиях рынка. Причины убыточности не только в недостатках хозяйственного механизма, структуры и управления, но и в ряде новых обстоятельств: 1) повысились цены на сырье, транспорт и энергоносители; 2) увеличились выплаты по ссудным процентам; 3) не отлажен механизм выплаты налогов на экспорт.

Процесс социально-экономических преобразований в промышленности КНР ориентирован на последовательное, постепенное изменение структуры собственности и форм предприятий. Это позволяет расширять социальную базу для происходящих реформ и избегать разрушения накопленного экономического и научно-технического потенциала.

Государственные предприятия по-прежнему остаются объектом финансовой поддержки со стороны банковской системы. С 1 августа 1996 г. вступили новые правила предоставления займов, по которым поддержка оказывается в первую очередь тем предприятиям, которые располагают компетентным управленческим аппаратом и потенциальными возможностями в плане технологического развития. На основании заявок этих предприятий банки будут самостоятельно принимать решения о предоставлении кредита. В отдельных случаях банки могут удовлетворять заявки тех предприятий, которые не соответствуют предъявляемым к получателям займов критериям, но при этом должны быть твердые гарантии со стороны правительства, чтобы застраховать банки от потерь.

В 1996 г. Госсовет КНР проводил следующие мероприятия: 1) расширение эксперимента по реформе предприятий в 50 крупных и средних городах (первоначально таких городов было 18); 2) составление списка банков, отвечающих за финансирование 300 ведущих государственных предприятий); 3) предписание банкам использовать часть банковских резервов для содействия слиянию или банкротству убыточных предприятий (число банкротств на 1996 г. составляло свыше 1400); 4) распространение опыта Ханьданьского металлургического комбината по внедрению расчета себестоимости на основе рыночных цен; 5) введение системы ответственности за сокращение убытков и увеличение прибыли.

В китайской печати отмечалось, что в 1996 г. начался переход от стадии передачи прав на самостоятельное хозяйствование и регулирования производственной политики к стадии изменения внутриэкономического механизма и обновления режима работы государственных предприятий. На семинаре "Всемерно опираться на рабочий класс" зам. председателя Госкомитета КНР по реформе экономической системы Ван Дунцинь отметил сдвиги в 6 направлениях: 1) из первоначально отобранных Госсоветом КНР 100 экспериментальных предприятий большинство работало в режиме современных корпораций; такой же эксперимент проводится на 1290 предприятиях, выделенных провинциями и городами центрального подчинения (в середине 1996 г. 47% из них закончили работу по обоснованию проектов перехода к режиму современных корпораций); 2) продолжался эксперимент с введением акционерной системы, более 50 тыс. предприятий перешли на работу в акционерной форме; 3) 57 крупных промышленных объединений наметили стратегию развития; 4) расширялся процесс слияния предприятий и увеличивалось число банкротств; 5) идет процесс реформирования мелких промышленных предприятий с использованием разных моделей; 6) наблюдался сдвиг в решении трудных проблем реформирования в некоторых регионах (например, в пров. Ляонин - одном из крупнейших центров государственной промышленности).

Главное внимание в 1997 г. было сосредоточено на работе крупных промышленных предприятий и крупных промышленных объединений. Число крупных предприятий, получающих банковскую поддержку, увеличилось до 512 против 300 в 1996 г. Развитие крупных межотраслевых и межрегиональных объединений, соединяющих промышленное производство, технологические разработки и торговлю, предусматривало их рост с 57 до 120¹¹. Такие объединения, видимо, получают право на самостоятельный импорт и экспорт, будут расширены их права на принятие хозяйственных решений. В отношении предприятий, имеющих право вести импортно-экспортные операции, предполагается осуществлять систему освобождения их от налогов по экспорту (при экспорте своей продукции), возмещения или возврата таких налогов. Ведущие предприятия будут закрепляться за банком-агентом с четким определением круга прав, обязанностей и ответственности банков и предприятий.

В 1997 г. в ряде районов страны на небольших государственных предприятиях введена система акционерной кооперации. Часть акций смогут приобрести рабочие и служащие, определенная доля пая останется у государства. Чтобы избежать растаскивания государственного имущества, предполагается более жестко контролировать его оценку.

Несмотря на то, что в настоящее время в Китае имеется несколько законодательных актов и десятки нормативных документов по охране государственной собственности, тем не менее китайская печать сетует на то, что в стране совершаются многочисленные преступления, связанные с расхищением государственной собственности. В связи с этим поставлена задача предотвратить экстремистские тенденции в развитии акционерной системы и распространении акционерных обществ, подчеркивается, что нельзя насильственно заставлять рабочих и служащих покупать акции предприятий.

Согласно решению V-й сессии ВСНП 8-го созыва (март 1997 г.) долги государственных предприятий, образовавшиеся в результате "замены финансовых ассигнований кредитами", постепенно будут превращены в государственный капитал, причем в таких отраслях, как угледобыча, гидроэнергетика, военная и гидротехническая промышленность, этот процесс намечалось завершить в течение 1997 г.

Задолженность государственных предприятий, образовавшаяся после 1989 г. за счет средств, взятых из фондов капитального строительства, также постепенно будет трансформирована в государственный капитал.

На V-й сессии ВСНП 8-го созыва (1997г.) были затронуты проблемы увеличения фондов государственных предприятий. В соответствии с ее решениями отобранные крупные государственные промышленные предприятия и объединения смогут аккумулировать средства путем выпуска акций или облигаций займа. Кроме того, для преодоления трудностей, связанных с недостатком фондов, ведущие предприятия получат возможность привлекать средства местных бюджетов однозначной степени.

Выборочное экспериментирование с оптимизацией структуры государственного имущества на промышленных предприятиях до конца 1997 г. должно было распространиться на 110 городов. Этот эксперимент включает реорганизацию, перепрофилирование, слияние, банкротство хронически убыточных фабрик и заводов. В отобранных городах в 1997 г. планировалось увеличить резервный фонд для погашения безнадежных долгов обанкротившихся или подлежащих слиянию предприятий. Средства от продажи имущества предприятий-банкротов предполагалось использовать прежде всего на трудоустройство рабочих и служащих, а затем на погашение долгов. Некоторые убыточные предприятия, имеющие перспективы для развития, могут быть полностью или частично освобождены от уплаты процентов по кредитам при условии, что эти суммы будут потрачены на пособия для уволенного излишнего персонала и на его трудоустройство.

На V-й сессии ВСНП и на XV съезде КПК, было подчеркнуто, что основным звеном перестройки экономической структуры по-прежнему остается реформа государственных предприятий. Растущая убыточность части этих предприятий увеличивает число полностью или наполовину остановившихся производств, растет безработица. Слабая экономическая эффективность государственного сектора и материальные трудности убыточных предприятий являются серьезными факторами, влияющими на экономическое развитие Китая в целом.

Реформирование государственных предприятий и социальной сферы требует высокой квалификации управленческого персонала. В марте 1997 г. был опубликован циркуляр ЦК КПК, Государственного комитета по делам экономики и торговли, министерства кадровой политики и всекитайской федерации профсоюзов о проведении аттестации руководства государственных предприятий. Этот документ предусматривает укрепление руководящих звеньев прежде всего крупных и средних государственных предприятий, работающих убыточно.

Одной из актуальных задач экономической реформы в КНР является создание и совершенствование системы прожиточного минимума для обеспечения элементарных бытовых потребностей рабочих и служащих тех предприятий, на которых приостановилось или совсем прекратилось производство.

В 1997 г. предполагалось перейти на единую систему базисного страхования рабочих и служащих по старости. Разрабатывается система дополнительного страхования и введение ее в тех отраслях и на тех предприятиях, где имеются для этого условия. Эксперимент по реформе обеспечения медицинской помощи будет первоначально проводиться в 50 городах.

Преобразования в государственном секторе промышленности пока не вышли за рамки эксперимента. Активизация процессов преобразований в госсекторе промышленности влечет за собой рост безработицы, увеличение числа банкротств, а освобождение предприятий от социальных функций обостря-

ет социальные проблемы, которые в условиях сильного демографического давления и так представляют главную проблему реформы. Свертывание убыточного производства нередко сопровождается издержками, превышающими убытки.

В годы реформы в промышленности КНР сформировалась смешанная экономика, представленная государственной, коллективной, индивидуальной и частной собственностью. Она обеспечила быстро развивающееся производство потребительских товаров, рост продукции в целом, помогает решению проблем занятости. Государственное регулирование рыночных отношений предусматривает достижение необходимых уровней производства и потребления, а также участие коллективов рабочих и служащих в управлении производством и социальной сферой.

В Китае предстоит наиболее трудная часть реформы - перевод государственного сектора промышленности на рельсы рыночной экономики. В государственном секторе на промышленных предприятиях занято около трети рабочих и служащих, каждый шестой - скрытый безработный. Попытки закрытия нерентабельных предприятий очень болезненны, поскольку в старых промышленных районах и некоторых городах почти 80% населения занято на государственных предприятиях.

Материалы XV съезда КПК, 1-й сессии ВСНП 9-го созыва (март 1998г.) свидетельствуют о том, что проводимое углубление экономических реформ и становление "системы современных предприятий" станут ведущей силой социальных перемен и политических преобразований. Всем рабочим рекомендуется изменить свои представления о занятости, улучшить параметры своей рабочей силы с тем, чтобы соответствовать требованиям реформы и развития. Предполагается, что осуществление программы банкротства и слияния предприятий и трудоустройства уволенных работников сформирует механизм конкуренции для выявления лучших предприятий. Поощряется дальнейшая легализация частнопредпринимательской деятельности под контролем государства, использование всех форм собственности для развития государственной собственности, а также участие капиталов, технологий и других компонентов производства в распределении прибыли. Государство, подчеркивалось в материалах XV съезда КПК, будет нести лишь частичную ответственность за работу предприятий, собственником которых оно является, и не станет вмешиваться в их хозяйственную деятельность. В соответствии со стратегической целью реорганизации государственных предприятий будут создаваться крупные межотраслевые, межзональные и транснациональные объединения и объединения, соединяющие различные сектора экономики, имеющие сравнительно высокую конкурентоспособность. В процессе реформирования будут уточняться права и ответственность государства и предприятий.

В программе создания "системы современных предприятий" много декларативных компонентов. Ее воплощение останется одной из самых трудных проблем в предстоящие годы, поскольку поставлена задача примерно за трехлетний срок поставить на ноги большинство крупных и средних убыточных государственных предприятий.

Осуществление на практике создания "системы современных предприятий" означает разрешение не только экономических проблем, но также связано с многочисленными социальными и политическими проблемами. Если все эти проблемы будут разрешаться комплексно, то возможны благоприятные условия для реформирования государственных промышленных предприятий.

Первые два года 9-й пятилетки (1996-1997) свидетельствовали об ускорении создания "системы современных предприятий", что можно оценить как

положительный вклад в дело осуществления задач, поставленных перспективной программой экономического и социального развития КНР до 2010 года.

На Центральном рабочем совещании, созванном ЦК КПК и Госсоветом КНР в декабре 1997 г., были отмечены трудности, нарастающие в ходе реформирования государственных предприятий и связанные как с налаживанием их производственно-коммерческой деятельности, так и с обострением социальных проблем. В связи с этим была подчеркнута необходимость реалистической оценки сложившейся ситуации и принятия соответствующих мер. В числе предпринимаемых мер на первое место поставлена задача воплощения в жизнь финансово-валютной политики умеренного ужесточения, сдерживания инфляции, укрепления сельского хозяйства, предотвращения и устранения рисков, обеспечения стабильности социально-экономической жизни. Как показывают материалы 1-й сессии ВСНП 9-го созыва, необходимость прорыва в реформе государственных предприятий, продолжает оставаться одной из главных задач.¹²

1. Цзинцзи жибао. 1997. 19 февраля.
2. Цзинцзи жибао. 1997. 19 февраля. В 1995 г. из общего числа промышленных предприятий в 7,341 млн. предприятия на уровне волостей и выше составляли 592 тыс., представляя устойчивую основу китайской индустрии.
3. Жэньминь жибао. 1997. 16 марта.
4. Цзинцзи жибао. 1988. 16 апреля. Указанный закон. Гл. I. Ст. 2.
5. Закон КНР о компаниях. Раздел II. Гл. 3. Ст. 72 (Жэньминь жибао. 1993. 31 декабря).
6. Цзинцзи яньцзю. 1997. № 11. С. 12.
7. Бэйцзин ревью. 1997. № 33. С. 13.
8. Цзинцзи жибао. 1997. 19 февраля.
9. Жэньминь жибао. 1996. 5 июля. 1997. 11 марта.
10. Цзинцзи жибао. 1997. 19 февраля.
11. Жэньминь жибао. 1997. 16 марта.
12. Цзинцзи жибао. 1998. 21 марта.

История

Судьба китайского троцкиста

© 1998

А. Панцов

Предлагаемый читателю материал представляет собой воспоминания одного из создателей КПК и китайского комсомола, а впоследствии видного сторонника Л.Д.Троцкого (1879-1940) в Китае Лю Жэньцзина, записанные с его слов в марте-апреле 1979 г. сотрудниками аппарата ЦК КПК. В записках освещается его деятельность в период 1918-1949 гг. Несмотря на то, что они издавались в КНР практически трижды: два раза в феврале 1982 г. - в первом выпуске специального издания Центрального Комитета Компартии Китая "Чжунгун дан ши цзыляо" ("Материалы по истории КПК") и (в черновом варианте) - в четвертом выпуске другого партийного бюллетеня "Данши цзыляо цункань" ("Сборник материалов по истории партии")¹, а также в мае 1984 г. - вторым тиражом первого выпуска "Чжунгун дан ши цзыляо", они остаются почти неизвестны в России даже среди специалистов. Это объясняется закрытым ("для служебного пользования") характером названных публикаций, а также их ограниченным тиражом - каждое издание начитывает всего 28 тыс. экземпляров. На русский язык они никогда не переводились. Цель данной публикации - сделать их достоянием всех, кто интересуется историей Китая в новейшее время, в первую очередь его революционным движением.

* * *

"Я родился в марте 1902 г. в уезде Инчэн провинции Хубэй, в семье мелкого буржуа. За свою жизнь использовал разные имена и фамилии: Лю Жэньцзин, Лю Цзинъюнь, Лю Цзинжэнь, Лю Июй², Цзы Юнь, Дэн Юй, Лю Цзинъюань³.

В детские годы учился в начальной школе в уезде Инчэн, а когда подрос, покинул семью и поступил в Учанскую школу "обширных знаний" - религиозное заведение, основанное одним англичанином. Но так как плата за обучение была слишком высокой, проучился я в школе всего два года, а затем, сдав экзамены, перешел в третий класс средней школы при Китайском университете города Учана. В этой школе я учился два года.

В июле 1918 г. поступил в Пекинский университет и первое время занимался на подготовительном отделении физического факультета. Затем мне

Александр Вадимович Панцов, доктор исторических наук, профессор ДэПол университета, Чикаго, США

стало очень трудно: во-первых, я плохо знал математику, а, во-вторых, не умел делать опыты. Большого интереса к учебе на подготовительном отделении физического факультета я не испытывал. Поэтому, проучившись два года и перейдя на основное отделение, я поступил на филологический факультет. В то время Пекинский университет (Бэйда) был вузом свободного посещения: студенты выбирали занятия по своему интересу, можно было ходить на лекции или не ходить. Я большую часть времени проводил в библиотеке, изучая изданные на английском языке марксистские книги, а также работы Кропоткина⁴. Прочитал я и книгу Каутского⁵ "Этика и исторический материализм". Таким образом, я проник в суть идей Маркса, Энгельса и Каутского. Тогда же я прочитал "Манифест Коммунистической партии" и "Развитие социализма от утопии к науке". Книги, которые я читал, были в английском переводе, в то время еще не существовало китайских изданий⁶.

В 1919 г., будучи студентом Бэйда, я принял участие в движении "4 мая". Затем по рекомендации Ван Гуанци⁷, вступил в общество "Молодой Китай", в котором стал исполнять обязанности ответственного за финансы. Спустя некоторое время Ван Гуанци порекомендовал мне встретиться с Ху Ши⁸. Я встретился и во время беседы сказал, что прочитал много книг. Узнав о моих идеях, Ху Ши решил, что я витаю в облаках. "Мистер Лю, - сказал он, - вы честолюбец!" После этого я долгое время с ним не встречался.

Под влиянием новых идей, вызванных к жизни движением "4 мая", весной 1920 г. я вступил в Социалистический союз молодежи⁹, а после образования в октябре 1920 г. пекинской коммунистической группы по рекомендации Дэн Чжунся и Ло Чжанлуна¹⁰ стал членом Коммунистической партии Китая¹¹.

В июле 1921 г. от пекинской коммунистической группы я был избран делегатом на I съезд КПК, который был созван в Шанхае. Этот съезд проходил в доме Ли Ханьцзюня¹², но как-то раз, когда мы уже заседали, какой-то человек отодвинул занавески, закрывавшие вход, и заглянул к нам. После этого он сразу ушел, но кто-то из нас решил, что это был филер, и предложил всем разойтись. Спустя некоторое время Ван Хуйу, жена Ли Да¹³, посоветовала нам перенести заседания в ее родную деревню (Цзясин), куда на следующий день мы поодиночке и перебрались и где провели заключительное заседание. На этом съезде я выступил с предложением четко определить, что только диктатура пролетариата может спасти Китай. Я заявил так потому, что к тому времени в Пекинском университете уже прочитал "Критику Готской программы" Маркса, в которой, в частности, говорилось, что в переходный период от капитализма к коммунизму может осуществляться только диктатура пролетариата. Как вспоминал Чжан Готао¹⁴, Лю Жэньцзин в период I съезда со всеми, кого встречал, сразу заговаривал о диктатуре пролетариата и бушевал без конца¹⁵. Так проявлялось влияние на меня идей Маркса. Кое-кто говорит, что на съезде я выступал против вовлечения интеллигенции в партию, но я не помню таких своих заявлений.

До созыва I съезда я с 1 по 4 июля 1921 г. присутствовал на ежегодном собрании общества "Молодой Китай" в Нанкине. После съезда вернулся в Пекин, где вместе с товарищем Дэн Чжунся организовал "Общество по изучению теории Маркса", которое занялось изучением и пропагандой марксизма.

В 1921 г. я работал переводчиком в Китайско-русском агентстве, переводил на английский язык наиболее важные информационные материалы из китайских газет. После меня русский переводчик переводил эту информацию на русский, а затем она передавалась в Москву для публикации в газетах. В то время мой ежемесячный заработок составлял 80 юаней¹⁶. В 1922 г.

мы с Дэн Чжунся начали издавать в Пекине еженедельный журнал "Сяньчжуй" ("Пионер")¹⁷, который затем превратился в печатный орган Социалистического союза молодежи. Я отвечал за выпуск первых трех номеров, а также писал в этот журнал статьи под псевдонимом Лю Цзинъюнь. Затем главным редактором стал Ши Цуньтун, которому пришлось перенести издание целого ряда номеров журнала в Шанхай.

В сентябре 1922 г. из Шанхая в Пекин приехал Чэнь Дусю¹⁸. Он сказал мне, что Коминтерн собирается проводить свой IV конгресс, и Центральный [Исполнительный] Комитет партии принял решение направить его в качестве участника; Центральный же [Исполнительный] Комитет Социалистического союза молодежи посылает меня делегатом на III съезд КИМ. В то же время профсоюз железнодорожников направил Ван Цзюня¹⁹ на II конгресс Профинтерна. В сентябре 1922 г. мы втроем выехали из Пекина и через Фэнтянь²⁰, Харбин, Маньчжоули и Читу уже после праздника Октябрьской революции прибыли в Москву, где сразу же приняли участие в IV конгрессе Коминтерна. Так как Чэнь Дусю не говорил на европейских языках, он поручил мне по-английски произнести на конгрессе доклад о положении и деятельности Китайской компартии. Во время заседаний я видел Ленина и Троцкого, слышал их выступления. После IV конгресса Коминтерна я принял участие и в III конгрессе КИМ. Затем остался в Москве и в течение нескольких месяцев изучал русский язык. В апреле 1923 г. вместе с Чжан Готао²¹ через Читу вернулся на родину.

В июне 1923 г. по решению Ц[И]К КПК²² я из Пекина через Шанхай отправился в Гуанчжоу, где принял участие в III съезде партии, на котором сделал доклад о IV конгрессе Коминтерна.

В июле 1923 г. в Шанхае состоялся II съезд Социалистического союза молодежи Китая²³. Я был избран в Ц[И]К и Генеральным секретарем²⁴. Проработал я на посту генсека несколько месяцев и за допущенные ошибки был обвинен Шанхайским городским комитетом союза в должностном несоответствии²⁵. После этого под предлогом возвращения в Пекин для сдачи выпускных экзаменов в Пекинском университете я вышел из состава Центрального [Исполнительного] Комитета союза. Мою работу взял на себя Жэнь Биши²⁶. Он смог проработать дольше меня, достигнув больших успехов.

Вернувшись в Пекин, я стал главным редактором журнала "Чжэнчжи шэнхо" ("Политическая жизнь"), но выпустил всего три номера. Затем же, вплоть до 1926 г., журнал возглавляли Фань Хунцзе, Чжао Шиянь и Ли Хуньи²⁷.

Посещение Троцкого

В 1926 г. партия вновь направила меня в Советский Союз - в этот раз на учебу в Международную Ленинскую школу. Когда я приехал туда, там уже проходил обучение Цай Хэсэнь²⁸. Вскоре он был отозван на родину, и я остался один. Впоследствии в этой школе учились Пэн Цзэсян²⁹, У Юйчжан, Дун Биу и Ван Жофэй³⁰. Как раз в то время товарищ У Юйчжан рассказывал мне, как в провинции Сычуань накануне Синьхайской революции развивалось движение против национализации железных дорог. Почтенный У сам участвовал в этом движении, поэтому говорил очень эмоционально и увлекательно.

В июне-июле 1928 г. в Москве как делегат VI съезда КПК находился Чжан Готао³¹. Я познакомил его с некоторыми идеями Троцкого. В тот момент он не выразил ни одобрения, ни протеста. Если бы он осудил мои взгляды и

доложил о них в Коминтерн, я бы тогда не смог поехать на родину через Европу. Ведь разрешение на такую поездку давалось Коминтерном, и если бы Чжан Готао раскрыл перед Коммунистическим Интернационалом, что у меня есть троцкистские идеи, ИККИ не позволил бы мне воспользоваться этим маршрутом, заставив вернуться в Китай через Сибирь³².

Проучившись в Москве более двух лет, в 20-х числах апреля 1929 г. я получил в Коминтерне паспорт и, покинув Москву, через Европу отправился на родину. Причина, по которой я выбрал этот маршрут, заключалась в желании встретиться с Троцким³³. На первых порах, однако, я об этом никому не говорил. Выехав из Москвы, я вначале через Польшу и Чехословакию поехал в Германию, в Берлин, где остановился в семье одного немецкого сапожника. Дело в том, что, когда я уезжал из Москвы, один мой знакомый по имени Ляо Хуаньсин, жена которого была немкой³⁴, посоветовал мне в Берлине пожить у его тестя.

В день праздника 1 мая в Берлине состоялась мощная демонстрация. Германские власти мобилизовали большие отряды полиции, имели место кровавые столкновения. Но я в этой демонстрации не участвовал.

В Берлине я встретился с Чэн Фанъу³⁵, выходцем из провинции Хунань, в свое время принадлежавшем к обществу "Творчество" и сотрудничавшим с Го Можо³⁶. Я беседовал с ним несколько раз, но так и не узнал, что он делал в Берлине. В то же время я разыскал человека, разделявшего взгляды троцкистской оппозиции. Его звали Урбанс³⁷. Он редактировал троцкистскую газету "Народная воля" ("Volkswille" - А.П.). Я был тогда слишком наивным и оставил у него очень много русских книг, которые вез в Китай из Москвы. Вернувшись на родину, я написал ему, попросив вернуть их, но он не захотел. Этот человек занимал в немецком троцкистском движении определенное место, его имя упоминается в "Сочинениях" Сталина³⁸. Впоследствии у него произошел с Троцким разрыв; главным поводом явился вопрос о Китайско-Восточной железной дороге. Троцкий выступал против ее передачи Китаю на том основании, что она стратегическая, а Китай проводит проамериканскую политику, и, следовательно, передача ему КВЖД создаст угрозу безопасности СССР. Урбанс же настаивал на возвращении дороги Китаю.

В Берлине я посетил также знаменитые революционные места, а кроме того съездил в Потсдам, где от одного немецкого товарища узнал, что Троцкий живет на острове Принкипо в Турции.

Прожив в Берлине, таким образом, около месяца, я отправился в румынское и турецкое посольства за визами. Получив их, покинул Берлин и в тот же день к вечеру прибыл в румынский порт Констанца. Там я переночевал и на следующий день на пароходе отплыл в Стамбул.

Троцкий жил в Турции на острове Принкипо, который напоминал остров на озере Тайху³⁹. Перед входом в дом дежурил турок-полицейский. Приехав, я позвонил, и мне открыли. Затем проводили внутрь. Когда Троцкий увидел меня, он встал и пожал мне руку. Я заговорил по-русски. Мой русский язык был довольно примитивный, но Троцкий очень обрадовался и сказал, что я говорю по-русски хорошо. Еще он заметил, что я единственный китаец, с которым он познакомился⁴⁰. Я рассказал ему о ситуации в Советском Союзе - так, как я ее себе представлял, но он, похоже, уже знал о ней. Он сказал мне, что Сталин шаг за шагом ликвидирует инакомыслящих, стремясь постепенно уничтожить всю оппозицию.

Так как перед входом в дом, где жила семья Троцкого, дежурил полицейский, я не мог остановиться у него и снял комнату в небольшой гостинице неподалеку. В то время вместе с Троцким жили его жена и старший сын.

Жена вела хозяйство, а сын помогал отцу закупать продукты. Кроме того он печатал на машинке. Троцкий говорил мне, что зарабатывает на жизнь тем, что пишет в газеты. При этом часть своего дохода он оставлял в банке, используя эти средства на нужды своего движения. Питался он, как правило, плохо, ограничиваясь хлебом и овощным супом. По его собственным словам, он жил впроголодь. Он много работал, целые сутки проводя в кабинете за письменным столом. В этом кабинете обстановка была очень простой, на столе стояла только небольшая фотография Ленина. Он родился 7 ноября 1879 г., и в 1929 г. ему как раз исполнялось пятьдесят лет. Он был занят написанием автобиографии.

У него была лодка, и в часы отдыха он отправлялся на озеро⁴¹.

Я приходил к нему каждый день после завтрака и, как правило, обедал у него, [после чего уходил]. Накануне же моего отъезда на родину я остался с ним и всю вторую половину дня.

Наши беседы с Троцким были посвящены проблемам сотрудничества КПК и Гоминьдана, а также задачам оппозиции. Он считал, что пролетарская партия не может сотрудничать с буржуазией, она должна осуществлять революцию самостоятельно. Я обратил внимание на то, что он особенно настаивал на этом положении. В то время под так называемыми буржуазными партиями он имел в виду Гоминьдан и реорганизационистов⁴². Гоминьдан возглавлял Чан Кайши, реорганизационистов Ван Цзинвэй. Перед самым моим отъездом он продиктовал своему сыну статью, которую тот напечатал. Она называлась "Нынешняя политическая ситуация в Китае и задачи оппозиции (большевиков-ленинцев)". Эту статью он дал мне, предложив захватить ее с собой в Китай⁴³. В ней он обобщал опыт китайской революции и определял задачи на будущее. Ее конкретное содержание сводилось в следующем: во-первых, был поставлен вопрос о советах. Троцкий считал, что советы не могут быть организованы произвольно; они образуются лишь в том случае, когда революция находится на подъеме, в момент, непосредственно предшествующий захвату власти. Во-вторых, в статье говорилось, что Чан Кайши и Ван Цзинвэй - две стороны одной медали, и потому надо одновременно бороться как против Чана, так и против Вана. В-третьих, указывалось, что в настоящее время китайская революция находится на спаде, и нельзя непосредственно приступать к организации восстаний: сейчас недопустимы авантурные действия, необходимо копить силы. В-четвертых, подчеркивалось, что лозунгом переходного периода должны стать прямые, равные и тайные выборы в Национальное собрание с тем, чтобы добиться реализации следующих целей: независимости и объединения Китая, самоопределения национальных меньшинств, 8-часового рабочего дня, передачи земли крестьянам. Троцкий полагал, что, если китайские троцкисты поведут пропаганду в этом направлении, китайская революция⁴⁴ окажется в гораздо более благоприятной обстановке, чем социал-демократические партии Западной Европы, так как китайская партия отличается от западноевропейских социал-демократических партий, которые раскололись в вопросе о войне⁴⁵.

Я прожил в Турции более месяца, и Троцкий предложил мне побыстрее возвращаться на родину, заметив, что мне не следует задерживаться у него слишком долго. Первое время он беседовал со мной по утрам, во второй половине дня встреч не было. В тот же день, когда он поторопил меня вернуться на родину, мы проговорили до вечера. Расставаясь, он поинтересовался, есть ли у меня деньги на дорогу. Я ответил, что есть и поэтому помогать мне не надо. Перед моим отъездом из Турции Троцкий выбрал мне псевдоним - "Нил Си". Дело в том, что он считал китайские односложные фамилии

слишком краткими, поэтому и предложил мне это имя. Никакого другого смысла в этот псевдоним не вкладывалось. Это имя мы использовали в нашей последующей переписке.

Расставшись с Троцким, я сел в Стамбуле на торговый пароход, следовавший рейсом в Марсель. Из Марселя я приехал в Париж, где встретился с младшим братом Чжан Боцзюня⁴⁶ - Чжан Ботао, а также с Ляо Чэнчжи⁴⁷. Это уже, по всей видимости, было в июле 1929 г.⁴⁸ Чжан Ботао спросил меня: "Почему из Берлина в Париж ты добирался больше месяца? Куда ты ездил?" Я немного растерялся и ответил уклончиво. От Ляо Чэнчжи я узнал, что в Берлине находится Дэн Яньда⁴⁹, взгляды которого, по словам Ляо, уже кое в чем отличаются от прогрессивных. В Париже я посетил также некоторые достопримечательности, но, поскольку был ограничен в средствах, вскоре из Марселя на пароходе отбыл на родину.

После возвращения на родину

Я плыл в Китай более месяца и прибыл в Шанхай 16 августа 1929 г. По приезде я встретился с двумя людьми. Одним из них был Юнь Дайин⁵⁰, который от имени партийной организации проинформировал меня о том, что я должен был отправиться на [конспиративную] встречу в одну небольшую гостиницу. Вторым человеком был Хэ Мэнсюн⁵¹. Я встретил его совершенно случайно, и мы разговорились в парке на берегу реки Хуанпу. Когда мы коснулись гибели его жены Мю Боин⁵², из глаз Хэ Мэнсюна потекли слезы.

Ни Юнь Дайину, ни Хэ Мэнсюну я не рассказал о встрече с Троцким. Они узнали о ней сами, не с моих слов⁵³. Что же касается продиктованной Троцким статьи, то после приезда в Шанхай я вместе Чжэн Чаолинем⁵⁴ перевел ее на китайский язык⁵⁵.

История моей поездки к Троцкому стала известна как Коминтерну, так и ЦК КПК. Центральный Комитет партии пришел в негодование. Когда я вернулся в Шанхай, сначала в газете "Хунци жибао" было опубликовано открытое письмо Лю Жэньцзину, в котором мне давали разнос: "Ты в Турции посетил Троцкого. Ты должен объясниться. Даем тебе три дня для того, чтобы ты в газете представил открытое объяснение своего визита к Троцкому". Но я не ощущал тогда, что сделал что-то неправильное, и никакого открытого объяснения в газету не представил. Увидев, что я не даю объяснений, партийная организация исключила меня из своих рядов. С тех пор я не являюсь членом коммунистической партии. Впоследствии в троцкистской организации меня объявили "любителем либерализма" и тоже исключили.

Вернувшись на родину, я поддерживал переписку с Троцким. В первом письме, которое я ему отправил, я высказал дискуссионные соображения относительно вопроса о Национальном собрании. Троцкий внес в текст письма кое-какие коррективы и с некоторыми сокращениями опубликовал в "Бюллетене оппозиции"⁵⁶. Кроме того, на свое письмо я получил от него ответ. Его письма ко мне были очень страстными. Помню, в одном из них он писал так: "Я должен Вам прямо сказать, Ваши методы неправильные. Эти Ваши методы я не одобряю. Эти методы не могут способствовать развитию троцкистского движения в Китае"⁵⁷. В конце письма было написано: "Крепко жму руку. Ваш сердечно, Троцкий". Всего я получил от него пять писем и все передал в объединенную троцкистскую организацию, образованную в 1931 г.⁵⁸ После моего исключения из троцкистской организации я больше Троцкому не писал⁵⁹.

Однажды в троцкистской прессе я наткнулся на такое сообщение: в 1935 г. с Троцким встретились два американца, находившиеся проездом в Мексике. Во время беседы Троцкий упомянул мое имя, выразив по отношению ко мне прежние добрые чувства⁶⁰.

Помимо писем Троцкому я написал в то время одну статью для еженедельника американских троцкистов "Милитант" ("Борец"), в которой дал некоторую характеристику ситуации, сложившейся в китайском троцкистском движении. Она была опубликована, что свидетельствовало о большой потребности, которую испытывали троцкистские издания в информации из Китая⁶¹.

В 1930 г. Троцкий завершил свою автобиографию (1 и 2 тома) и прислал мне русское издание этой книги⁶². Мы организовали работу по ее переводу на китайский язык. Однако Ван Вэньюань⁶³ взял эту книгу и не отдал мне. Тогда мы, несколько человек, все же перевели один том с английского издания. Затем перевод был передан в издательство "Шэньчжоу гогуан"⁶⁴.

О своей европейской поездке я в 1930 г. написал "Воспоминания о путешествии в Европу", которые опубликовал в еженесичнике "Душу цзачжи" ("Журнал для чтения"), выпускавшемся издательством "Шэньчжоу гогуан"⁶⁵. Это издательство вначале печатало книги по искусству, а также сборники оттисков с древних стел, но потом, когда хозяином его стал Чэнь Миншу⁶⁶, назначивший главным редактором своего протеже Ван Лиси⁶⁷, оно стало выпускать политическую, экономическую и художественную литературу. В нем я опубликовал также свой перевод "Истории Великой французской революции"⁶⁸.

(Продолжение следует)

1. Этот выпуск помечен октябрем 1981 г., однако вышел в свет в феврале 1982 г.
2. Лю Жэньцзин использовал два варианта написания иероглифами имени Июй.
3. Кроме того, в разные годы Лю Жэньцзин был известен и под другими псевдонимами: Лю Жэньцзюнь, Лю Янчу, Ян Чу, Цзин Юнь, Цзин Жэнь, Жэнь Цзюнь, Ни До, Цзин Юань, Лю Жэньюй, Лю Яньцин, И Юй, Жэнь Цзин, Ленский, Ле Эрши, Шу Гу, Neal Sih, Nelsey, Neitsi, Nielsey, Nel-Sy, Niel-Sih, Nel-Si, Нельси, Нель Си, Нель-Си, Neal Shi, Лю Лосань, Liurze, H.C., N.C., N.S., N., C., X., Лю Юй, Лю Жошуй.
4. Кропоткин, Петр Алексеевич (1842-1921) - русский революционер, идеолог анархизма.
5. Каутский, Карл (1854-1938) - австрийский социалист, один из создателей Второго Интернационала. Во время Первой мировой войны - пацифист.
6. Лю Жэньцзин не совсем прав. Если совместная работа Маркса и Энгельса "Манифест Коммунистической партии" действительно не была к тому времени полностью переведена в Китае, то энгельсовское "Развитие социализма от утопии к науке" вышло в китайском переводе уже в июне-сентябре 1912 г. на страницах шанхайского журнала "Синь шицзе" ("Новый мир"). Автором перевода, озаглавленного "Утопический социализм и практический социализм" был Ши Цуньтун (1890-1970), ставший впоследствии одним из первых китайских коммунистов.
7. Ван Гуанци (1892-1936) - один из организаторов и руководитель патриотического общества "Молодой Китай", образованного в июле 1919 г. и ставившего целью преобразование общества путем пропаганды научных знаний. В 1920 г. эмигрировал, скончался в Германии.
8. Ху Ши (1891-1962) - известный китайский философ-прогматик, профессор Пекинского университета. Впоследствии, в 1938-1942 гг. - посол гоминьдановского Китая в США. Скончался на Тайване.
9. Лю Жэньцзин ошибается. И Пекинский социалистический союз молодежи, и ССМК были созданы осенью 1920 г.

10. Ло Чжанлун (1896-) - один из первых сторонников коммунизма в Китае, впоследствии - видный руководитель КПК. В 1931 г. в связи с оппозицией коминтерновскому курсу исключен из партии. С тех пор - на преподавательской работе.
11. Лю Жэньцин имеет в виду, что стал членом пекинского коммунистического кружка. Компартия Китая была образована позже.
12. Ли Ханьцзюнь (1890-1927) - член шанхайского коммунистического кружка, делегат 1 съезда КПК. Впоследствии - крупный деятель партии. Убит гоминьдановцами в городе Ухань.
13. Ван Хуйю (1898-) - одна из первых китайских коммунисток, член шанхайского кружка. Ли Да (1890-1966) - член шанхайского кружка, делегат 1 съезда КПК. Вплоть до середины 1923 г. - один из лидеров китайского коммунистического движения, затем вышел из партии, занимался марксистской философией. В 1949 г. вновь вступил в КПК. Скончался в Ухани.
14. Чжан Готао (псевд. - Спиридонов, Попов, Котельников) (1897-1979) - член пекинского коммунистического кружка, делегат 1 съезда КПК. Один из крупнейших организаторов коммунистического движения в Китае, с 1924 г. - член ЦИК (ЦК) КПК, с 1927 г. - член Политбюро ЦК. В результате конфликта с Мао Цзэдуном в 1938 г. исключен из партии. Скончался в Торонто (Канада).
15. См. Chang Kuo-'tao. The Rise of the Chinese Communist Party. 1921-1927. Volume One of the Autobiography of Chang Kuo-'t'ao. Lawrence, 1971. P.140.
16. По курсу того времени - 99,2 ам. долл.
17. Лю Жэньцин ошибается. Этот журнал выходил два раза в месяц.
18. Чэнь Дусю (псевд. - Старик) (1879-1942) - один из лидеров движения "4 мая" 1919 г., основатель коммунистического движения в Китае. В 1921-1927 гг. - секретарь (председатель, Генеральный секретарь) Центрального бюро (ЦИК, ЦК) КПК. В 1929 г. исключен из партии как участник левой оппозиции. С 1931 г. - Генеральный секретарь Исполкома объединенной китайской троцкистской организации. В 1937 г. отошел от коммунистического движения. Скончался в г. Цзянцзинь пров. Сычуань.
19. Ван Цзюнь (1878?-?) - в начале 1920-х гг. работал на железнодорожной станции Чансиндянь Пекин-Ханькоуской железной дороги, был председателем местного профсоюза. Член КПК с 1921 г. В январе-феврале 1922 г. принимал участие в съезде народов Дальнего Востока, проходившем в Москве и Петрограде. После участия во II конгрессе Профинтерне (ноябрь-декабрь 1922 г.), вплоть до весны 1923 г. сотрудничал в аппарате этой организации. Затем работал в Китае.
20. Фэнтянь - ныне город Шэньян провинции Ляонин.
21. Чжан Готао возвращался в Китай после краткой информационной поездки в Москву.
22. Руководящий выборный орган Китайской Компартии до июля 1922 г. назывался Центральным бюро (ЦБ), затем, вплоть до мая 1927 г. - Центральным Исполнительным Комитетом (ЦИК), впоследствии - Центральным Комитетом (ЦК).
23. Лю Жэньцин ошибается. II съезд ССМК состоялся в августе 1923 г. в Нанкине.
24. На самом деле должность Генерального секретаря была введена позже, когда Лю Жэньцин уже не работал в ССМК.
25. Секретарем шанхайского горкома соцсомола был в то время Ши Цуньтун, возглавлявший ССМК с июля 1922 по август 1923 г., до Лю Жэньцина.
26. Лю Жэньцин ошибается. Ему на смену пришел Чжан Тайлэй (1898-1927). Что же касается Жэнь Биши (псевд. - Бринский) (1904-1950), то он возглавил ССМК только в сентябре 1925 г.
27. Фань Хунцзе (1897-1927) и Чжао Шиянь (псевд. - Сутин, Радин) (1901-1927) - видные деятели коммунистического движения в Китае. О Ли Хунъи данных обнаружить не удалось.
28. Цай Хэсэнь (1895-1931) - один из крупнейших организаторов коммунистического движения в Китае. С июля 1922 г. - член ЦИК (ЦК) КПК. С февраля 1926 по март 1927 г. и с января 1929 по январь 1931 г. - представитель КПК в ИККИ. С мая 1927 по декабрь 1928 г. и с марта 1931 г. - член Политбюро ЦК КПК. Казнен гоминьдановцами в Гуанчжоу.
29. Пэн Цзэсян (псевд. - Бобров) (?-?) - в 1926 г. был секретарем Хубэйского провкома КПК, до того и позже учился в Москве. По данным арестованного ОГПУ в начале 1930 г. члена подпольной московской троцкистской организации китайского студен-

- та Тань Болина (псевд. - Мусин) (1903-?), сочувствовал оппозиции (см. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории [здесь и далее РЦХИДНИ], ф. 514, оп. 1, д. 1010, л. 44)). Его судьба неизвестна.
30. У Юйчжан (псевд. - Буренин) (1878-1966), Дун Биу (псевд. - Слепцов) (1886-1975), Ван Жофэй (псевд. - Иван Немцов) (1896-1946) - крупные деятели КПК. У Юйчжан и Дун Биу - одни из старейших участников революционного движения в Китае.
 31. В тот раз Чжан Готао приехал в Москву в мае 1928 г. и оставался там до 1931 г.
 32. Чжан Готао действительно не доложил в ИККИ о левооппозиционных взглядах Лю Жэньцзина, чем поставил себя в достаточно рискованное положение. Факт ознакомления его Лю Жэньцзином с троцкистской литературой вскрылся неожиданно: о нем сообщили во время допросов арестованные ОГПУ в начале 1930 г. члены подпольной троцкистской организации, студенты МЛШ Ма Юаньшэн (псевд. - Петухов, Петров) (1906-1977) и Го Мяогэн (псевд. - Важнов) (1907-?). Этот вопрос разбирался специальной комиссией Коминтерна. Чжан Готао яростно отрицал обвинения. При этом он даже заявил, что троцкистские взгляды Лю Жэньцзина якобы не являлись тайной для ЦК КПК, и ему самому, стало быть, нечего было скрывать: о них, по его словам, знал Генеральный секретарь ЦК Сян Чжунфа (1880-1931). Комиссия признала Чжан Готао невиновным (см. РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 225, д. 3078, л. 20).
 33. В январе 1929 г. Троцкий вместе с женой Н.И.Седовой (1882-1962) и старшим сыном Л.Л.Седовым (1906-1938) был выслан из СССР в Турцию, где поселился на острове Принкипо в Мраморном море.
 34. Женой Ляо Хуаньсина (?-?) была некто Дора Домбровская (?-?).
 35. Чэн Фаньу (1897-1984) - педагог и просветитель, один из организаторов прогрессивного литературного общества "Творчество" (было создано в июле 1921 г., распущено гоминьдановским правительством в феврале 1929 г.), член КПК с 1928 г. В то время, о котором пишет Лю Жэньцзин, являлся главным редактором журнала "Чигуан" ("Красный свет") - органа китайских коммунистических организаций в Берлине и Париже.
 36. Го Можо (1892-1978) - выдающийся литератор и историк Китая, член КПК с 1927 г.
 37. Урбанс, Хуго (1890-1946) - один из бывших руководителей Германской компартии, исключенный из КПГ в 1927 г., организатор троцкистского Ленинбундта. Впоследствии, в начале 1930 г., порвал с левой оппозицией.
 38. Лю Жэньцзин ошибается. Урбанс не упоминается в "Сочинениях" Сталина.
 39. Озеро Тайху расположено на востоке Китая, недалеко от Шанхая.
 40. Это заявление звучит неправдоподобно. Троцкий встречался и беседовал с китайцами и раньше, в том числе в 1923 г. с членами гоминьдановской делегации, возглавлявшейся Чан Кайши (1887-1975), а в 1927 г. с оппозиционером Лян Ганьцяо (псевд. - Ласточкин) (1904-194?).
 41. Лю Жэньцзин имеет в виду Мраморное море.
 42. Реорганизационисты (полное название "Товарищество по реорганизации Гоминьдана") было образовано в 1928 г., ставило целью борьбу против диктатуры главы гоминьдановского режима Чан Кайши. Их лидером был Ван Цзиньвэй (1883-1944) - видный руководитель Гоминьдана. Товарищество было распущено в начале 1931 г., его члены подверглись репрессиям со стороны чанкайшистов.
 43. Кроме этой статьи Троцкий также дал Лю Жэньцзину свои работы "Итоги и перспективы китайской революции" и "Китайский вопрос после VI конгресса" (см. Чжэн Чаолинь. Цзи Инь Куань [Вспоминая Инь Куаня], рукопись. С.105).
 44. Так в тексте. Должно быть "партия".
 45. Эта статья была опубликована Троцким в его журнале "Бюллетень оппозиции" (1929. № 1-2. С.30-32). Журнал издавался в Париже в 1929-1940 гг.
 46. Чжан Боцзюнь (1895-1969) - участник коммунистического движения в Китае, в 1928 г. вышел из партии, занимался активной политической деятельностью, пытаясь найти особый путь демократизации страны.
 47. Ляо Чэнчжи (1908-1983) - сын известных китайских революционеров, Ляо Чжункая (1877-1925) и Хэ Сянини (1879-1972), член КПК с 1928 г. В 1928-1930 гг. являлся секретарем прокоммунистического Международного клуба моряков в Гамбурге.

48. Лю Жэньцзин приехал в Париж 19 июня, а уехал в начале июля 1929 г. (см. Архив Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета [здесь и далее АТ], bMS Russ 13.1, 3603, с.1; 3606, с.1).
49. Дэн Яньда (1895-1931) - видный китайский революционер, левый гоминьдановец. В 1927-1930 гг. путешествовал по разным странам Европы и Азии, изучая опыт международного революционного движения. В 1930 г. основал Крестьянско-рабочую демократическую партию Китая. Казнен гоминьдановцами в Нанкине.
50. Юнь Дайин (1895-1931) - крупный организатор коммунистического движения в Китае. В то время, о котором пишет Лю Жэньцзин, являлся секретарем отдела пропаганды ЦК КПК, главным редактором партийной газеты "Хунци жибао" ("Красное знамя"). Впоследствии казнен гоминьдановцами в Нанкине.
51. Хэ Мэнсюн (1898-1931) - один из первых китайских коммунистов, член пекинского коммунистического кружка. Затем - в руководстве Северного бюро ЦИК КПК. С 1929 г. - секретарь одного из райкомов Шанхая. Казнен гоминьдановцами.
52. Мю Боин (1899-1929) - первая в Китае коммунистка, один из организаторов женского движения. Скончалась от переутомления в Шанхае.
53. Тем не менее, по некоторым данным, Лю Жэньцзин в разговоре с Юнь Дайином с троцкистских позиций критиковал ЦК КПК как бюрократическую организацию. Юнь Дайин с ним решительно не согласился (см. Чжэн Чаолинь хуэйилу [Мемуары Чжэн Чаолиня]. [Гонконг, б.г.], с.291).
54. Чжэн Чаолинь (псевд. - Марлотов) (1901-) - активный участник коммунистического движения в Китае, член КПК с 1922 г. С весны 1929 г. разделял взгляды левой оппозиции. В конце 1929 г. исключен из КПК. Являлся крупным организатором китайского троцкистского движения. В мае 1931 г. избран членом Исполкома объединенной троцкистской организации. Арестовывался гоминьдановцами и маоистами. В настоящее время живет в Шанхае.
55. Эта статья была опубликована китайскими оппозиционерами 10 декабря 1929 г. (см. Вомэньдэ хуа. 1929. № 11-12. С.1-7).
56. Лю Жэньцзин ошибается. Никаких дискуссионных соображений по поводу Национального собрания он Троцкому в первом письме не высказывал, и Троцкий его не публиковал. В "Бюллетене оппозиции" (1929, № 7. С.28-29) были помещены выдержки из его второго и третьего писем, но и в них о Национальном собрании не было сказано ни слова.
57. Эти фразы - пересказ одной из мыслей Троцкого, выраженной в его последнем письме Лю Жэньцзину от 22 августа 1930 г.
58. Три последних письма, написанные Троцким соответственно 24 февраля, 3 апреля и 22 августа 1930 г., были сразу же по их получении Лю Жэньцзином опубликованы в различных журналах китайских троцкистов (см. Шиюэ, 1930, 15 июля; Фаньдуйпай нэйбу шэнхо, 1930. № 2. С.9-10; Учаньчжэ, 1930, № 4. С. 10-12). Копии всех писем, хранящиеся в Архиве Троцкого в Гарварде (см. АТ, bMs 13.1, 9409-9413), были включены Ван Фаньси в специальный сборник (см. Толоцыцзи данъаньчжун чжи чжунго тунчжидэ синь [Письма китайским товарищам из Архива Троцкого]. [Гонконг, 1981], с.3-7, 13-16, 21-26). Письма же Лю Жэньцзина Троцкому из Китая (их насчитывается 24), пять писем Международному бюро Коммунистической Левой оппозиции и два письма Л.Л.Седову (они тоже были известны Троцкому) не изданы.
59. Последнее письмо Лю Жэньцзина Троцкому датировано 20 мая 1938 г.
60. В 1935 г. Троцкий действительно беседовал о Лю Жэньцзине с двумя американцами - Айзэксом и его женой Виолой Робинсон (1910-197?), однако общались они в Норвегии, и никаких добрых чувств к Лю Жэньцзину Троцкий не выражал (см. Leon Trotsky on China. N.Y., 1976. Pp.541-546).
61. См. Niel-Sih [Лю Жэньцзин]. "Manchurian events and the Communists". The Militant. 1931. vol. IV. N.30. Pp. 1,3,4. Этот журнал издавался группой Дж. П. Кэннона (1890-1974) и М. Шахтмана (1904-1972), именованной Коммунистическая Лига Америки (до 1929 г. - Оппозиция в Рабочей [Коммунистической] партии Америки), в Нью-Йорке в 1928-1934 гг.
62. См. Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1930. Тт 1-2.

63. Ван Вэньюань (псевд. - Василий Павлович Клеткин, Ван Фаньси, Шуан Шань) (1907-) - один из руководителей троцкистского движения в Китае. В мае 1931 г. избран членом Исполкома объединенной троцкистской организации. В настоящее время живет в г.Лидс (Великобритания).
64. См. Троцкий [Л.Д.]. Водэ цзычжуань (Моя автобиография). Шанхай, 1931. Т1. Издательство "Шэньчжоу гогуан" существовало в Шанхае в 1903-1954 гг.
65. См. Ли Сы [Лю Жэньцзин]. Оу ю хуэйилу (Воспоминания о путешествии в Европу) - Душу цзачжи. 1932. № 9. Т.2. С.1-32. Этот журнал издавался нерегулярно в Шанхае в 1931-1934 гг.
66. Чэнь Миншу (1889-1965) - крупный политический и военный деятель Гоминьдана, в 1932 г. - заместитель председателя Исполнительного юаня. В 1933 г. - один из организаторов античанкайшистского мятежа в провинции Фуцзянь. С 1948 г. - член руководства Революционного Комитета Гоминьдана. Скончался в Пекине.
67. Ван Лиси (псевд. - Бо Цзинь) (1901-1939) - известный китайский поэт, писатель и общественный деятель левой ориентации. В 1936 г. присутствовал на 1 съезде советских писателей. Скончался в Лояне.
68. Речь идет о переводе известной книги П.А.Кропоткина (см. Кропоткин [П.А.], Фаго да гэмин [Великая Французская революция]. Шанхай, 1931).

Существовал ли в России реальный проект раздела Кореи на рубеже XIX и XX веков?

© 1998

Б.Пак

В 1997 г. издательской фирмой "Восточная литература" РАН была опубликована монография историка Республики Корея Пак Чон Хё "Русско-японская война 1904-1905 гг. и Корея". Вслед за этим той же издательской фирмой издан сборник докладов международных семинаров "Реформы в России и Корее", "Модернизация и демократизация в Корее" и "Российско-корейские отношения: история и современность", проведенных в 1995 г. Международным центром корееведения МГУ им. М.В.Ломоносова¹. В сборник включен доклад Пак Чон Хё "Русско-японская война и судьба Кореи", который являлся кратким изложением заключительной части названной его монографии, которая в 1995 г. готовилась еще к изданию. Не касаясь в целом оценки этих двух изданий, на мой взгляд, весьма интересных и нужных, хотелось бы высказать некоторые соображения относительно предположения Пак Чон Хё о проекте раздела Кореи накануне русско-японской войны 1904-1905 гг.

Анализируя политику России в Корее в 1903-1904 гг. как тактику постепенных уступок Японии в Корейском вопросе - от свертывания активной деятельности лесной концессии на Ялу до согласия на захват Японией Кореи к югу от 39-й параллели, Пак Чон Хё делает многозначительный вывод: "Проект деления Кореи по 39-й параллели на сферы влияния между Россией и Японией в ходе переговоров 1903-1904 гг. получил неожиданное продолжение в 1945 г., когда в результате второй мировой войны Корейский полуостров был разделен демаркационной линией по 38-й параллели. Это деление ныне стало явным анахронизмом, своеобразным памятником эпохи "холодной войны"². Во втором издании по этому же поводу делается еще более многозначительный вывод: "Проект раздела Кореи по 39-й параллели на сферы влияния между Россией и Японией получил неожиданное продолжение в 1945 г., когда в результате второй мировой войны Корейский полуостров оказался разделенным демаркационной линией по 38-й параллели. По нашему мнению, тяжелые последствия русско-японской войны еще сказываются на жизни корейского народа. После Японии на юг Кореи стали оказывать влияние США, а на север - бывший СССР, как наследник царской России. По вине великих держав две половины одного государства стали враждебны и до сих пор противостоят друг другу"³.

У читателей монографии и сборника докладов сразу же возникают два вопроса:

Пак Борис Дмитриевич - доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всемирной истории Иркутского государственного педагогического университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

1. Что это был за "проект раздела Кореи по 39-й параллели на сферы влияния" между Россией и Японией накануне русско-японской войны?

2. Насколько сопоставимы российский проект раздела Кореи по 39-й параллели (если он существовал) и разделение Кореи по 38-й параллели в 1945 г., другими словами, уместно ли считать раздел Кореи в 1945 г. демаркационной линией по 38-й параллели "неожиданным продолжением" российского проекта раздела Кореи по 39-й параллели?

Сначала немного истории. Пак Чон Хё, уже много лет работающему в фондах нескольких российских архивов, должно быть известно, что в "верхах" российского общества разговоры и переписка (и только!) по вопросам раздела Кореи на экономические сферы влияния (не территориально-административные и не по 39-й параллели;) начались еще в 1899 г., в самый разгар деятельности группы А.М.Безобразова. 18 марта 1899 г., по возвращении из Кореи особой экспедиции, снаряженной безобразовцами для обследования лесных и горных богатств бассейна рек Туманган и Амноккан великий князь Александр Михайлович представил Николаю II "секретную записку", в которой, доказывая "настоятельную необходимость поддержать наше влияние в северной Корее и не дать противникам возможность подчинить своему влиянию эту часть страны", он писал:

"Для более успешного ведения дела в северной Корее желательно соглашение с Японией, по которому Японии предоставляется южная Корея, от устья реки Акабар-мури (недалеко от порта Инчхон - П.Б.), по южной и восточным границам провинции Хай-чжю (Хванхэдо) и затем на NO до местечка Бунпен в бухте Лазарева (недалеко от Вонсана - П.Б.), а России - северная Корея к W и N от вышеозначенной линии.

Это разделение Кореи не должно быть фактическое, т.е. ни Япония, ни Россия не имеют права ввести немедленно, по соглашению, ни своего управления, ни своих войск, но экономическое, т.е. раздача концессий, постройка портов, железных дорог и т.п. могут предприниматься только с разрешения России и Японии. Например, Корейский император может дать концессию кому-либо из иностранцев в северной Корее на разработку рудников, но эта концессия выдается только с согласия Русского Правительства и при посредстве Восточно-Азиатской компании и составляет филиал ее.

Как Россия, так и Япония обязуются совместно поддерживать Корейского Императора, Его власть и нынешний режим, противодействуя республиканским интересам Американцев.

Столица Кореи Сеул, с портом Чемульпо (Инчхон - П.Б.), считается местом нейтральным. В случае каких-либо беспорядков, Россия и Япония отвечают за безопасность Европейцев. Всякое иностранное вмешательство во внутренние и внешние дела Кореи безусловно не допускается. Всякое международное недоразумение, смотря по тому, случилось ли оно в Русской или Японской зонах, разбирается Представителями Японии и России. Таможня находится в ведении Русского и Японского чиновника, каждого в своей зоне"⁴.

Не вдаваясь более подробно в изложение содержания "секретной записки великого князя Александра Михайловича, укажем, что записка эта, переданная Николаем II на заключение министру иностранных дел, М.Н.Муравьеву, не встретила сочувственного отклика со стороны последнего. В принципе соглашаясь с мнением о желательности заключения соглашения с Японией, министр писал, что при этом не следует терять из виду следующих соображений:

"1. Прежде всего само собой возникает вопрос: есть ли какая-нибудь возможность убедить Японское Правительство в необходимости заключить с

нами соглашение на указанных запискою условиях в такую минуту, когда, в силу сложившихся политических обстоятельств, Япония, не связанная никакими обязательствами по отношению к России, занимает неоспоримо преобладающее положение в Корее;

2. Если даже допустить, что Японское правительство проявит готовность заключить с нами договор о разделе сферы влияния в Корее, то вряд ли подобное соглашение может служить достаточным обеспечением наших интересов на севере Кореи при описанном выше внутреннем положении дел в стране; трудно будет уверить Корейское Правительство, что совместная и бескорыстная опека России и Японии над всею страной, за исключением небольшого участка, окружающего Сеул, представит известные выгоды для самой Кореи; и если бы сам Император не постиг значения проектируемого Россия и Япониею соглашения, то услужливые сторонники из иностранцев не замедлили бы разъяснить Ему, в чем заключаются истинные цели подобного договора;

3. Означенное соглашение Наше с Япониею не будет и не может иметь никакого значения в глазах других Держав - Германии, Англии, Америки, для которых Корея является вполне самостоятельным независимым Государством, и подданные коих с одинаковым правом, как русские и японцы, могут домогаться получения концессий на железные дороги, разработку минеральных богатств;

4. Ввиду вышеприведенного, ни одна из перечисленных Держав не допустит, чтобы всякое международное недоразумение - будет ли оно в русской или японской зоне - разбиралось Представителями России или Японии;

5. Разделение сфер влияния в Корее на указанных в записке условиях могло бы иметь место лишь при полной подготовленности к занятию военною силою северных провинций Россией, а южных - Японией;

6. Вопрос же о таком фактическом разделе Кореи между Россией и Японией служит уже предметом обсуждения между Министерством Иностранных Дел и Военным, причем последнее высказало мнение, что военные действия в Корее составили бы для России в настоящее время весьма тяжелую и дорогостоящую задачу, - и что посему было бы желательно, сохраняя за собою свободу действия, обусловленную Московским Протоколом, озаботиться принятием мер дабы избегнуть необходимости посылать наши войска в Корею;

7. Между тем без сосредоточения русской военной силы, хотя бы вблизи северных провинций Кореи, мы не в состоянии были бы обеспечить за собою преимущества, приобретаемые в силу помянутого выше договора с Японией, и, таким образом, единственным результатом нового соглашения было бы принятие нами на себя добровольно обязательств признать полное и бесконтрольное право японцев свободно распоряжаться в южных провинциях Кореи⁵.

Как видно из приведенного документа, М.Н.Муравьев дал исчерпывающие ответы на все вопросы, поднятые великим князем по делу о разделе Кореи на экономические сферы влияния, и убедительно показал, почему трудно будет найти аргументы, чтобы убедить Японию в необходимости раздела Кореи, а корейское правительство - в выгоды раздела для самой Кореи. Из всеподданнейшей записки исходило также, что соглашение между Россией и Японией не встретит одобрения со стороны Англии и США не прекратит их притязания на Корею. "Все вышеприведенное, - заключал свою записку министр, - свидетельствует, что впредь до прочного утверждения нашего на Квантунском (Ляодунском - П.Б.) полуострове, России надлежит, казалось, довольствоваться существующими соглашениями с Японией по корейским делам, которые, не возлагая на нас пред последнею никаких обяза-

тельств, оставляют за нами полную свободу действий к тому времени, когда мы в состоянии будем твердо ставить свою волю в корейском вопросе". Все эти доводы, вероятно, убедили Николая II, который на всеподданнейшей записке сделал помету: "Верно"⁶.

После этого в министерских кругах России и на уровне правительства вопрос о разделе Кореи больше не обсуждался. Только в октябре 1899 г. управляющий морским министерством П.П.Тыртов передавал управляющему МИД России Ламздорфу, что он получил секретную телеграмму начальника эскадры на Тихом океане вице-адмирала Гильдебрандта, сообщавшего, что до него дошел слух "о существующем будто бы предположении раздела Кореи между Россией и Японией по параллели, причем Японии достается вся южная часть Кореи с прилегающими островами". Ссылаясь на эту телеграмму, П.П.Тыртов писал: "Не зная, насколько такое предположение можно считать достижимым с политической стороны, я должен, тем не менее, высказать Вашему Сиятельству мое глубокое убеждение, что если действительно имеется ввиду подобный раздел Кореи и осуществление его совершится, то столь серьезный исторический факт в судьбе Дальнего Востока не только не послужит для пользы России, но будет для наших интересов гораздо опаснее, чем настоящее неустойчивое положение Кореи, и отношение к ней Японии"⁷.

Управляющий морским министерством доказывал, что установление прочной связи между Порт-Артуром и Владивостоком с тем, чтобы "оба порта и их морские силы могли оказывать взаимную поддержку при всех обстоятельствах", возможно только при условии, что "наш флот будет обладать Корейским проливом, имея там укрепленную базу и если мы не допустим японцев с сухого пути утвердиться где бы то ни было на берегу в южной части Кореи". Но пока этих условий нет, считал П.П.Тыртов, "для наших интересов выгоднее сохранить настоящее положение в Корее, и ни в каком случае не уступать японцам или иной державе южной части Кореи и прилегающих к ней островов"⁸. В ответном письме П.П.Тыртову от 27 сентября (9 октября) 1899 г., которое считаем уместным привести здесь полностью, В.Н.Ламздорф категорически отвергал существование в министерстве иностранных дел какого-либо проекта раздела Кореи и подтверждал прежний курс политики России в корейском вопросе - отказ России от каких-либо территориальных приобретений в Корее:

"В ответ на секретное письмо от 25 сего сентября за № 2312 имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что мне решительно ничего неизвестно о существовании изложенного в телеграмме Вице-Адмирала Гильдебрандта проекта раздела Кореи между Россией и Японией по параллели и что по крайней мере в Министерстве Иностранных Дел подобный проект не подвергался обсуждению.

Напротив того, по мнению Министерства, современные интересы России, в связи с общим положением дел на Дальнем Востоке, требуют от нас безусловно выжидательного образа действий без возбуждения каких бы то ни было вопросов о приобретении новых территорий до тех пор, пока Великий Сибирский путь не даст нам твердой опоры на Тихом океане. А дабы предупредить и со стороны Японии всякую попытку к нарушению равновесия на Дальнем Востоке Императорское Правительство сочло необходимым заключить с нею соглашение 13-го апреля 1898 года, коим Токийское Правительство торжественно признало полную независимость Кореи"⁹.

Итак, подводя итоги обсуждению записки великого князя Александра Михайловича от 6/18/ марта 1899 г., можно с определенной достоверностью заключить, что идея раздела Кореи на экономические зоны влияния между

Россией и Японией была отвергнута министерствами иностранных дел, военным и морским, не говоря уже о позиции министра финансов С.Ю.Витте, который был решительным противником ялущанской авантюры. Эта идея не стала официальной доктриной корейской политики царского правительства и никаких практических мер в этом направлении со стороны министерства иностранных дел не предпринималось на исходе XIX столетия.

Официальная позиция российского правительства в корейском вопросе отчетливо проявилась и в ходе начавшихся по инициативе Японии в августе 1903 г. русско-японских переговоров, которые продолжались до начала войны между Японией и Россией¹⁰. Но еще до начала переговоров, на проходившем в Порт-Артуре 1-11 июня 1903 г. совещании по маньчжурскому и корейскому вопросам, по которым признавалось возможным занятие Японией южной Кореи (о 39-й параллели речь не шла), говорилось, что для России занятие всей Кореи, или даже одной северной ее части, представляется “невыгодным, а потому и нежелательным” и что Россия будет по-прежнему стремиться к поддержанию независимости Кореи. О необходимости воздержаться от всякой активной политики в Корее из-за угрозы вооруженного столкновения с Японией и о желании России сохранить в силе все существующие договоры, предусматривающие независимость Кореи, говорилось и на совещании министров иностранных дел, военного и финансов 14 августа 1903 г.¹¹.

В ходе же переговоров, на которых рассматривались японские и российские проекты соглашения по корейскому вопросу, ни в одном из них не упоминались даже слова “проект раздела”. Странно, как на это не обратил внимание весьма опытный исследователь архивных документов Пак Чон Хё. За два дня до совещания 14 августа, 12 августа, японский посланник в Петербурге С.Курино передал министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу японский проект соглашения с Россией, который предусматривал признание Россией безусловной свободы действий Японии в Корее и отмену всех прежних соглашений между Россией и Японией относительно Кореи. 5 октября российский посланник в Японии Р.Р.Розен передал министру иностранных дел Японии Дзютаро Комура ответный российский проект соглашения, который признавал преобладающие интересы России в Корее, ее права подавать советы и помощь Корее, посылать в Корею свои войска для охраны своих торговых и промышленных предприятий и т.д., но содержал три очень важные статьи:

“1. Взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Корейской империи...

5. Взаимное обязательство не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей и не предпринимать на берегах Кореи никаких военных работ, могущих угрожать свободе плавания в Корейском проливе.

6. Взаимное обязательство считать часть территории Кореи, лежащую к северу от 39-й параллели, нейтральной полосой, в которую ни одна из договаривающихся сторон не должна вводить войск”...¹²

Как известно, в ходе дальнейших переговоров Япония все больше и больше ужесточала свою позицию по маньчжурскому и корейскому вопросам, добиваясь максимальных уступок со стороны России. Однако главным камнем преткновения по корейскому вопросу явились статьи 5 и 6 российского проекта соглашения, особенно статья 6, которую японская сторона предлагала вообще исключить из проекта соглашения. Царское правительство, учитывая неподготовленность России к войне против Японии, пошло на уступки, и в тексте российского ответа, отправленного в Токио 3 февраля 1904 г., статья о нейтральной зоне к северу от 39-й параллели отсутствовала. Но в данном

случае нас интересует не история российско-японских переговоров вокруг статьи 6, а суть этой статьи. Нам представляется: российское предложение об объявлении территорий Кореи к северу от 39-й параллели нейтральной зоной с точки зрения военно-стратегической, куда Япония и Россия не должны были вводить войска, - это не проект раздела Кореи. Поэтому выглядит надуманным утверждение о том, что раздел Кореи после второй мировой войны по 38-й параллели явился "неожиданным продолжением" проекта раздела Кореи начала XX в.

Совершенно ошибочно и утверждение, что "все еще сохраняющийся раскол Кореи на северную (КНДР) и южную (Республика Корея) как реликт "холодной войны:", несомненно, восходит к разделению страны на сферы влияния между Россией и Японией в результате русско-японских переговоров 1903-1904 гг."¹³ Во-первых в результате русско-японских переговоров никакого деления Кореи на сферы влияния между Россией и Японией не произошло, российская сторона не предлагала такого проекта, а Япония вовсе и не собиралась делить с Россией Корею на сферы влияния. Она стремилась к установлению в Корее своего безраздельного господства. Русско-японские переговоры не дали никаких результатов, они были прерваны Японией, которая решила начать войну против России. Во-вторых, идея деления Кореи по 38-й параллели в 1945 г. была предложена американским руководством, когда рухнула японская военная машина, и оно решило разрушить созданный в годы второй мировой войны механизм военно-политического сотрудничества двух сверхдержав - СССР и США.

Почему линия 38-й параллели была избрана в качестве линии расчленения Кореи на две части? Принималось во внимание, как пишут авторы сборника "Корея: расчленение, война, объединение", тогдашнее военно-оперативное деление советских и американских войск, которое означало, "во-первых, наличие линии, разграничивающей операции ВВС и ВМС, во-вторых, оперативное расчленение наземных войск". Еще на Потсдамской конференции глав СССР, США и Англии шла речь об установлении определенного рубежа "для удобства операций ВМС и ВВС СССР и США на всей территории Кореи". Кроме того, 38-я параллель была также линией, которую провела сама ставка главнокомандования Японии 1 февраля 1945 г. при расформировании "армии в Корее", с передачей войск, находившихся в районе севернее 38-й параллели, под командование Квантунской армии, и войск, расположенных в районе к югу от 38-й параллели, под командование 17-й армии - полевой армии при ставке главнокомандования. Поэтому советские войска, участвовавшие в войне против Японии, сражались с Квантунской армией, расквартированной в Маньчжурии и в районе Кореи севернее 38-й параллели, а американские войска в случае десантных операций должны были воевать с японской армией, находившейся в районе Кореи южнее 38-й параллели¹⁴.

На основе "окончательного плана" расчленения Кореи по 38-й параллели, разработанного в министерстве армии США, был одобрен президентом США Г.Трумэном "Общий приказ № 1", о деталях капитуляции японских войск. Этот документ, 15 августа 1945 г. секретно переданный президентом США генералиссимусу Сталину, предусматривал: "б) Старшие японские командующие и все наземные, морские, авиационные и вспомогательные силы, находящиеся в пределах Маньчжурии, Кореи севернее 38 градуса северной широты и на Карафуте (Сахалине - П.Б.) должны сдаться Главнокомандующему советскими вооруженными силами на Дальнем Востоке"; "е) Императорская генеральная штаб-квартира, ее старшие командующие, а также все наземные, морские, авиационные и вспомогательные силы, находящиеся на

главных островах Японии и на примыкающих к ним мелких островах, в Корее южнее 38 градуса северной широты и на Филиппинах, должны сдаться Главнокомандующему сухопутными вооруженными силами Соединенных Штатов на Тихом океане"¹⁵.

Таким образом, в международном плане 38-я параллель первоначально имела значение только как временная линия для разрешения вопроса о капитуляции, а затем и разоружении японской армии. Впоследствии этот принцип был нарушен, и 38-я параллель стала линией раскола корейской нации, границей между двумя корейскими государствами. Но где здесь даже тень российского проекта расчленения Кореи кануна русско-японской войны 1904-1905 гг.? Ее нет и не может быть, ибо такого проекта расчленения Кореи не существовало в реальности!

В заключение хотелось бы обратить внимание еще на одно высказывание Пак Чон Хе. В вышеназванной его монографии пишется: "Настало время расставить все точки над "i", объективно, с позиции историзма рассмотреть интересующую нас проблему, ввести в научный оборот новые факты и документы по истории отношений между Россией и Кореей в конце XIX - начале XX в."¹⁶. В докладе, прочитанном на международном семинаре "Российско-корейские отношения: история и современность" в 1995 г., эта фраза звучит несколько иначе: "Настало время расставить все точки над i, рассмотреть объективно, с позиции историзма все острые углы интересующей нас проблемы"¹⁷.

Эти фразы не совсем понятны читателям. Или они означают, что советская историография до выхода в свет монографии Пак Чон Хе необъективно рассматривала какие-то "острые углы" российско-корейских отношений, или это призыв к более углубленному изучению истории этих отношений. А может быть, автор считает одним из таких "острых углов" его утверждение о том, что раздел Кореи в 1945 г. по 38-й параллели восходит к расчленению страны на сферы влияния между Россией и Японией в результате русско-японских переговоров 1903-1904 гг.? Если это так, то он поставил точку над i не там, где следовало бы.

1. Россия и Корея. Модернизация, реформы, международные отношения. М.: Вост. лит. РАН, 1997.
2. Пак Чон Хе. Русско-японская война 1904-1905 гг. и Корея. М.: Вост. лит. РАН, 1997. С.259, 262.
3. Россия и Корея. Модернизация, реформы, международные отношения. С. 25, 27.
4. Секретная записка Его Императорского Высочества, Великого Князя Александра Михайловича от 6/18/ марта 1899 г. // Архив Внешней Политики Российской Империи (далее - АВПРИ). Ф. "Японский стол", оп. 493. 1895-1899 гг., д. 195, л. 27.
5. Всеподданнейшая записка министра иностранных дел от 16/28/ марта 1899 г. // Там же л. 32-35.
6. Там же л. 32-37.
7. Письмо управляющего морским министерством Тыртова управляющему МИД Ламздорфу от 25 сентября (7 октября) 1899 г. № 2312 // Там же л. 38.
8. Там же л. 39.
9. Письмо управляющего МИД Ламздорфа управляющему морским министерством Тыртову от 27 сентября (9 октября) 1899 г. // Там же л. 41.
10. См. подробнее: Б.А.Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895-1907. М.-Л., 1955. С. 241-267; Пак Чон Хе. Русско-японская война 1904-1905 гг. и Корея. С. 120-147.
11. См. подробнее: Б.Д.Пак. Россия и Корея. М., 1979. С. 189-191; Пак Чон Хе. Русско-японская война 1904-1905 гг. и Корея. С. 114-116, 119.
12. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895-1907. С. 243; Пак Чон Хе. Русско-японская война 1904-1905 гг. и Корея. С. 128-133 об;

- Малиновая книга. Документы по переговорам с Японией 1903-1904 гг., хранящиеся в Канцелярии Особого Комитета Дальнего Востока. На правах рукописи. СПб. 1905. С. 23-24; Японская белая книга. Маньчжурия и Корея. Издание Канцелярии Особого Комитета Дальнего Востока. СПб., 1904. С. 189.
13. Пак Чон Хё. Русско-японская война 1904-1905 гг. и Корея. С. 6.
 14. См. подробнее: Корея :расчленение, война, объединение. М.: Международный гуманитарный фонд "Знание", 1995. С. 61-64.
 15. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М.: Издательство политической литературы, 1976. С. 281-282.
 16. Пак Чон Хё. Русско-японская война 1904-1905 гг. и Корея. С. 6.
 17. Россия и Корея. Модернизация, реформы, международные отношения. С. 23.

Русские в Китае

100-летие Харбина

© 1998

Л.Чугуевский

Одним из самых значительных событий в политической и экономической жизни Дальнего Востока на рубеже XIX-XX веков явилось подписание в 1896 г. договора между Китаем и Россией. Реализация этого соглашения связана с двумя круглыми датами - столетним юбилеем с начала строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и 100-летием со дня основания города Харбина.

Материализовать политическую идею русско-китайского союза была призвана статья 4 договора, которая гласила: "Чтобы облегчить доступ русским сухопутным войскам в угрожаемые пункты и для обеспечения их съестными припасами, китайское правительство соглашается на сооружение железнодорожной линии через китайские провинции Хэйлунцзян (Амурскую) и Гириинскую в направлении на Владивосток. Соединение этой железной дороги не может служить предлогом к какому-либо захвату китайской территории или покушению на верховные права императора китайского".

Строительство железнодорожной линии через территорию Маньчжурии явилось по существу продолжением Великого Сибирского пути и рассматривалось сторонами как фактор укрепления связей между Россией и Китаем. Прокладка магистрали и связанное с ней основание города Харбина оказали огромное влияние на экономическое развитие не только Северной Маньчжурии, но и собственно Китая.

Официальным днем рождения Харбина считается 23 апреля 1898 г. (6 мая по н.с.) В этот день инженер А.И.Шидловский от имени Управления дороги заключил договор на приобретение земельного участка под городское строительство. Этот факт подтверждается в материалах "Комиссии по составлению истории города Харбина", созданной в 1942 г. в связи с подготовкой к 50-летию Харбина. В моем личном архиве имеется экземпляр "Плана и задач" этой комиссии, в котором говорится, что 11 апреля 1898 года на берег реки Сунгари прибыла "строительная партия под руководством инженера Шидловского", который 23 апреля 1898 года заключил от имени КВЖД договор о покупке дорогой "ханшинного завода Сян-Фан". День юридического

оформления приобретения участка дает все основания считать 23 апреля (6 мая по н.с.) днем рождения Харбина¹.

Считаю возможным предложить всем харбинцам и их потомкам установить 6 мая как наш общий ежегодный памятный день, возможно даже наш праздничный день, который объединял бы нас духовно. В год юбилея Харбина особенно приятно отметить большой интерес не только со стороны специалистов, но и громадной читательской аудитории, к литературно-историческим исследованиям и духовному наследию дальневосточного крыла российской эмиграции. Нас ждет большая и не такая уж простая задача рассказать о Харбине, вернуть современной России связанные с этим городом духовные ценности. Наш моральный долг перед памятью отцов наших и дедов оставить будущим исследователям добротный материал, дать им возможность понять общую историческую картину жизни эмиграции. Борьба за достойное нравственное существование - вот что составляло основу существования и главную цель людей, оказавшихся на чужбине.

Возвращаясь к дню основания Харбина, можно отметить также, что 23 апреля был отдан приказ по КВЖД начать работы на всех 13-ти строительных участках, на которые была разбита будущая магистраль от станции Маньчжурия до станции Приграничная. В эти же апрельские дни пароход "Хабаровск" доставил в Порт-Артур первую группу изыскателей, которые готовы были, не теряя времени, приступить к "провешиванию" трассы из Южной Маньчжурии в направлении Харбина.

В те же годы центр КВЖД получил название "Харбин". Е.Х.Нилус, составитель капитального труда "Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1986-1923 гг.", пишет, что будущей столице северной Маньчжурии "было первоначально придано в официальных планах и переписке наименование "город Сунгари", но всесильная инерция жизни победила в этом отношении административную волю, и возникший город сохранил и удержал за собой исконно маньчжурское название этой местности - Харбин". Можно считать, что вопрос о происхождении названия города уже в то время был во многом решен, хотя оставались сомнения в происхождении слова. Эти сомнения постепенно лишаются оснований.

Недавно по рекомендации одного из моих пекинских друзей я принимал исследовательницу из КНР Ли Мэн, которая стажировалась сейчас в Чикаго и изучает культурное наследие дальневосточного русского зарубежья. Работая над биографиями ряда русских литераторов, она не могла найти объяснения некоторым реалиям, в чем я ей помог. Без какой-либо надежды на положительный ответ, я задал гостье вопрос, а не появилось ли чего-нибудь новенького о происхождении названия Харбин? Оказалось, что есть!

В 1996 г. китайский исследователь по имени Цзи Фэнзуй обнаружил в одном из маньчжурских документов термин "хао-бин", который обозначает ничто иное как "плавни", т.е. низкие пойменные луга, плоские острова, обнажающиеся в низкую воду и затопляемые весенними разливами. По-китайски этот термин передан иероглифами "бянь дао", букв., "плоские острова".

Как это все удивительно точно совпадает с описаниями тех первых русских изыскателей, которые отмечали, что между прибрежной возвышенностью и новгородней террасой было обширное водное пространство с островами, покрытыми сухой травой и прошлогодним камышом.

Таким образом, подтвердилось, что город Харбин получил свое название от небольшой рыбацкой деревушки, находившейся на когда-то пустынном берегу в пойме реки Сунгари. Первым из русских, кто зафиксировал в своем полевом дневнике ее исконное маньчжурское название, был Э.Э.Анерт, наш

известный исследователь Маньчжурского края. Будучи геологом, он прекрасно разбирался и в вопросах, ботаники, зоологии, палеонтологии, вулканологии и многих других. Проплывая по рекам этого края еще в 1896 г., т.е. за два года до начала строительства Харбина, на вопрос к встреченным местным жителям, как называется эта местность, он услышал: "хао-бин". Отдадим должное и фонетическим способностям Анерта, сумевшего сохранить и донести до нас исконное произношение "хао-бин", которое по-русски так легко и просто трансформировалось в более благозвучное для русского уха название ХАРБИН.

До постройки КВЖД Северная Маньчжурия была почти пустынным краем и весьма мало связана с "застенным" Китаем, откуда она представлялась "незаселенной северной пустошью", как ее образно называли сами китайцы вплоть до конца 20-х годов нашего столетия. КВЖД, прорезав эту пустошь, соединила Маньчжурию с морскими портами и Внутренним Китаем, чем резко стимулировала колонизацию края. Без нее заселение Маньчжурии затянулось бы на многие годы.

В истории русско-китайских отношений, связанных с совместным освоением Маньчжурского края, судьба города Харбина уникальна, города китайского, который спустя почти два десятилетия после завершения строительства дороги превратился волею судьбы, можно сказать, в город русский. Город, в котором без малого 40 лет продолжал сохраняться в неприкосновенности весь дореволюционный уклад жизни русского и других народов России, их вера, родной язык, национальные обычаи и культура, традиции их коммерции и предпринимательства. В городе, кстати сказать, кроме многочисленной русской колонии, были образованы и другие компактные национальные объединения бывших подданных Российской империи: Армянское национальное общество, Грузинское национальное общество, Еврейская община Харбина, Тюрко-татарская национальная община, Украинская национальная колония и Польское общество, а также группы латышей, литовцев, эстонцев, греков и других народов.

Население русскоязычного послереволюционного "русского Харбина" подразделялось к тому времени на несколько весьма пестрых в политическом и экономическом отношении групп:

- бывших подданных Российской империи, которые осели в полосе отчуждения еще до революции, у большинства из них к этому времени был уже собственный дом или домик, а иногда и какое-то хозяйство;
- истых советских граждан, направленных в Маньчжурию на административную работу в учреждениях Советской России;
- совподданных, как из числа старожилов, так и беженцев, оформивших в местных консульских учреждениях гражданство СССР, дабы не лишиться экономической базы, которой продолжала оставаться для них КВЖД;
- русских эмигрантов-беженцев или старожилов, отказавшихся от советского подданства, но оформивших китайское, которое, вроде бы, давало равные права и льготы для работы как на КВЖД, так и в системе китайских учреждений;
- эмигрантов-беженцев, оказавшихся на положении "бесподданных", которым не было места на КВЖД. Многие из них попали в Харбин без денег, без каких-либо связей и протекций. И, что самое главное, они были напрочь лишены какой-либо юридической защиты.

Положение всех этих категорий людей теснейшим образом было связано с обстановкой на КВЖД, которая в свою очередь зависела прямым образом от событий в России и развития российско-китайских отношений.

Пока гражданская война бушевала в Сибири, Забайкалье и Приамурье, китайские власти были очень осторожны в урезывании прав русского населения. Так, административные права железнодорожной администрации над населением города и полосы отчуждения продолжались до сентября 1920 года, когда, наконец, Пекинское правительство не объявило их аннулированными. Русский суд, русские охранные войска перестали существовать. Охрану интересов русского населения взяли на себя власти Трех восточных провинций, как стала тогда называться Маньчжурия. Одна из виднейших фигур, символизовавших русское влияние на Дальнем Востоке - директор-распорядитель Правления общества КВЖД ген.-лейтенант Д.Л.Хорват оказался пенсионером и почетным пленником китайской республики, правительство которой назначило его Высоким советником Правления общества КВЖД, а вскоре и почетным вице-председателем Особого комитета по делам КВЖД. В Пекине Хорват поселился в здании Австрийского посольства в дипломатическом квартале, где и скончался 16 мая 1937 г.

После ген. Д.Л.Хорвата преемниками его власти по управлению дорогой последовательно были: начальник Службы тяги инженер В.Д.Лачинов (с 28 апреля 1918 г. по 5 ноября 1920 г.), а затем начальник Службы пути инженер Д.П.Жазакевич (с 7 ноября 1920 г. по 1 февраля 1921 г.). Деятельность этих двух лиц протекала в условиях крайне тяжелых и неблагоприятных. Дисциплина служащих дороги и рабочих была расшатана.

В декабре 1917 г., когда народные комиссары в Петрограде закрыли Русско-Азиатский банк на Невском 62, тут же было ликвидировано и находившееся в Петрограде Правление общества КВЖД. А в Харбине к этому времени появились советы рабочих и солдатских депутатов, которые приняли резолюцию о немедленном захвате власти и об отстранении главы гражданской и железнодорожной администрации генерала Д.Л.Хорвата. Однако намеченный на 13 декабря план установления советской власти в Харбине вооруженной силой не удался. Безуспешными оказались и другие попытки тех лет советизации КВЖД. Харбинцы в большинстве своем советскую власть так и не приняли.

К этому времени в Пекине состоялось собрание акционеров Русско-Азиатского Банка и представителей Китайской дороги, на котором было подписано соглашение с Китайским правительством о новой структуре Правления. Правление было организовано к концу 1920 г., а 2 февраля 1921 г. в управление дорогой уже вступил прибывший из Парижа инженер Б.В.Остроумов. Однако никаких административных прав над населением полосы отчуждения КВЖД Остроумов не имел и иметь не мог.

Официально дорога продолжала управляться Международным техническим комитетом, а потому положение Остроумова было очень сложным. Он не был представителем государственных интересов России, выстроившей КВЖД. Тем не менее, его авторитет и личное влияние в общественной жизни русской колонии в Маньчжурии были исключительно велики. Нужно отдать должное, Остроумов быстро сориентировался в сложной обстановке и смело взялся за разрешение всех стоявших перед дорогой практических проблем. Из предприятия, имевшего в 1921 г. убыток в два с половиной миллиона золотых рублей, дорога была вновь переведена на коммерческие рельсы и в 1922 г. принесла уже около шести миллионов чистой прибыли.

Вся энергия нового управляющего дорогой была направлена, в первую очередь, на решение исключительно железнодорожных административных дел. От него же исходили инициативы в улучшении железнодорожного хозяйства. Был начат капитальный ремонт пути, хозяйства служб тяги и дви-

жения. Здания дороги, поездные составы, станционные сооружения скоро приняли обновленный и нарядный вид. Приводились в порядок складские и прочие служебные помещения дороги, ее жилого фонда. Поселки и станции КВЖД преобразились. Нетрудно представить насколько глубоко вошел в сердца кавежединцев Борис Васильевич Остроумов, приложивший столько сил для превращения многотысячного коллектива КВЖД в образцовое русское железнодорожное предприятие.

Существенным итогом хозяйственной деятельности Остроумова явилось установление отношений доверия и самых тесных связей между русскими и китайскими земледельцами и коммерсантами Маньчжурии. И, что гораздо важнее, создание атмосферы добросовестного сотрудничества между администрацией дороги и коллективом рабочих и служащих. Несмотря на это, когда вошло в силу соглашение Китая с Советским Союзом о совместном управлении КВЖД, то в угоду советскому правительству по приказу главы маньчжурской милитаристской группировки Чжан Цзолиня Б.В.Остроумов и его ближайшие сотрудники были арестованы. После года содержания в харбинской тюрьме, они были освобождены за отсутствием какого-либо состава преступления.

Чжан Цзолинь, будучи фактическим хозяином Маньчжурии, не признавал пекинского центрального правительства, не признавал и соглашения 1924 г. между Китаем и СССР о КВЖД, требуя, чтобы СССР заключил соглашение с ним. Однако, как бы там ни было, октябрь 1924 г. надо все же признать датой фактического прихода советской администрации на КВЖД. В Харбине состоялось открытие советского консульства, и почти одновременно с этим вошло в силу соглашение Китая с Советским Союзом о совместном управлении дорогой. С этого момента КВЖД оказалась в совместной эксплуатации Советской России и Китая и КВЖД, которая оставалась до того дня чисто русским предприятием, стала советско-китайским. Был установлен принцип паритета: равное число должностных лиц русской и китайской национальности в каждом отделе, равные права и льготы и т.п. Однако на деле все оказалось далеко не так. В отношениях между "совладельцами" сразу появились разногласия, трения, перераставшие в конфликты и приведшие к полному разрыву весной 1929 года, когда из Москвы поступило распоряжение об эвакуации советских служащих дороги. Хотя, после полугодичного перерыва советская администрация возвратилась на КВЖД.

Ее действия очень скоро привели к тому, что в полосе отчуждения сформировались и продолжали существовать бок о бок две русские четко обособленные колонии - эмигрантская и советская. Если советская колония, насчитывавшая к моменту продажи дороги японцам 24.000 служащих, была в основной своей массе готова к предстоящему возвращению на родину, то эмигрантская, численность которой в разное время определялась от 70.000 до 200 с лишним тысяч, жила под постоянной угрозой быть вывезенными в СССР насильно, чего настойчиво добивалась от китайцев советская сторона. Следует сказать, что хотя и есть основания полагать, что принципиальное согласие китайцев на такие действия могло быть получено, но они все же на этот шаг не решались.

В конце марта 1935 г. заканчивалось оформление передачи дороги правительству Маньчжоу-го, а вскоре на станции Харбин-Центральный не стало хватать места для эшелонов отъезжающих. Начиналась эвакуация советских железнодорожников на Родину. Последний, 104-й эшелон ушел 28 июня².

Если первое поколение русских предпринимателей и переселенцев в Маньчжурии напрямую было связано с началом постройки, а затем и нор-

мальной эксплуатацией КВЖД в условиях российского порядка и законности, то второе поколение эмиграции, которое сформировалось в отрыве от Родины, от России, было лишено всех этих благоприятных обстоятельств. Молодому поколению предстояло работать и существовать в условиях не только полной ликвидации русского влияния, но еще и в обстановке правового давления со стороны режима, находившегося под полным контролем японцев. Правительством Маньчжоу-го было создано так называемое "Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи". Этот специальный орган был наделен полномочиями представлять эмиграцию в сношениях с властями, но фактически был орудием в руках японцев, уже четыре года оккупировавших Маньчжурию. Начались трудности, связанные с намерением новых властей взять под контроль административные и культурные институты, созданные русскими еще до продажи дороги. Пугало и то, что второй (Культурно-просветительный) отдел Бюро, в ведение которого передавались все эмигрантские учебные заведения, будет способствовать внедрению японской идеологии в сознание российской молодежи.

В 1935 г. в ведение Бюро эмигрантов перешла гимназия Харбинского педагогического института, в которой до этого существовало совместное обучение. Со следующего года мужская и женская гимназия Бюро эмигрантов стали существовать отдельно одна от другой.

В 1937 г. правительство Маньчжоу-го провело коренную реформу школьного дела в стране, в результате которой система русского образования оказалась унифицированной. Прекратили свое существование сразу несколько старейших русских учебных заведений города. Частные школы допускались лишь с особого разрешения властей.

Значительный урон был нанесен русской высшей школе. Во второй половине 1935 г. был прекращен прием на учебу в Харбинский политехнический институт русских студентов, преподавание переводилось на японский язык. В декабре 1938 г. состоялся последний выпуск 76 инженеров, окончивших русское отделение ХПИ. Прекратили свое существование: Педагогический институт - в 1937 г., Юридический факультет закрылся в 1938, Институт ориентальных и коммерческих наук - в 1941 г.

И тем не менее, несмотря на 14 лет японского господства в Маньчжурии, россияне сумели, хотя и в реформированном виде, сохранить систему образования, созданную еще в предшествующие годы, когда Харбин превратился в центр дальневосточной российской эмиграции. Эта система позволила русским в окружении "чужой" культуры создать и сохранить свое этнокультурное пространство, сберечь родной язык и национальную самобытность. Харбинцы гордились своей историей и культурой. В 1937 г., Харбин как и вся Зарубежная Русь, пышно отпраздновал 100-летие кончины величайшего русского поэта А.С.Пушкина. В следующем году торжества были посвящены 950-летию крещения Руси. В докладах, которые читались в те дни в Харбине, на больших линейных станциях и школах, проводилась национальная идея: без православия жизнь русского человека невозможна. Молодежь, впитывая эти идеи, готовилась к борьбе за свое достоинство и национальные права.

Нельзя не подчеркнуть, что десятилетие с 1932 по 1942 гг. для харбинской эмиграции, включая российских подданных всех национальностей, явилось временем расцвета церковно-общественной жизни и храмостроительства. Если в дореволюционном Харбине был только один Св. Николаевский собор и 5-6 церквей, то к исходу российской эмиграции из Маньчжурии город насчитывал уже 22 действовавших православных храма, 2 костела, кирху, 3 мечети, 2 синагоги и молельню, Украинскую Покровскую церковь, армянский Мо-

литвенный дом, Молитвенные дома христиан Адвентистов 7-го дня (3), Баптистов (2) и 3 старообрядческих церкви.

Политические события в Китае 1946-1949 гг. пробудили русскую эмиграцию вновь спустя три десятилетия серьезно задуматься о своей дальнейшей судьбе и о поисках нового пристанища. Совместная эксплуатация КВЖД в 1946-1948 гг. сыграла роль своеобразной отдушины, в условиях которой "местные" совграждане на какой-то сравнительно небольшой срок получили возможность довольно сносного существования. После образования КНР, особенно после отказа советского правительства от своих прав по совместному управлению КЧЖД, маоистские власти все чаще стали проявлять неприкрытую враждебность по отношению к русским, которые независимо от их идейно-политических воззрений и причин, заставивших когда-то покинуть родину, причислялись к "пособникам ревизионизма".

Часть эмигрантов, получивших статус совподданных, сумела в 1954 г. воспользоваться шансом уехать в СССР - на освоение целинных и залежных земель. Много мытарств претерпели одиночки, которым в конце 50-х годов пришлось уезжать в полную неизвестность. Сколько людей вынуждены были бросать дома, нажитое имущество.

После массового выезда из Харбина в 1955 г. в Советский Союз и в другие страны тех, кто прибегал к помощи "Международной организации по делам беженцев", российская общность в Маньчжурии перестала существовать. Однако ее опыт имеет еще один весьма интересный и пока мало осмысленный аспект, который может быть актуальным именно в связи с сегодняшними проблемами, страстями, мучительным поиском пути развития, в связи с тем историческим выбором, перед которым в настоящее время стоит Россия. Этот аспект касается способности русского человека к "обустройству" жизни, то есть к созданию ее культурных, цивилизованных форм, где гармонично сосуществует свободная инициатива и порядок, материальное богатство и духовность.

Убежден, что опыт харбинцев при сегодняшней открытости архивных материалов может оказаться поистине бесценным для нынешней российской диаспоры.

1. См. Акира Косидзава. История развития города Харбина, 1896-1945. (Харбин-но хаттацуси) // Нитто кэйдзай секай кайхо. 1986-1987. Токио. (Публикации в нескольких номерах журнала за эти два года).
2. См. Копии эвакуационных списков бывших служащих СМЖД, граждан СССР. РГИА, ф. 323, оп. 9, л. № 6299 и 6300.

Научная жизнь

XXI век - век Китая, век конфуцианства?

© 1998

Л.Переломов, А.Ломанов

Завершая свое исследование жизни и учения Конфуция, один из авторов данного обзора отмечал, что страны конфуцианского культурного региона вовлечены в своеобразное творческое состязание. Каждая из них стремится доказать, что именно ее нынешние достижения в наиболее полной и оптимальной для современности форме воплотили духовное наследие Учителя¹. 1997 год предоставил возможность проследить дальнейшее развитие событий на "конфуцианском поле": на Тайване, в Сингапуре и Гонконге (Сянгане) прошли крупные международные конференции по проблемам конфуцианства.

На них было заслушано несколько сотен научных докладов, затрагивающих самые различные аспекты конфуцианства с момента его зарождения до сегодняшнего дня. В нашем кратком обзоре мы отметим лишь отдельные выступления, наиболее отчетливо выразившие характерные для каждого из этих форумов идейные тенденции.

Первая в истории международная конференция по изучению конфуцианства на Тайване была совместно проведена в апреле прошлого года отделом культуры Исполнительного юаня, мэром г. Тайнань, ректорами Государственного университета Чэнгун, Тайнаньского государственного педагогического университета и частного Тайнаньского института изучения политики. Ее основной пафос заключался в заявке на особый характер тайваньского конфуцианства. Там подспудно присутствовала и идея внутритайваньского регионализма. Она сводится к тому, что на севере острова элитная интеллигенция занимается чистой философией, не опускаясь до уровня "малой конфуцианской традиции". Это чревато опасностью пропаганды некоего внеисторического "единого конфуцианства", тогда как на юге Тайваня, центром которого является г. Тайнань, давно имеется свое, тайваньское конфуцианство, которое уже более трехсот лет живет в массовом сознании, формируя народную культуру.

Проф. Коясуко Букуни в докладе "Конфуцианское учение с точки зрения современной Японии" поддержал основную концепцию организаторов

Переломов Леонард Сергеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН

Ломанов Александр Владимирович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН

конференции. По его мнению, "если Китай являлся родоначальником конфуцианства, то окружающие его страны - Тайвань, Япония, Сингапур, Корея, Гонконг и другие - произвели свое конфуцианство, соответствующее специфике их стран. Конфуцианство - это не только то, что вмонтировано в государственные структуры или в сферу деятельности элитной интеллигенции. Мы должны обратить особое внимание на то, как оно действует в массах и распространяется в мире."

В отличие от конференции в Тайване, прошедшая в Сингапуре в июле международная конференция "Конфуцианство и мировая цивилизация" сделала заявку на обсуждение проблем глобализации и связанной с этим модернизации конфуцианства. Было представлено более двухсот докладов. Помимо патриарха изучения неоконфуцианства проф. Де Бари с программными докладами выступили такие известные исследователи, как профессора Ду Вэймин, Чэн Чжунъин, Фан Кэли, Цянь Сунь, Дай Лянчжань и другие. Спонсорами конференции, проходившей под эгидой Сингапурского государственного университета, являлись крупные промышленники Сингапура и состоятельные китайцы из Индонезии.

Красной нитью в выступлениях многих участников проходила мысль об изначальной порочности концепции "столкновения цивилизаций" С.Хантингтона, извратившего саму суть конфуцианства. В качестве контраргумента выступавшие ссылались на историю Китая, где в отличие от Европы никогда не было межрелигиозных войн.

Перспективы конфуцианства тесно связывались с проблемами моральной деградации человечества, в том числе из-за упора западных цивилизаций прежде всего на технизацию планеты. Как полагает почетный председатель и организатор конференции сингапурский магнат Тан Юй, "чрезмерная технизация мира сопровождается утратой моральных ценностей, и потому крайне важно развивать и внедрять конфуцианскую идеологию". По его мнению, "именно тесное сотрудничество предпринимательского капитала и ученых может содействовать более успешному развитию человечества". Основные положения концепции политической и цивилизационной роли конфуцианства были изложены представителями администрации Сингапура. Открывая конференцию, министр информации и культуры Сингапура Джордж Яо заявил: "На протяжении своей истории, будучи живой философией, конфуцианство часто приспособлялось к меняющимся потребностям и ситуациям. Конфуцианство в Корею, Японию и Вьетнаме также продемонстрировало огромную творческую силу... Нет ничего удивительного в том, что конфуцианство будет играть ведущую роль в возрождении Восточной Азии. Однако в процессе этого возрождения само конфуцианство также должно быть трансформировано". Чтобы обеспечить моральный фундамент азиатского ренессанса в будущем столетии, ему предстоит пройти "три великих адаптации": к марксизму-ленинизму, демократии и равенству наций в межгосударственных отношениях.

По мнению Дж. Яо, "первая адаптация" может пройти сравнительно легко, ибо в КНР марксизм-ленинизм уже обеспечил стабильность не без помощи некоторых конфуцианских принципов. Министр полагает, что КНР не следует резко порывать с марксизмом-ленинизмом, иначе в стране может произойти то же, что и в России. "Конфуцианство окажет смягчающее и гуманизирующее влияние на социализм с китайской спецификой, отойдут в небытие доктрины классовой борьбы и диктатуры пролетариата. Аналогичные процессы произойдут и во Вьетнаме - стране с конфуцианской культурой, где также откажутся от классовой борьбы и диктатуры пролетариата".

Говоря об "адаптации к демократии", Дж. Яо покритиковал западную модель, основанную на принципе "свободный рынок плюс один человек - один голос". На практике она привела к росту индивидуализма в ущерб общественным интересам, что не соответствует основным конфуцианским традициям и, следовательно, не приживется на китайской культурной почве. Сосредоточившись на концепции всеобщности закона, он заключил, что к этому принципу демократии конфуцианству будет нелегко приспособиться, ибо в последнем Правила извечно главенствовали над Законом.

"Третья адаптация", по Дж. Яо, должна помочь крупным державам региона расстаться с традиционным великодержавием и относиться ко всем государствам, в том числе и малым, как к равным партнерам.

Сентябрьская конференция в Гонконге "Мысль Конфуция и XXI век" проводилась частной Конфуцианской академией (Кунцзяо сюэюань) и известным учебно-научным центром - Академией Новой Азии (Синь я шуюань) Китайского университета Гонконга, собрав более 160 участников, большинство которых представляло материковый Китай.

Примечательно, что основная тема конференции была связана с празднованием передачи Гонконга под юрисдикцию КНР в июле 1997 г. Причина этого достаточно очевидна - по данным ряда опросов, более 60% жителей Гонконга не идентифицируют себя с китайской цивилизацией, считая себя "гонконгцами". Обеспокоенные этой тенденцией, организаторы конференции сознательно обратились к Конфуцию как к великому духовному наставнику китайской нации, чтобы способствовать духовно-цивилизационной интеграции Гонконга с Китаем. Эта позиция была поддержана в выступлении заместителя председателя Международной конфуцианской ассоциации, бывшего заместителя министра иностранных дел Гун Дафэя, представлявшего официальную позицию КНР. Он особо выделил и поддержал планы главы Сянганского автономного района Дун Цзяньхуа, направленные на то, чтобы усилить китайскую национально-традиционную окраску образования - воспитывать почтение к родителям, внимание к семье, скромность и щедрость, единение и взаимопомощь, любовь к Гонконгу, любовь к государству.

В целом Конфуций предстал в выступлениях основных докладчиков символической фигурой, призванной способствовать закреплению политической интеграции Гонконга с материком и "воссоединению культурного сознания" жителей Гонконга и населения остальной территории КНР. Однако при этом неизбежно встает вопрос о степени "конфуцианскости" нынешнего материкового Китая, по-прежнему руководимого КПК. Иными словами, насколько актуально конфуцианство в деле культурной интеграции Гонконга с родиной, формально придерживающейся официальных четырех партийных принципов, а не четырех конфуцианских добродетелей?

Показательно, что для участников конференции лозунг строительства "социализма с китайской спецификой" представал своего рода гарантией неизбежности будущего движения Китая к конфуцианству. В выступлении на торжественном открытии конференции ее организатор - состоятельный бизнесмен и ректор частной Конфуцианской академии Тан Энькай - отметил, что лидеры КНР в своих зарубежных выступлениях часто цитируют Конфуция и сделал вывод, что "все это свидетельствует о новых политических тенденциях в нашей стране".

Несмотря на некоторую упрощенность такой трактовки, можно согласиться с тем, что кризис идеологии будет и далее подталкивать КПК в сторону создания общенациональной государственно-патриотической идеологии, переход к которой облегчает закрепление на XV съезде руководящей роли

“идей Дэн Сяопина”. В общественном сознании эти идеи сводятся к “теории кошки” (*мао лунь*), ловящей мышей вне зависимости от своей окраски, и “теории нащупывания” (*мо лунь*), требующей отказа от догматических рецептов, осторожного экспериментирования и прагматической гибкости - “нащупывания камней” брода при переходе через реку реформ.

Отметим, что идея совместимости мыслей Конфуция с реальной партийной политикой, строящейся на “теории кошки” и “теории нащупывания”, неоднократно озвучивалась участниками конференции. В речи Тан Энькая на церемонии празднования 2548-летия Конфуция прямо указывалось на то, что “китайская специфика” “материкового социализма”, о строительстве которого говорил Дэн Сяопин, естественно являет собой “мысль Конфуция и конфуцианский дух”. Расцвет, наступивший со времени политики реформ и открытости в Китае, это заслуга конфуцианской культуры, поэтому “мысль Конфуция можно назвать корнем богатства и силы китайцев”. В контексте событий июля 1997 г. ученый из университета Цинхуа (Пекин) проф. Ян Дишэн утверждал, что возвращение Гонконга Китаю по дэновской схеме “одно государство - две системы” есть непосредственное “продолжение и развитие” идеи Конфуция о “единстве без унификации” (*хэ эр бу тун*).

Участники конференции подробно обсуждали конфуциевые идеи гармонии и срединности как оптимальные для мирного и стабильного существования человечества в будущем столетии. Но за этими упованиями просматриваются весьма неоднозначные идеи и аргументы, крайне важные для культурно-цивилизационного анализа современных тенденций в развитии Китая.

Например, постоянно подчеркивалось почтительное внимание западной интеллигенции к Конфуцию. Причем приводимые в подтверждение этого факта заявления нередко оказывались голословными, а цитаты - сомнительными и не сопровождались ссылками на источник. Так, в торжественном слове на открытии конференции ректор Конфуцианской академии утверждал, что “Англия и Америка помещают Конфуция в число десяти величайших мыслителей”, а Арнолд Тойнби в свое время якобы сказал: “Если китайская культура не заместит западную в руководстве человечеством, то будущее всего человечества печально”. В таком же ключе совершенно неожиданно в “проконфуцианском” контексте конференции прозвучала ссылка на Гегеля, известного своим скептическим отношением к китайской культуре: он, по заявлению докладчика, назвал китайскую империю “самой древней и в то же время самой молодой”, что выступавший трактовал как комплимент.

Из доклада в доклад (причем представителей не только провинциальных научных учреждений и учебных заведений КНР, но и более открытых западной культуре стран “конфуцианского ареала”) кочевали ссылки на А.Тойнби (“XIX век был веком Англии, XX век - век Америки, XXI век - век Китая”), современных австралийских ученых Р.Литтла и У.Рида (“В будущие 500 лет конфуцианская культура будет ведущей в мире”).

Примечательна формулировка, прозвучавшая в одном из выступлений: “Это английские обыватели в свое время считали, что Китай - большой Восточной Азии, тогда как выдающиеся люди Англии считали, что Китай - спаситель мира”. К числу последних были отнесены знаменитые философы Б.Рассел и А.Уайтхэд вместе с А.Тойнби. В докладах также упоминались высокие оценки конфуцианства Лейбницем и Л.Толстым.

Значимость подобных признаний ценности конфуцианства западными учеными достаточно условна. Об этом свидетельствует и прозвучавшая в одном из докладов ссылка на то, что “4 августа 1995 г. (стоит обратить внимание на стремление к хронологической точности. - Л.П., А.Л.) конфуцианская

школа (*жуцзя сюэтай*) в Бостонском университете в США провела крупную международную конференцию по китайской философии", "подняв китайскую философию до мирового исследовательского уровня". Потеря тонкой ироничности термина "бостонское конфуцианство", созданного христианинами-философами-культурологами из Школы теологии Бостонского университета Р.Невиллом и Дж.Бертронгом, превращение его в некую "конфуцианскую школу" могли только дезориентировать слушателей, не искушенных знанием контекста североамериканских культурологических дискуссий.

Так культурно-патриотический энтузиазм, подкрепленный "социальным заказом", формирует в среде апологетов конфуцианства некую околонучную мифологию. Она основывается на апокрифических "цитатах" и "фактах", которые становятся в определенных кругах общепринятыми.

Весьма примечательным в этой связи стал спор, разгоревшийся на утреннем заседании философской секции на второй день работы конференции. Он касался "апокрифа", который кочевал из доклада в доклад и буквально набил оскомину участникам форума. Суть его сводится к тому, что в январе 1988 г. в Париже 74 лауреата Нобелевской премии заявили: если человечество хочет жить в XXI веке в мире и процветании, то оно должно обратиться на 2500 лет назад и искать мудрости у Конфуция. Вариацией на эту тему была ссылка на то, что ЮНЕСКО официально провозгласило Конфуция одним из десяти величайших деятелей мировой культуры. Выступившие с разоблачениями молодые ученые заявили, что подобные события не имели места и ссылки на такого рода "факты" пригодны скорее в политических, нежели в научных дискуссиях. Отметим, что для зарубежных исследователей важно понять культурную амбивалентность позиций современных сторонников концепции "XXI век - век Конфуция": будущее величие китайской культуры они подтверждают западными авторитетами, реальными или вымышленными.

Как и на многих других подобных конференциях, далеко вышла за академические рамки также критика научных разработок гарвардского ученого С.Хантингтона. Его гипотеза "столкновения цивилизаций", к концептуальному содержанию и аргументации которой участники конференции практически не обращались, стала неким символическим пугалом, контрпримером, на фоне которого так выгодно было подчеркивать идею применения к межкультурным отношениям конфуцианских идеалов гармонии и срединности. Перефразируя известные слова Вольтера, можно сказать, что если бы гипотезы Хантингтона не было, китайским неотрадиционалистам пришлось бы ее выдумать для обоснования того, насколько пагубна логика "западоцентризма", неизбежно ведущая к "столкновению цивилизаций". Упоминание имени Хантингтона заменило ссылки на М.Вебера и Дж.Левинсона, служивших после 60-х гг. "негативными примерами" непонимания западными учеными мощи конфуцианства, его способности сформировать восточноазиатскую капиталистическую этику или адаптироваться к требованиям индустриальной эпохи.

Однако усиление "китаецентристских" тенденций скорее подтверждает, чем опровергает гипотезу Хантингтона. Тезис о "конфуцианской" культурной плюралистичности XXI столетия беспрестанно наталкивается на националистически окрашенное утверждение о том, что следующий век будет веком Китая. Чувствуя это, некоторые из выступавших оговаривались, что данный лозунг не тождествен "преодолению западного ветра восточным". Тем не менее тревожный вопрос об усилении националистической окраски в дискуссиях о будущем конфуцианства остается открытым.

Рост мощи стран Восточной Азии, который скорее всего продолжится и в следующем столетии, изменил оценку роли региона в международной

геополитической и цивилизационной системе. Пренебрежение Китаем как "большим Восточной Азии" уступило на Западе место тревожным рассуждениям о "китайской угрозе". Следуя как своим убеждениям, так и официальной линии, китайские обществоведы особо подчеркивают толерантность конфуцианства, его синкретическую направленность, его соответствие требованиям культурного плюрализма. Однако за этими позитивными установками следуют утверждения об исключительности конфуцианства и его превосходстве над западной культурой, которая до сих пор не смогла создать собственную влиятельную концепцию цивилизационной (а также экологической, политической, социальной и т.п.) гармонии и реализовать ее на практике². Тезис о гармоничности и толерантности конфуцианства вступает в опасное противоречие с положением о его превосходстве и универсальности.

По нашему мнению, концентрация внимания на конфуцианских идеях гармонии и забвение негативных антидемократических и консервативных сторон имперского конфуцианства способны сыграть злую шутку со сторонниками концепции "XXI век - век Конфуция". Чтобы избежать этого, необходимо новое критическое осмысление конфуцианства, отличное как от бывшего анти-традиционализма, так и от чрезмерного "культурно-цивилизационного" оптимизма в отношении универсальности конфуцианских идей.

Можно видеть, что конфуцианство целеустремленно внедряется в политическую культуру стран региона, получая поддержку не только правительственных структур, но и предпринимательских кругов. Творческое состязание на "конфуцианском поле" приобретает новые очертания. Это хорошо показывает тот факт, что в обсуждении будущего конфуцианской традиции в различных точках конфуцианского региона делались три различные акцента. Тайваньцы, вслед за японцами, сосредоточились на разработке идеи "особости" их конфуцианской культуры. Сингапурцы, расположенные достаточно далеко от материка и ориентированные на внешний мир, ставили общие вопросы глобализации и модернизации конфуцианства, при этом не игнорируя проблемы динамики конфуцианства в условиях социалистических систем Китая и Вьетнама. Для конференции в Гонконге (Сянгане) характерен был лозунг культурной конфуцианской реинтеграции с материком. На этом фоне особенно заметна заинтересованность материкового Китая в глобализации конфуцианства в русле программы "XXI век - век Конфуция".

России как части азиатско-тихоокеанского мира необходимо определить свое место в этих культурно-политических процессах, по крайней мере осознать и учитывать их. Дурные предсказания имеют свойство сбываться. От негативных сценариев развития нет стопроцентных гарантий, но все же есть известный и надежный рецепт их предотвращения - заинтересованное осмысление основ иной культуры.

А для этого необходимо уделять серьезное внимание фундаментальным культурологическим исследованиям, в данном случае китаеведческим. В частности, России уже давно необходим научно обоснованный, базирующийся на освоении комментаторской традиции перевод конфуциевых "Бесед и рассуждений" ("Лунь юй"), работа над которым была начата в 30-е гг. академиком В.М.Алексеевым и не закончена из-за той критики, которой он подвергся за обращение к "реакционеру" Конфуцию. Последователям В.М.Алексеева следует помнить, что без китайских комментариев, которые основатель отечественного китаеведения называл "трамплином" для исследователя, "текст на протяжении всех веков всегда был непонятен"³.

Внимание к конфуцианской проблематике могло бы реально содействовать налаживанию деловых и политических связей России со странами восто-

чноазиатского региона. Дело в том, что все крупные международные конференции по конфуцианству, проходящие там, служат инструментом не только научного общения, но и средством укрепления контактов деловых и политических кругов внутри конфуцианского ареала.

Проблема конструктивных взаимоотношений с динамично развивающейся Азией стоит не только перед Россией, но и перед такими странами, как Канада, Австралия, не говоря уже о США. Примечательно, что австралийские ученые Р.Литтл и У.Рид порекомендовали своей стране следовать "малайзийской и индонезийской практике проведения совместных конференций, семинаров и дискуссий за круглым столом по общим сильным сторонам и существенным различиям конфуцианской, исламской и христианской традиций в управлении духовными, социальными и экономическими изменениями в XXI веке"⁴. Австралийские исследователи верно подметили, что эти конференции вовсе не являются чисто учеными собраниями для обсуждения абстрактных метафизических вопросов. Напротив, они тесно связаны с живой динамикой внутрорегиональных политических, экономических и культурно-цивилизационных контактов.

Предпоследний год тысячелетия - 1999-й - будет также годом 2550-летия со дня рождения Конфуция, к тому же совпадающим с 50-летием КНР. Специалистам по странам региона нетрудно представить, как будет складываться идеология этих празднеств: "Китай - Конфуций - XXI век". Китаеведы всех стран, в том числе и нашей, не оставят эти даты незамеченными. И если бы те силы в России, которые заинтересованы в развитии сотрудничества с АТР, в должной мере осознали политико-коммуникационное значение проходящих в регионе конфуцианских конференций, то наша страна могла бы занять соответствующее место в этой специфической области межгосударственного общения. Проведение в России в 1999 г. солидной международной конференции по конфуцианству с участием всех трех заинтересованных отечественных сил - науки, правительства и бизнеса - могло бы внести ощутимый вклад в созидание Россией своей "азиатско-тихоокеанской судьбы".

1. Переломов Л.С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993. С. 410.
2. Единение аргументации в пользу исключительной толерантности китайской культуры и обоснования ее ссылками на западный авторитет хорошо иллюстрирует фраза из доклада директора Института журналистики и СМИ АОН Китая проф. Юй Цюаньюя, прозвучавшая в октябре 1997 г. в Москве на Международной конференции "Китай и мир": "По исследованиям израильских и американских профессоров-евреев, Китай выступает единственной страной в мире, где не разразилось "движение антисемитизма"". Цит. по распространенному среди участников тексту доклада "Чжанван 21 шицзи дэ чжунхуа вэньмин" (Перспектива китайской культуры 21 века). С. 2.
3. Алексеев В.М. Китайская литература (избранные труды). М., 1978. С. 427.
4. Little R., Reed W. The Tyranny of Fortune: Australia's Asian Destiny. Warriewood, 1997. P. 199.

Россия и проблемы урегулирования в Корее

21-22 января 1998 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась вторая Конференция корееведов Москвы, которая стала заметным событием в российском востоковедении. В ней приняли участие ученые Института Дальнего Востока, Института востоковедения, Института международных экономических и политических исследований РАН, Московского государственного университета, Дипломатической Академии, Московского государственного института международных отношений, других научных центров, а также сотрудники аппарата Государственной Думы, МИД РФ, представители средств массовой информации, бизнесмены.

Для обсуждения на конференции была вынесена довольно актуальная для нашей практической политики тема "Россия и проблемы урегулирования в Корее". Рамки предложенной темы давали возможность участникам конференции анализировать различные аспекты обстановки на Корейском полуострове с позиции российских интересов в регионе. На заседаниях конференции, рассмотревших три группы проблем – международные и политические, исторические и экономические – было представлено свыше двадцати докладов.

Участников и гостей конференции приветствовал директор ИДВ, член-корреспондент РАН М.Л.Титаренко. В своем вступительном слове он обратил внимание на необходимость глубокого анализа ситуации и тенденций развития на Корейском полуострове, в Северо-Восточной Азии в интересах обеспечения безопасности российского государства и развития взаимовыгодного сотрудничества в регионе.

На первом заседании рассматривались международные и политические проблемы безопасности в Корее. В частности отмечалось, что Россия, несомненно, имеет свои государственные интересы там, где она граничит со своими соседями, и эти интересы она вправе отстаивать. Затрагивался вопрос о пограничном урегулировании на стыке границ Российской Федерации, Корейской Народно-Демократической Республики и Китайской Народной Республики. Говорилось также о том, что для России безразлично, как объединится Корея и какое государство в итоге возникнет у наших дальневосточных границ, какую политику будет проводить объединенная Корея в отношении нашей страны. Поэтому, подчеркивали выступавшие, изучение проблемы объединения Кореи имеет не только научный, но и практический интерес.

На конференции освещался ряд аспектов российско-корейского военного сотрудничества. Рассматривались также вопросы внутривосточного развития КНДР и Республики Корея в связи с избранием Ким Чен Ира генеральным секретарем ТПК в КНДР и избранием Ким Тэ Чжуна новым президентом РК. Не остались в стороне и перспективы межкорейских отношений, которые пока квалифицируются как весьма неопределенные.

Актуально прозвучала тема двух Корей в глобальных тенденциях современного мира. Политические, экономические, экологические проблемы современного мира не могут не отразиться на Корее, хотя воздействие их на Севере и на Юге, видимо, не одинаковое. На конференции рассматривался

вопрос о том, какое влияние может оказать финансово-экономический кризис на внешнюю политику Республики Корея, на межкорейские отношения.

Интерес участников вызвала тема четырехсторонних переговоров по Корее. Была высказана точка зрения российских экспертов о перспективах таких переговоров. Участники встречи заслушали сообщение о том, как проблемы объединения Кореи отражаются в законодательстве КНДР и РК.

На первом заседании с докладами выступили В.П.Ткаченко, Р.В.Савельев, В.В.Михеев, Н.М.Кобозев, А.З.Жебин (Центр корейских исследований ИДВ), Ю.Д.Фадеев, А.Т.Иргебаев (МИД РФ), Б.В.Синицын, Г.С.Яскина (Институт востоковедения РАН).

На втором заседании конференции по разделу исторических и культурологических проблем рассматривались такие темы, как особенности политической культуры корейской нации в конце XX века, ряд аспектов реформ в области культуры в Северной Корее.

Затрагивалась весьма сложная для исследователей проблема формирования внутриэтнических факторов раскола Кореи до освобождения страны. По этому поводу высказывались разные, нередко прямо противоположные точки зрения, но дискуссия показала, насколько важно продолжать исследование внутриэтнических факторов, в частности, их воздействие на современную политическую жизнь.

Значительное внимание участников конференции обращалось на источниковедение, в частности, были проанализированы мемуары Ким Ир Сена как источник по новейшей истории Кореи. Отмечалось, что в них можно почерпнуть немало сведений о деятельности корейских и китайских патриотов в Маньчжурии в 30-е годы. Высказывались мнения о том, что в вопросах историографии российским ученым следует сохранять добрые традиции российского корееведения и отстаивать собственные позиции.

С докладами по этой теме на конференции выступили М.Н. Пак (МГУ), Ю.В. Ванин (Институт Востоковедения), В.Ф. Ли (Дипломатическая академия), В.Н. Дмитриева (МГИМО), Д.В. Минаев (Институт Дальнего Востока), М.Н. Хан.

Заключительное заседание было посвящено рассмотрению экономических проблем. В научных сообщениях С.С. Суслиной (Институт востоковедения), М.Е. Тригубенко (Институт международных экономических и политических исследований), А.И. Мацегора (Госдума РФ), И.И. Богдана рассматривались проблемы экономического положения КНДР, ее отношения с США, Японией и Южной Кореей, вероятные последствия финансово-экономического кризиса в Южной Корее для развития обстановки на Корейском полуострове. Обсуждалась проблема торгово-экономического сотрудничества между двумя корейскими государствами в связи с развитием свободных экономических зон в КНДР, перспективы использования промышленного потенциала КНДР. Вызвал дебаты вопрос о том, насколько в свободных экономических зонах КНДР развиваются элементы рыночной экономики и могут ли эти зоны сыграть роль локомотива в развитии ее экономики.

Материалы конференции войдут в сборник, который предполагается выпустить в ближайшее время.

В Обществе российско-китайской дружбы

На VI отчетно-выборной конференции

3 апреля в Москве в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялась VI отчетно-выборная конференция ОРКД. Помимо делегатов, в числе которых были представители региональных отделений Общества, в ней приняли участие китайские и российские гости. С отчетным докладом о деятельности Правления ОРКД выступил Председатель Правления, академик РАН С.Л.Тихвинский.

Очередная конференция ОРКД, подчеркнул докладчик, проходит в условиях, когда развитие российско-китайских отношений находится на новом подъеме. Состояние российско-китайского взаимодействия на современном этапе определяет выраженная в совместных декларациях, подписанных главами РФ и КНР, твердая решимость двух наших стран "развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке". Мы уверены, что сотрудничество наших стран будет способствовать решению проблем и Китая, и России, и может стать одним из важнейших факторов соразвития наших стран и цивилизации в целом в XXI веке.

В будущем, 1999 году Китай отметит полувековой юбилей Народной Республики, укрепление дружбы и сотрудничества с которой - основная цель нашего общества, подчеркнул С.Л.Тихвинский.

Общество российско-китайской дружбы выступает активным сторонником неуклонного наращивания взаимовыгодного экономического и культурного сотрудничества между нашими странами и готово поддержать любые инициативы в этой области.

Характеризуя деятельность общества за истекшие 5 лет, С.Л.Тихвинский отметил, что благодаря энтузиазму его активистов было проведено немало интересных и общественно-значимых мероприятий, посвященных важным событиям в истории дружеских отношений двух стран и знаменательных дат, связанных с Китаем. К ним относятся юбилейные торжественные вечера в связи с годовщинами образования КНР, встречи, посвященные деятельности советских советников и добровольцев - участников китайской революции и войны сопротивления агрессии милитаристской Японии, мероприятия, посвященные 50-летию победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, а также 85-летию Синьхайской революции в Китае, 70-летию Кантонской коммуны, 60-летию создания Китайско-советского культурного общества, 45-летию образования ОРКД и 40-летию КНОДЗ и др.

Общество отмечало юбилей видных китайских политических и общественных деятелей, деятелей культуры - писателей, композиторов, артистов, художников, проводились вечера китайской поэзии и музыки.

Помимо общественно-политических мероприятий, в течение последних лет общество совместно с Росзарубежцентром уделяло большое внимание содействию

и развитию российско-китайского торгово-экономического и научно-технического сотрудничества на центральном и региональном уровнях. Подтверждением этому может служить успешно организованная КНОДЗ и ОРКД совместно с Росзарубежцентром и ОРКД в Пекине в ноябре 1995 г. первая конференция "Россия - Китай. Научно-техническое и деловое сотрудничество", а также с большим успехом проведенный в Москве 15-17 октября 1996 г. нашими организациями форум "Россия - Китай. Региональное сотрудничество", в работе которого участвовало 200 представителей 10-ти областей и городов России и 11-ти провинций и городов Китая. В настоящее время в развитии российско-китайского межрегионального сотрудничества участвуют уже более 60-ти субъектов и городов РФ и провинций и городов Китая, чему активно содействовало ОРКД.

В настоящее время, сообщил С.Л.Тихвинский, региональные отделения общества есть в С-Петербурге, Новосибирске, Екатеринбурге, Перми, Хабаровске, Благовещенске, Биробиджане, Владивостоке и ряде других городов России. Из числа коллективных членов общества в Москве в первую очередь следует назвать Институт Дальнего Востока РАН. Институтское отделение Общества проводит в своих стенах значительную часть практической работы правления, в том числе встречи с приезжающими в Россию китайскими делегациями, организует конференции и иные мероприятия, посвященные памятным и юбилейным датам в истории Китая и его культуры.

Мы приветствуем, отметил докладчик, инициативу дирекции Института Дальнего Востока об открытии Китайского зала, где начал работать культурно-информационный Центр по Китаю с прямым приемом пекинского телевидения, действует электронный Банк данных, демонстрируются видеофильмы о Китае. Там же работает созданный обществом лекторий по Китаю, большинство слушателей которого составляют студенческая молодежь и представители московской общественности. В последние годы на базе ИДВ РАН были проведены конференции, посвященные 130-летию со дня рождения Сунь Ятсена, 100-летию со дня рождения Сун Цинлин, заседание в связи со 100-летием Чжоу Эньляя.

В тесном контакте с Обществом российско-китайской дружбы проводит свою работу Ассоциация китаеведов РАН (до 1992 г. - ВАКИТ) - добровольная общественная организация, объединяющая специалистов в области китаеведения.

Важным событием для общества явилось создание по инициативе высших руководителей России и Китая российско-китайского Комитета Дружбы, мира и развития в XXI веке. Комитет является межгосударственной общественной организацией, ставящей своей целью расширение и укрепление общественной базы китайско-российских отношений.

Перечисляя трудности и недостатки в работе общества, С.Л.Тихвинский отметил настоятельную необходимость широкого информирования российской общественности о самом обществе, о его целях и задачах, создания печатного органа ОРКД. Пока же, подчеркнул докладчик, надо регулярно и систематически рассказывать о деятельности общества в журнале "Проблемы Дальнего Востока", который и сегодня охотно предоставляет свои страницы для наших публикаций.

В 1999 г., напомнил в заключение С.Л.Тихвинский, общественность России и Китая будет отмечать такую знаменательную дату, как 50-летие образования КНР. Новому Правлению ОРКД вместе с другими организациями следует подготовить хорошо продуманный план мероприятий, посвященных этому славному юбилею.

Конференция избрала новое Правление ОРКД в составе 115 человек. Председателем правления избран директор ИДВ РАН, член-корреспондент РАН М.Л.Титаренко. Академик С.Л.Тихвинский стал почетным Председателем правления.

Рецензии

Борох О.Н. Развитие китайской экономической науки в период реформ // Информационный бюллетень ИДВ РАН. №№ 10, 11. М., 1997. 170 с., 177 с.

С некоторых пор в нашей публицистике распространилась манера характеризовать любое, даже малозначительное событие, как историческое. Однако в рецензируемой книге предметом анализа является то, что для последней четверти нынешнего века действительно стало наиболее важным - такие переломы в общественной жизни стран недавнего "социалистического лагеря", которые по своему историческому значению не менее важны, чем Вторая мировая война.

Основная задача рецензируемой работы состоит в том, чтобы в плоскости экономической теории внести вклад в теоретическое осмысление столь масштабных событий как взятый в КНР курс на "социализм с китайской спецификой" - при том, что эта задача решается с обращением к такому, еще более важному, событию, каким является политический и духовный переворот в жизни бывшего Советского Союза и стран Восточной Европы. И хотя вклад этот повернут по преимуществу к мало известным за пределами науки абстрактным аспектам, здесь обозначаются не только сами, те или иные, научные абстракции, но и их общественная значимость.

При анализе итогов произошедших перемен едва ли не главное, что бросается в глаза - совершенно различное положение дел в двух главных частях бывшей коммунистической империи - в ее экономической сфере. В КНР - резкое ускорение темпов экономического роста, достигших в 80-х - 90-х годах в среднем 8-10 % с перспективой скорого (уже к концу следующего десятилетия) выхода КНР на первое место по общему объему ВВП. В России - с начала 90-х годов и до 1997 г. - падение ВВП по меньшей мере на 30-35% - с вероятностью небыстрого восстановления и с неясностью перспектив

дальнейшего роста.

Естественны отсюда и вопросы о том, в чем причина столь большого различия в положении стран, недавно еще мало разнившихся в следовании курсу "догнать и перегнать ..." (и в провалах этого курса). Чаще всего такой вопрос ставят так называемые ортодоксы. Для этой категории естественный и однозначный ответ на данный вопрос состоит в том, что в первом случае (КНР) - это однопартийность и приверженность марксизму; во втором (СНГ, другие страны бывшего "Содружества") - в отказе от него. Такая позиция не имеет с действительностью ничего общего. Научный ответ на данный вопрос можно получить только через обращение ко всей мировой науке.

При исследовании проблем Китая такой подход особенно труден. Ведь руководство КПК - КНР продолжает настаивать на том, что "социализм с китайской спецификой" - это и есть подлинный марксизм. С данной точки зрения рецензируемая книга представляет особый интерес. Не уходя от некоторых сторон взаимодействия политики и экономики, автор в основном сосредоточивается на той проблеме, которая определяется темой книги.

Автор сообщает о распрощанном в КНР и обращаемом к современной политике образу - "переходить через реку, нащупывая камни" (ч.2, с.95). С большим знанием дела, со ссылками на первоисточники, в книге показано, что за этим ярким образом скрывается громадный комплекс разнообразных факторов в политике и в экономике - факторов как прагматического, так и теоретического характера. Сколь угодно подробно обрисовать этот комплекс в рецензии невозможно, но мы здесь затронем некоторые его черты.

Начнем с того, что работа обращена к тем, тесно переплетающимся между

собой направлениям - собственно современная китайская экономическая мысль; ее связанность с мировой экономической мыслью; ее продуктивность, рассматриваемая в разрезе внутривластной обстановки.

Если сам по себе, в широком плане такой подход не оригинален, то при оценке данной работы, обращенной к опыту Китая, надо иметь в виду, что речь идет о предмете, который, при всей его очень большой важности, в российской литературе еще не нашел основательного отражения. Здесь все еще распространено представление, согласно которому экономическая мысль Китая есть не что иное, как перевод на китайский язык идей Маркса, идей, с которыми лучше всего знакомиться на родном, русском языке.

О.Н. Борох выступила здесь в роли первопроходца в преодолении односторонности такого представления. Это (имея в виду российского читателя) помножается на высокую эрудированность и компетенцию - как в отношении Китая, так и в отношении новейших течений мировой экономической мысли. Черта эта находит свое отражение прежде всего в структуре книги, состоящей из следующих глав: 1. Возрождение китайской экономической науки в период реформ. Новые тенденции и направления развития; 2. Переосмысление теоретических концепций централизованной экономики (дискуссии о собственности, вопросы плана и рынка); 3. Влияние зарубежной экономической мысли на современную китайскую теорию; 4. Оценка теоретических основ китайской модели перехода к рынку учеными КНР и других стран; 5. Китайская экономическая мысль в поисках новой парадигмы.

Естественно, что исходная позиция анализа состоит в фиксировании того факта, что смысл "социализма с китайской спецификой" заключается, с одной стороны, в однопартийной власти, с другой - в так называемой двухколейной системе - образе, который должен отразить разнородность, сочетание общественного сектора, рассматриваемого как социалистический, жестко управляемого из центра, и частного, рыночного.

Сколь ни привлекательно внешне понятие "двухколейная система", вряд ли оно отражает действительное положение - скорей речь должна идти о том, что КНР, где монополия на политическую власть по-прежнему принадлежит ком-

мунистической партии, по своему общественному устройству, является государством все более либерализующейся рыночной экономики.

Самое важное заключается в том, что в книге весьма основательно вся многоукладность рассматривается, с одной стороны, как рыночная, с другой - как обращенная к социализму. Но не менее важно то, что в официальных кругах КНР такая постановка настоятельнейшим образом трактуется как марксистская. "Теория Дэн Сяопина, - заявил в своем докладе на XV съезде КПК (сентябрь 1997 г.) Цзян Цзэминь, - представляет собой марксизм современного Китая, новую ступень развития марксизма в Китае" (Hold High the Great Banner of Deng Xiaoping Theory. Report of Jiang Zemin. Sept.12, 1997 // Beijing Review. October 6-12, 1997. Vol.40. № 40. P.14).

Особенность такого подхода заключается в том, что, с одной стороны, он отражает господствующие в КНР (да и за ее пределами) представления, с другой стороны, отвечает научной концепции, согласно которой в своем развитии и совершенствовании рынок не противостоит социализму, а является его необходимой частью, что "безрыночный социализм" - понятие, противостоящее и науке, и практике. Автор показывает, что такой точки зрения придерживаются очень многие китайские ученые и политики (см., в частности, ч.1, сс. 115, 124).

Отметим сразу - абстрактная теория не может быть научной, если она ограничена строгими рамками; если она применима только в данной стране, но неприменима за ее пределами. Важней, однако, другое - для понимания нынешней позиции руководства КПК уместно сравнить ее с позицией руководства РКП(б) - ВКП(б) в период НЭПа - с самого начала последнего речь шла о том, что допущение частной собственности на средства производства и вообще частного хозяйствования представляет собой временную уступку, временное отступление от принципов социализма. И уже в 1928 - 1929 годах, т.е. спустя 6 - 7 лет после начала НЭПа, с этой "уступкой" было покончено - под начавшимся в те годы "развернутым социалистическим наступлением" подразумевалось реальное уничтожение всех видов частного хозяйствования и массовый террор по отношению к его носителям.

Что же касается КНР, то здесь чаще всего речь идет о рыночной экономике на многие поколения. В том же только что упомянутом докладе Цзян Цзэминь заявил, что осуществление социалистической модернизации "потребуется по меньшей мере ста лет, а для укрепления и развития социалистического строя потребуются еще более длительное время, потребуются неустанные усилия нескольких, даже десятков, поколений" (Hold High the Great Banner of Deng Xiaoping Theory ... P.17).

Единственный смысл приведенных слов заключается в том, что курс на рыночную экономику взят руководством КНР всерьез и надолго.

Какова же в этом плане роль экономической теории? Положение дел в современной китайской экономической науке, каким оно рисуется в рецензируемой книге, воспринимается российским читателем с особым интересом. Ведь марксистская политическая экономия - в полном соответствии со взглядами ее основоположников - всегда была для нас наукой, не допускающей совместимость социализма с рынком и с частной собственностью. Как мы уже отметили, такой же была и практика, которая, в конце концов, привела к губительным последствиям.

В послемаоистском Китае положение дел иное: выступая под флагом верности марксизму, государственная власть придает этому понятию совершенно иное значение, чем то, которое вытекает из трудов Маркса и его последователей (включая Мао Цзэдуна). Первый элемент этой двойственности носит прежде всего и главным образом политический характер - помогает сохранению и поддержке политической власти. Второй же элемент, противостояя первому, служит ускорению экономического прогресса. Как пишет автор, со второй половины 80-х годов "китайские ученые стали обращаться к суждениям Дэн Сяопина ... о неправомерности постановки вопроса "социализм или капитализм" при оценке мероприятий реформы, об ошибочности отождествления плановой экономики с социализмом, а рыночной - с капитализмом" (ч.1, с.52). И как раз обращение к немарксистским теориям не оставляет сомнений в том, что успех обретается прежде всего и главным образом в рамках рынка - поддержания его сильных и жизненно необходимых сторон и противостояния его слабым сто-

ронам и порокам. На втором месте - плюрализм собственности, исходящий из того, что здесь нет единого рецепта для всех ситуаций - в зависимости от отраслей, от технологических, географических и других условий целесообразно поддержание в разных сферах разных видов собственности (включая в ряде случаев и монопольную), и, наоборот, организованные противостояние тем или иным ее видам. И при том, что особенно важно, в формировании разных разновидностей собственности рынок является фактором ведущим. Это общее положение раскрывается через обращение к китайской практике, в частности, к решениям XIV съезда КПК (ч.1, с.95) и др.

Для российского читателя особый интерес представляет тот факт, что в Китае коммунистическая власть, хотя и не останавливается в ряде случаев перед обвинениями выдающихся ученых в "буржуазном либерализме" (см. ч.1, с.87) и даже перед временными запретами приватизации (там же, с.89), идет в самой экономике по пути сравнительной свободы, допуская некоторую свободу и в теоретических толкованиях.

Как уже можно было судить по приведенному выше перечню глав, автор поставил перед собой двуединую задачу: во-первых, вникнуть в характер переплетенности китайской экономической мысли с мировой, "... проследить межцивилизационный диалог Китая и Запада" (ч.1, с.6); во-вторых, анализ такого рода переплетенности обратить к исследованию самой экономической науки КНР.

Что касается первого аспекта, то нелишне обратить внимание на то, что черты современной мировой экономической мысли обрисовываются здесь столь искусно, что перед читателем открывается все еще нечастая в российской литературе возможность кратко ознакомиться с содержанием некоторых новых и новейших направлений мировой экономической мысли. Имея в виду приверженности наиболее выдающихся китайских ученых, автор уделяет наибольшее внимание неоинституционализму. Здесь в его рамках на первом месте труды всемирно известного ученого Я.Корнаи, внесшего самый большой вклад в анализ особых дефектов социалистического рынка (его наиболее известный труд - "Дефицит". М., Наука, 1990), показавшего, что смитовская "невидимая рука рынка" действует и при со-

циализме (ч.2, с.32), но что ее действие носит не созидательный, а разрушительный характер. Большое внимание уделено трудам лауреата Нобелевской премии Р.Коуза, чьи исследования сосредоточены по преимуществу вокруг проблем собственности, фирмы и трансакционных издержек. Немалое место занимает также анализ трудов другого Нобелевского лауреата Д.Норта, чьи исследования сосредоточены вокруг историко-социологических аспектов экономики с особым вниманием к сравнительному (компаративистскому) анализу. Здесь особого внимания заслуживает выдвинутая Д.Нортом и активно поддерживаемая китайским ученым Линь Ифу "теория индуцированных институциональных изменений" (ч.2, с.125).

Этот список можно было бы продолжить (Дж.Бьюкенен и многие другие), но и сказанного достаточно для того, чтобы поставить следующий вопрос: что побуждает китайских ученых видеть стартовую площадку для анализа китайской действительности в новом институционализме? В такой прямой форме вопрос в книге не ставится, но познакомившись с тем, что пишет автор, читатель может сам попытаться дать на него ответ. В современной экономической науке роль институционализма можно было бы сравнить с той ролью, которая в астрофизике принадлежит учению о ноосфере, как явлению, занимающем промежуточное положение между запредельно отдаленными от земли частями вселенной и землей. Не отрываясь от высоких абстракций неоклассического синтеза, институционализм дистанцируется от него в той мере, в какой это необходимо, чтобы приблизиться к видимым и управляемым реалиям экономической жизни, но не сливаясь с последними, примыкать к ним — насколько это целесообразно — дабы видеть то, что остается невидимым для тех, кто постоянно погружен в практические дела, в сам процесс производства и обмена. "По мнению китайских исследователей, — пишет автор, — в условиях трансформации экономических систем неинституционалистские теории приобретали особую аналитическую ценность, поскольку были ориентированы на экономику переходного типа, в большей степени, чем неоклассическая концепция, основанная на описании моделей развитого рыночного хозяйства... Сравнивая исходные принципы неоклассической и неинституциональной школ с точки

зрения их соответствия национальной теоретической традиции, ученые КНР обращали внимание на сравнительную легкость освоения китайской экономической мыслью неинституциональной теории, или, пользуясь словами самих китайских исследователей, на низкие "издержки проникновения" ("цзиньжу чэнбэнь") в Китай идей институционализма" (ч.2, с.118).

Дело, однако, отнюдь не только в китайской специфике и легкой восприимчивости. Происхождение институционализма и его все возрастающая роль связаны с тем, что сам по себе рынок с его собственными законами, изученными наиболее полно неоклассической теорией, является столь же необходимой, сколь и недостаточной частью экономического механизма, а также тем, что современный институт рынка не может функционировать вне связи с нерыночными институтами (прежде всего государственными). Институционализм оказывается ближе всего к пониманию экономической науки как "науки о выборе" (Фань Ган, см.: ч.2, с.75), которая непременно должна иметь дело не только с рациональностью, но и с нерациональными природой и поведением человека (там же, с.71) и противостоять нерациональности. В конкретных китайских условиях эта истина проявляется и в том, что здесь институционализм оказывается связан с конфуцианством (ч.2, с.14). Ряд ученых — пишет, ссылаясь на китайских авторов, О.Н.Борох, полагает, что ориентация официальных теоретиков "социализма с китайской спецификой" на неразделимое слияние проблем человека, морали, экономики и рынка может быть наилучшим образом объяснено через китайский менталитет (ч.2, с.77).

Как показывает автор, вышеперечисленные черты находят отчетливое отражение и в структурно-организационной стороне — во множественности экономических учебных и исследовательских учреждений, а также разных, сравнительно независимых организаций ученых и преподавателей — в 1987 году таких организаций насчитывалось более 400 (ч.1, сс.24,26). И, что не менее важно, черты эти отражаются в непреследуемой и тесной связи китайских ученых с учеными многих стран. Примечательно здесь и то, что можно было бы назвать "жуацяо" в сфере науки — теснейшей связью ученых-китайцев по национальности, живущих и

работающих за границей (более всего в США), с научными кругами родины их отцов. Эта черта не может не привлекать наше внимание по той причине, что советские ученые были в течение семи десятилетий отсечены от выдающихся российских ученых (таких, как Н.А.Бердяев, Б.Д.Бруцкус и многие другие), в свое время выдворенных или бежавших из России (не говоря уже о тех, кто был умерщвлен в тюрьмах и лагерях - таких, как Н.Д.Кондратьев, А.В.Чаянов, Л.Н.Юровский и многие другие). Немаловажно и то, что к таким учениям, как кейнсианство, монетаризм и др. в Китае относятся не в плане их "разноса" (как это было в СССР), а для поиска полезного и позитивного (ч.2, сс. 114-115).

Но, разумеется, более важна не структурно-организационная, а занимающая в книге центральное место содержательная сторона - анализ самих концепций китайских ученых. Не имея возможности в рамках рецензии, осветить эту сторону сколько-нибудь подробно, мы здесь обходим занимающий в работе большое место анализ взглядов отдельных ученых и обращаемся лишь к краткой характеристике моделей и школ, какими они представлены в рецензируемой книге.

При громадной, не сравнимой с положением в любой другой стране (кроме, может быть, России) сложности политико-экономической обстановки, современная китайская экономическая наука оказывается повернутой в сторону функционального анализа, т.е. анализа в высшей степени сложного взаимодействия разнообразных, во многом противостоящих одних другим факторов, находящих свое наиболее отчетливое выражение в необычных для мировой практики формах сотрудничества и противостояния таких институтов, как рынок и планирование, огромное разнообразие в формах собственности и т.д. Нечего и говорить о том, что такая проблематика сама по себе не является только китайской. — ее сложность и противоречивость носит всемирный характер. При отмеченной выше известной свободе теоретической мысли черты эти проявляются в такой приближенности к анализу характера и перспектив прогресса, которая, во-первых, сопровождается творческим разномыслием; во-вторых, как уже отмечалось, определяет преобладание институционалистского подхода.

Иллюстрацией здесь может служить содержащееся в книге описание моделей соединения планового и рыночного механизмов, а затем школ экономической мысли. В первом случае речь идет о следующих трех моделях. Первая - "фрагментарное соединение планового и рыночного механизмов", при котором продукция, имеющая важное значение для народного хозяйства, подлежала централизованному планированию, а в отношении остальных видов продукции должно было проводиться рыночное регулирование. В соответствии со второй моделью "взаимопроникающего соединения" оба вида регулирования, плановое и рыночное, должны рассматриваться как взаимодействующие и взаимодополняющие. В третьей модели "органического соединения планового и рыночного регулирования" впереди макрорегулирование, но с постоянным вниманием к тому, что происходит на микроуровне - "государство регулирует рынок, рынок ориентирует предпринимателя" (ч.1, сс.99-100). Обращает на себя внимание то, что на XIII съезде КПК (1987 г.) в основу директив была положена третья модель, тогда как спустя 10 лет, на XV съезде был совершен сдвиг к первой и второй модели.

С точки зрения основной темы работы еще более интересна классификация школ экономической мысли (ч.1, сс.107-113), которую мы здесь даем лишь в виде краткого перечисления. Первая - "школа скоординированных реформ" (начала складываться в 1985 г., основатель - У Цзинлянь) - перестройка на всех уровнях с главной целью формирования регулируемой рыночной системы. Вторая (лидер Ли Инин) - "школа сторонников реформы собственности" - создание субъектов рынка впереди перехода к рыночным реформам. Третья - "школа сторонников реформ на макроуровне" (лидер Ван Чжо) - изменение функций правительства (фактически - сохранение централизованного руководства). Четвертая - "школа сторонников свободной среды для экономической реформы" (Лю Гогуан и др.) - китайский вариант "экономики предложения" - против централизованного ускорения, за постепенность преобразований, с главным вниманием в сторону производства, опережение которого по отношению к спросу должно рассматриваться как необходимое условие формирования здоровой рыночной экономики. Пятая - "школа сторонни-

ков реформы права хозяйствования" (Ян Пэйсинь) - сохранение собственности на предприятия в руках государства при резком расширении хозяйственных прав предприятий. Шестая - "школа реформ прав собственности" - аналогична второй, но предполагает распространение принципа товарного обмена не только на продукцию предприятий, но и на сами предприятия. И, наконец, седьмая - "школа сторонников изменения системы", представленная неоднократно упоминаемыми в книге молодыми учеными Фань Ганом, Линь Ифу и другими. Эта школа наиболее близка к современному западному институционализму. По словам О.Н.Борох, особенность данной школы в том, что ее представители отошли от традиционных методов экономического исследования и обратились прежде всего к новой институциональной экономике, предприняли попытку подойти к реформе как к процессу изменения институтов, исследовать особенности китайской реформы с точки зрения теории общественного выбора, придерживаясь при этом принципа минимизации трансакционных издержек (ч.1, с.112).

Знакомясь со взглядами перечисленных семи школ, нельзя не видеть их актуальность с точки зрения хода российских реформ, успехов и неудач, столкновения принципов шоковой терапии и постепенности, преимущественного обращения к сфере рынка или сфере собственности и многое другое. Тем досадней то, что вершители российских реформ, судя по всему, очень мало знакомы с китайским опытом.

Так почему же, в конце концов, Китай с его однопартийностью оказался по темпам роста намного впереди России, где реформы осуществляются в условиях новорожденной демократии? Развернутого ответа на такой вопрос книга не дает, но при ее чтении у людей, знающих историю СССР, закономерно рождается такое предположение: опыт Китая подсказывает, что Советский Союз мог бы достигнуть истинного процветания, если бы в свое время здесь взяло верх течение, именовавшееся "правым уклоном", что линия Бухарина-Рыкова была аналогична победившей в Китае линии Дэн Сяопина, тогда как в СССР сталинизм был аналогичен курсу Мао Цзэдуна и боровшейся за ее сохранение, но к счастью для китайского народа отринутый, "бандой четырех".

Со ссылкой на американского ученого Б.Нотона, в качестве условий, обеспечивших быстрый рост, в книге выделяются такие факторы, как уже упоминавшаяся "двухколейная система"; относительное сокращение планового регулирования и ослабление монопольной роли государства; поэтапная либерализация цен, проводившаяся, что очень важно, вслед за ростом производства; переход к широкому использованию принципа прибыльности; предоставление возможности отдельным секторам экономики и отдельным районам действовать вне рамок централизованного планирования ("свободные зоны"); временной фактор - разумное чередование регулируемого экспансионизма в одних отраслях и сдерживание в других; широкое привлечение иностранного капитала и успешность курса на рост частных сбережений (ч.2, сс.88-89). Кроме того, при сравнении Китая и СССР, автор, ссылаясь на корейского автора К.Ли (Университет Сеула), подчеркивает очень важное обстоятельство: к моменту начала реформ китайская экономика была в большей степени ориентирована на рынок и менее централизована, чем советская (ч.2, с.94).

Все вышесказанное относится, главным образом, к политической и хозяйственной стороне дела. Если иметь в виду чисто теоретический аспект, то в самом начале работы автор пишет: "Как будет показано в дальнейшем, современная экономическая мысль КНР равным образом не может отождествляться не только с марксизмом, но и с основным направлением современной экономической науки Запада - неоклассической экономической теорией" (ч.1, с.12). Мы полагаем, что при всех усилиях автору доказать этот тезис не удалось. Действительное положение таково, что китайское своеобразие при всем его громадном значении не может ставить под сомнение тот факт, что в Китае, как и во всем мире, основная методология действительной экономической науки заключена в неоклассическом синтезе.

Неоклассический синтез это как раз и есть концепция, раскрывающая необходимость рынка, и в этом смысле, и во временном и в региональном аспектах, она носит всеобщий характер. Можно лишь выразить сожаление по поводу того, что в столь содержательной работе автор не уделил должного внимания тому, какое место в китайской экономической

мысли занимает неоклассический синтез. Без рассмотрения этого вопроса повисают в воздухе приводимые в книге утверждения Линь Ифу и других китайских ученых, что "следующий век станет веком китайских экономистов" (ч.2, стр. 126).

Содержащийся в работе анализ дает основание для выяснения не только положения дел в китайской экономической науке, но и для более широких обобщений. Здесь читатель может видеть, сколь велика роль институционализма в том смысле, чтобы, не изобретая новые абстракции, видеть новизну теоретических построений в ином - в комплексном подходе, в основе которого благоразумная оценка реальной обстановки. Абстракции ценны тогда, когда помогают благоразумию, но не заменяют его. Как считает многократно цитируемый в книге Фань Ган, "экономика как наука изначально в принципе не дает никаких моральных поучений", "что она может делать ... пред-

ложить (но не предписать! - Я.П.) оптимальный вариант выбора" (ч.2, с.77).

К слову сказать, при знакомстве с мировой экономической литературой трудно видеть, что такого рода теоретический анализ, который содержится в рецензируемой книге, чаще всего сопровождается необширными, но емкими, иллюстративными данными и положением дел в экономике. Жаль, что в этой книге таких данных нет.

Рецензируемая книга представляет собой весомый вклад не только в российскую синологию, но и в теоретическую литературу по проблемам экономики. Нельзя не выразить сожаление о том, что столь ценная книга выпущена всего в 100 экземплярах, т.е. практически только для научных библиотек и для работников-китаеведов. Надеемся, что исследования О.Н.Борох будут продолжены и что новое, расширенное издание не заставит себя ждать¹.

© 1998

*Я. Певзнер,
профессор, доктор экономических наук,
главный научный сотрудник ИМЭМО РАН*

1. За время подготовки данного номера журнала вышла в свет книга О.Н.Борох "Современная китайская экономическая мысль". (М., Издательская фирма "Восточная литература", РАН, 1998, 600 экз.)

О.Арин. Азиатско-тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность. Восточная Азия: экономика, политика, безопасность. М.; Флинта, Наука, 1997, 435 с.

Актуальная по значимости рассматриваемых проблем и весьма солидная по объему книга О.Арина несомненно вызовет повышенный интерес у всех, кто занимается изучением ситуации в обширном регионе мира, охватывающем американское и азиатское побережье, а также островные страны Тихого океана. Думается, что написанная живо, в острополюмическом ключе, а главное затрагивающая жизненные интересы России, данная монография привлечет также внимание широкой читающей публики. И профессиональный политолог, и просто любознательный читатель найдут в ней немало новых, подчас неожиданных оценок, расходящихся с общепринятыми суждениями и взглядами, касающимися состояния и перспектив экономики, международно-политической обстановки в бассейне Тихого океана, а также роли этого региона в мировой истории в XXI веке.

О.Арин (псевдоним доктора исторических наук Р.Ш. - А.Алиева) много лет посвятил исследованию тихоокеанской проблематики. Последние пять лет он жил и работал в Японии и Канаде. В 1997 г. вернулся на Родину, помимо всего прочего обогатив свой взгляд на североамериканскую и японскую политологию живым общением с ее представителями разных уровней и рангов. Это обстоятельство весьма благоприятствовало подготовке рецензируемой работы, ибо именно американские и японские ученые и политики внесли наибольший вклад в создание Монблана монографий и статей, посвященных Азиатско-тихоокеанскому региону.

Для обоснования своего сугубо критического подхода к устоявшимся представлениям об АТР О.Арин проработал обширную зарубежную и отечественную литературу. Опираясь на эту информационную базу, он подверг анализу все более или менее серьезные направления политологических исследований по АТР. Особое внимание он уделил вопросу о терминологической четкости, пренебрежение которой неизбежно приводит исследователей к ситуации типа разговора между

глухими. В книге это, в частности, показано на примере термина "Азиатско-тихоокеанский регион", который постоянно фигурирует в разного рода геоэкономических расчетах и прогнозах, не имея даже сколько-нибудь определенных, общепризнанных географических рубежей. Отсюда, по мнению автора, во многом и вытекает мифический характер концепции об АТР как особой зоне экономического развития мира в XXI в. Эту концепцию он называет "самым грандиозным мифом" конца XX века (С. 13). Его развенчанию и посвящена примерно треть книги. В итоге О.Арин приходит к выводу, что в качестве более или менее перспективной экономической интеграционной зоны вырисовывается лишь Восточная Азия. Причем США "попадают" в эту зону прежде всего как глобальная держава (С. 110). Пока здесь существует лишь одно интеграционное звено - связка США-Япония (С. 109).

В конечном счете автор выражает уверенность в том, что "с интеграцией при самых вольных толкованиях этого термина" в АТР или даже в Восточной Азии "ничего не получится" (С. 110). И прежде всего потому, что здесь в сфере экономического взаимодействия между странами сильнейшие акторы, т.е. США и Япония, в соответствии с законами капитализма создают или закрепляют отнюдь не партнерские отношения, а отношения господства и подчинения (С. 127).

Что касается возникновения общерегионального экономического центра, то тут, как полагает автор, возможны варианты. В связи с этим в книге рассматриваются некоторые сценарии развития ситуации в Восточной Азии, а именно: "азиатский", "тихоокеанский" и связанный с "гегемонией глобального капитализма во главе с США".

Смысл первого сценария состоит в допущении возможности возникновения "Азиатского блока, функционирующего в рамках "иеновой валюты"" (С. 111). Но этот сценарий, считает автор, бесперспективен даже не столько из-за решительного сопротивления стран Восточной Азии,

сколько потому, что интересы японских монополий простираются далеко за пределы региона и охватывают весь мир (С. 115). "Иеновый блок", о котором разговоры идут уже 20 лет, не только не создан, но и не видно признаков того, что он появится (С. 116).

"Тихоокеанский сценарий" строится на предположении, что Организация азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) станет эффективным инструментом сведения в некую целостность экономик стран по обе стороны Тихого океана. Естественно, упор в этом сценарии делается на ведущую роль США, а точнее на роль оси США-Япония, на которую "накрутятся" экономики стран бассейна Тихого океана (С. 116). По сути дела, функция АТЭС, считает О.Арин, состоит в том, чтобы, либерализуя условия хозяйственных связей, воспрепятствовать регионализации экономики Восточной Азии, т.е. сделать ее открытой для транснациональных корпораций, прежде всего американских (С. 123). Автор полагает, что темпы либерализации будут определяться Китаем, странами АСЕАН и что борьба на этом поле может перечеркнуть "тихоокеанский сценарий".

Наконец, третий сценарий увязывается с борьбой "глобального капитализма" за безраздельный диктат над миром." В такой ситуации, - справедливо замечает О.Арин, - напряженность между экономической глобализацией и регионализацией не только сохранится, но и скорее всего усилится" (С. 129). В связи с этим сценарием в книге весьма обстоятельно раскрывается роль "китайского фактора", его воздействие на ход экономического развития мира и особенно Восточной Азии.

Проанализировав соответствующие показатели экономического роста КНР, автор приходит к выводу, что "Китай, если еще не стал сверхдержавой, то станет ей в скором времени" (С. 149). Впрочем, такой прогноз ныне часто встречается в научных трудах и китаеведов и международных-глобалистов. Другое дело, что О.Арин при этом подчеркивает социальный смысл и значимость китайского феномена. Последний наносит мощный удар по модному ныне тезису о якобы тупиковом характере социалистического пути. В книге отмечается также, что сторонники указанного тезиса и у нас и на Западе приписывают выдающиеся экономические

успехи КНР исключительно действию рыночных механизмов и политики открытости.

Характеризуя Китай как нарождающийся центр Восточной Азии, О.Арин не уклоняется от ответа на вопрос о перспективах сохранения социальной сущности этого центра. По автору возможны три варианта развития ситуации в КНР. 1) При сохранении социалистической надстройки базис все более капитализируется, что ведет к взрыву китайского общества. 2) При сохранении нынешнего многослойного базиса в доминирующем государственном секторе (70%) надстройка начинает демократизироваться в буржуазно-либеральном духе, как того требует Запад. Вслед за этим неизбежна приватизация государственной собственности. Этот вариант тоже ведет нынешний общественный строй в КНР к коллапсу по примеру России. 3) Социалистическая надстройка остается сильной и даже укрепляется. "Именно этот вариант пока и обеспечивал стабильность и экономический рост Китая" (С. 188). Иначе говоря, это - оптимальный вариант и с ним связано достойное будущее страны.

Первые две части книги - "От АТР к Восточной Азии" и "Китай - нарождающийся центр Восточной Азии", в которых очерчен реальный ареал экономических интеграционных процессов и рассмотрены экономические противоречия между США и Японией, с одной стороны, и остальными государствами бассейна Тихого океана, с другой, по сути дела содержат экономическое обоснование двух кардинальных выводов автора:

1) Конфликт между Китаем и США неизбежен (С. 190), равно как неизбежен конфликт большинства других восточно-азиатских стран с Соединенными Штатами, если эта сверхдержава будет продолжать проводить в отношении них политику с позиций силы (С. 171).

2) Вероятность восстановления российско-китайского альянса возрастает (С. 130).

В третьей части книги - "Восточно-азиатский международно-политический регион: проблема военной безопасности" рассматривается вероятность возникновения в АТР по политическим и военно-политическим причинам некоей географически определенной целостности. Тщательно и всесторонне рассмотрев положение в АТР под углом зрения этой вероятности, автор оценивает ее как практически ну-

левою. С его точки зрения, "структура безопасности в Восточной Азии остается прежней", т.е. сформированной в период "холодной войны" и, самое главное, именно в этом регионе набирает темпы гонка вооружений" (С. 203, 204). Опираясь на анализ процессов в сфере военной безопасности в регионе, О.Арин приходит к заключению, что ныне невидимая конфронтационная линия между основными акторами в Восточной Азии в следующем веке вновь обретет четкие очертания, напоминающие конфигурацию начала 50-х годов (С. 205). Растущий Китай стратегически заинтересован в сломе существующего статус-кво, поэтому он "начинает формировать платформу для восстановления стратегического союза с Россией, а также дружеские военно-политические отношения с АСНАН (С. 301). При этом перспективность России как союзника КНР определяется, согласно автору, все более жестким давлением на нее со стороны Запада, не оставляющего ей надежд на достойное место в мировом сообществе.

Последний тезис конкретизируется и развивается в четвертой части книги. В итоге автор утверждает, что кроме тесного взаимодействия с Китаем "у Москвы просто нет выбора. Причем, вне зависимости от того, кто у власти. Геостратегические законы диктуют игру" (С. 336). Последнее утверждение на счет власти и "диктата" геостратегических законов весьма спорно, и мы еще вернемся к нему.

Во всех четырех частях рецензируемой книги читатель найдет немало полезного фактического материала, а главное-неординарную авторскую трактовку не только магистральных, но и множества частных процессов, происходивших и происходящих в АТР. Внимание читателя не может не привлечь и заключительный раздел работы, в котором рассматривается вопрос о национальных интересах вообще и российских в особенности и решительно отвергается порожденная "новым мышлением" идея о якобы невозможности в современных условиях взаимосвязанности мира сформулировать само понятие национально-государственного интереса.

Заслуживает внимания и помещенный в приложение к книге реферат "Теория глобального капитализма", "к созданию которой "руку приложили" выдающиеся ученые Запада" (С. 387). О.Арин, однако, замечает, что по сути это - не со-

всем новая теория: еще В.И.Ленин писал, что развития капитализма "идет в направлении к одному единственному тресту, всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства" (С. 371). Тем не менее, современные разработчики теории сделали важное дело, создав на базе новейших фактов и данных конкретную картину современной стадии процесса глобализации капитализма. И вопрос, справедливо считает автор, состоит в том, как Россия сможет вписаться в эту картину.

Свой ответ О.Арин дает в рецензируемой книге. С его точки зрения, России необходимо последовательно и жестко отстаивать свои фундаментальные интересы, заключающиеся в обеспечении территориальной целостности, суверенитета, процветании страны, и гибко, в том числе и с помощью компромиссов, добиваться реализации своих тактических, конъюнктурных интересов (С. 385).

Фундаментальным интересам России ныне угрожают главным образом США, причем с востока в не меньшей мере, чем с запада. "Россия, - утверждает О.Арин, - не является де-факто субъектом международной безопасности ни в одной зоне Восточной Азии (С. 384). Он полагает, что восстановиться в такой роли Россия сможет, лишь объединив свой стратегический потенциал с экономическим потенциалом Китая в форме военно-политического союза, "наподобие американо-японского договора о безопасности" (С. 384). Но как известно, нынешнее руководство и РФ, и КНР не только не помышляет о такой форме взаимодействия, но и самым решительным образом отвергает любые намеки даже на самую возможность развития российско-китайских отношений в этом направлении. Впрочем, кто знает, "что день грядущий нам готовит"?

При всех своих достоинствах книга О.Арина, на мой взгляд, не лишена изъянов, в основном проистекающих из склонности автора к полемическим перебранкам и эпатажу, что нередко уводит его в сторону от сути исследуемых проблем. В частности, О.Арин начисто отвергает представления о XXI веке как о "тихоокеанской эре" главным образом на том основании, что-де нет и не будет региона "под названием Азиатско-тихоокеанский" (С. 3). Причем его нет и не будет, по автору, потому, что там, в бассейне Тихого океана, не предвидится широкая интегра-

ция ни на экономических, ни на иных основаниях. Но выдающаяся роль того или иного региона в мировом развитии отнюдь не целиком определяется мерой его интегрированности. Подобная роль скорее связана с таким реальным экономическим ростом в данной части планеты, который превращает эту часть в ключевое звено мирового хозяйства. Эта роль может иметь планетарное значение и в случае, если именно в данном регионе сконцентрировано противостояние сторон главного противоречия эпохи. А последнее ныне состоит в столкновении интересов Запада и всего остального мира, интересов, связанных с решением проблемы выживания человечества. Запад намерен свести проблему к выживанию так называемого "золотого миллиарда", т.е. в основном населения Северной Америки, Западной Европы, Японии. Остальной мир, естественно, против такого подхода и неизбежно будет сопротивляться. По всем данным, указанное главное противоречие будет решаться прежде всего в зоне Тихого океана, где все более концентрируется материальная сила остального мира. Так что столь категорически, как это делает О.Арин, отрицать в основном уже обрисовавшееся ключевое место тихоокеанского региона в мировом развитии нет достаточных оснований.

Без оговорок нельзя согласиться и с тезисом автора о том, что, независимо от того, кто у власти в России, ее стратегическое партнерство с Китаем непременно состоится, ибо "геостратегические законы диктуют игру" (С. 336). Эти законы меж-

ду прочим диктовали сохранение СССР, однако переход власти в руки сил известной ориентации привел к его распаду и грозит распадом уже и России. Поэтому можно утверждать, что российско-китайское стратегическое партнерство реально состоится и может вылиться в военно-политический союз лишь при условии, если в России у власти будут национально ориентированные силы, а не адепты концепции миропорядка, основанного на западных ценностях и идеалах. Может ведь случиться так, что пока будут "срабатывать" геостратегические законы прозападные круги в российской правящей элите и державу развалит, и с Китаем испортят отношения.

К сожалению, предопределенности в развитии российско-китайских отношениях нет, хотя безусловно имеются серьезные объективные потребности в трансформации этих отношений в союзнические. Иначе не будет ни России, ни Китая как великих держав, которые способны организовать эффективный отпор Западу, стремящемуся установить жесткий режим господства над миром.

Книга О.Арина, впрочем как и всякая неординарная по содержанию и большая по объему научная работа, дает достаточно других оснований и поводов для сомнений и критики. Но это в общем второстепенные вещи. Главное же состоит в том, что любой, кто возьмет на себя труд прочитать монографию О.Арина, наверняка не сочтет это делом малопродуктивным. Она заставляет думать, спорить с автором, а это уже не мало.

В. Е. Петровский. Азиатско-тихоокеанские режимы безопасности после «холодной войны»: эволюция, перспективы российского участия. М: Памятники исторической мысли, 1998. 264 с.

Монография Владимира Петровского – безусловно, новаторское исследование, решающее задачи не только диффузии весьма полезных знаний, но и их приумножения на основе самостоятельной разработки новых теоретических концепций и поиска путей их практической реализации в политике России.

Объект исследования – Азиатско-тихоокеанский регион (АТР) и его наиболее динамичная часть – Восточная Азия привлекли внимание автора не случайно. В обозримой перспективе эти сегменты мирового хозяйства сохранят лидерство по темпам экономического роста, несмотря на кризисные потрясения второй половины 1997 – начала 1998 гг. Фундаментальные факторы экономической динамики остаются благоприятными. Очевидно, что грядущий XXI век станет свидетельством возвышения Восточной Азии, которая приобретет экономическую и политическую мощь, сопоставимую с Северной Америкой и Западной Европой. Многие из арсенала этой мощи уже в активе Восточной Азии, что превращает главные страны региона из региональных в мировые факторы.

Вместе с тем, в отличие от экономической сферы, в области международных отношений и безопасности потенциал напряженности здесь достаточно высок. Т.н. «мирный дивиденд» пост-биполярного мира, который дает о себе знать в других регионах, с трудом пробивает себе дорогу в Восточной Азии. Меры доверия продолжают оставаться скорее желанной целью, чем реальностью.

Прежде всего, в регионе отсутствует общее движение к разоружению. Автор книги это многократно и справедливо подчеркивает. Действительно, за исключением России, отмечается тенденция к сохранению или усилению военных потенциалов стран региона. Если идеологические и политические мотивы для наращивания и модернизации вооружений снижаются, то военное строительство, стимулируемое экономическими и научно-техническими факторами, становится все более очевидным. Этот фактор оказывает существенное воздействие на безо-

пасность в регионе. Следует, видимо, признать, что картина мировых центров военной мощи также будет меняться в пользу Восточной Азии, тогда как вероятность возникновения межгосударственного конфликта в регионе остается примерно такой же, как и во времена холодной войны.

Если такие оценки справедливы, то как добиться большей стабильности и предсказуемости, как индуцировать в регионе необратимые разоруженческие процессы, как укрепить режимы безопасности, продиктованные логикой выживаемости человечества, и, наконец, каковы реальные пути обеспечения интересов новой России, возвращения ей статуса ведущей, а не ведомой державы региона?

Несомненна заслуга В. Петровского в том, что он ставит задачу поиска ответов практически на все эти вопросы. Независимо от согласия или несогласия с его оценками и выводами (что нормально для научного сообщества), сама логика постановки проблем, аналитический аппарат их разработки, огромный информационный массив (документы, монографии, справочники, периодика и т.д.), мобилизованный автором для раскрытия темы и доказательности своих суждений, – все это превращает работу в крупное явление российской политологии, далеко выходящее за рамки чисто регионально-го интереса.

Структура монографического исследования строится на восходящей логике анализа, когда каждая последующая глава или раздел внутри главы органично опирается на предшествующий анализ. Этим достигается реалистичность картины, ибо постепенное расширение переменных, воздействующих на тот или иной объект исследования, показывает всю сложность и комплексный характер рассматриваемых проблем. При этом работа носит междисциплинарный характер, затрагивает как историю международных отношений, так и политологический анализ, сочетая тем самым исторический и логический методы исследования.

Главным достоинством книги является теоретическое обоснование насущной необходимости перехода от конфронтационных систем региональной безопасности

к модели безопасности, в основе которой лежит идея сотрудничества. По существу, на протяжении всей работы автор доказывает наличие объективных базисных предпосылок такого перехода в условиях изменившейся системы международных координат. Доказательная логика основывается на оригинальном сопоставительном анализе концепций коллективной безопасности (Collective Security), общей безопасности (Common Security) и безопасности на основе сотрудничества (Cooperative Security). Впервые в отечественной политологии ситуация в Северо-Восточной Азии и АТР в целом анализируется через призму международных режимов безопасности, что позволяет более реалистично осмыслить российские интересы в этом регионе, выстроить цепочку практических рекомендаций по усилению вклада России в формирование региональных режимов безопасности.

Монография прямо ориентирована на практические действия, ибо ее мощный теоретико-аналитический потенциал только и может реализоваться, если внешнеполитические и внешнеэкономические ведомства России будут учитывать его в повседневной деятельности. Нельзя не согласиться с автором, что это требует от российской дипломатии определенной перестройки мышления, овладения современными прикладными технологиями, связанными прежде всего с отходом от широкомасштабных, зачастую кампанейских, но труднореализуемых инициатив в сторону более прагматичных и узко сфокусированных комплексных мероприятий.

Нельзя не согласиться с автором в том, что геостратегическое положение России поистине ключевое в современном мире. Так же как и в Европе, обеспечение мира и безопасности в АТР немислимо без участия России. Это – аксиома. Между тем, нынешний геополитический контекст в АТР неблагоприятен для России, фактор времени все еще работает против нас. Особенно неблагоприятен экономический фактор, ставший главной детерминантой во взаимоотношениях азиатско-тихоокеанских государств. Единственный выход – развивать экономику, инфраструктуру российского Дальнего Востока.

Сейчас России это не под силу, нужны партнеры и союзники. Для России расширение экономического взаимодействия по странам региона равнозначно реализации политики обеспечения важнейших аспектов национальной безопасности.

Предлагаемая автором концепция безопасности на основе сотрудничества приобрела бы большую убедительность при насыщении ее экономическими элементами.

Взять хотя бы последствия острого валютно-финансового кризиса, пережитого странами региона в прошлом и начале этого года. Очевидно, что кризис будет иметь не только экономические, но и далеко идущие политические последствия. К последним можно отнести ускорение роста национальной мощи и влияния Китая на фоне относительного ослабления этих параметров у многих других стран региона; приостановку или даже свертывание программ модернизации вооруженных сил в странах, рассматривавшихся ранее в качестве потенциальных импортеров российского оружия; угрозу замедления программ либерализации или даже рост протекционизма, что может затруднить реализацию концепции безопасности на основе сотрудничества.

Представляется, что для США и их главных союзников Россия на Тихом океане по-прежнему остается гигантской проигравшей державой с высокими амбициями, неясными намерениями и низким потенциалом участия в эффективном урегулировании проблем, заменяющей их абстрактными схемами без ясного практического эффекта и служащими только целям поддержания самоуважения. Иными словами, Россия рассматривается как нация, обремененная внутренними нерешенными проблемами, с которой трудно сотрудничать и которую легко игнорировать.

Ряд факторов объясняют трудности самоидентификации и выработки эффективной стратегии России в АТР. Одной из основных проблем является, конечно, нехватка ресурсов, прежде всего финансовых, позволяющих влиять на ситуацию. Второй важный момент – недостаток структуры сотрудничества и координации с потенциальными партнерами в Восточной Азии, в значительной степени объясняемый потерей прежних союзников или охлаждением отношений, отсутствием разработанной новой парадигмы двусторонних отношений, а также недостаточных усилий, чтобы выстроить их. Некоторые недостатки можно объяснить наследством горбачевской, и даже брежневской, эры, характеризовавшихся евроцентристским видением и усилиями по внедрению европейских решений на азиатскую почву.

Проблема конкуренции на рынках оружия в Азии оказалась дополнитель-

ным фактором, ухудшившим российские отношения с Западом в АТР. Россия рассматривает регион как ключевой для поиска новых клиентов, вторгается на обширный рынок, превосходящий по закупкам вооружений НАТО (около 9 млрд. долларов в год), где традиционно доминировали США. От последних потребовалось политическое вмешательство для стабилизации прежних линий поставок оружия, в том числе и нагнетание опасений по поводу нарушения Россией существующего баланса новыми неконтролируемыми поставками вооружений в регион. В качестве возможного способа решения проблемы привлекает разделяемая автором концепция регулирования вооружений, предложенная российскими дипломатами в противовес контролю и сокращению вооружений.

Участие России в деятельности Регионального Форума АСЕАН (АРФ) не смогло организовать ядро нового стратегического подхода к АТР. Сам форум оказался более ограниченным и менее эффективным, чем это было необходимым, исходя из претензий на высокую политическую роль. Пока непродолжительный, но уже имеющий опыт показал, что в то время как неазиатские участники, включая Россию, стремятся к диверсифицированному механизму контроля над вооружениями и мерам доверия, исходя в основном из европейского опыта, азиатские нации (страны АСЕАН, Китай) демонстрируют недостаток глубокого понимания характера таких мер и пока не готовы к радикальным шагам, концентрируя внимание на шагах предварительных и символических.

В этом смысле всестороннее российское видение проблем оказалось в целом преждевременным для региона, ориентированного на предварительное решение локальных или двусторонних проблем. Однако принцип консенсуса, принятый в АРФ, может обернуться для этой главной на сегодняшний день институализированной структуры обеспечения безопасности в регионе потерей доверия из-за стремления избежать развернутых дискуссий по наиболее острым и деликатным проблемам. В частности, весьма сомнительно, что АРФ сможет эффективно способство-

вать разрешению территориальных проблем. Это механизм скорее сдерживания конфликтов, чем их разрешения.

Что касается развития двусторонних отношений России со странами региона, то первоначальные ориентиры новой России (начала 90-х гг.) на приоритетное развитие сотрудничества с Японией, а затем РК реализовать не удалось. Дальнейший естественный процесс, определявшийся с одной стороны расширением диалога с КНР, а с другой нарастанием разногласий с Западом как у России, так и у Китая, привел к становлению феномена российско-китайского «стратегического партнерства» как наиболее стратегически значимого восточного направления российской внешней политики.

В настоящее время Россия и Китай объективно, а не по конъюнктурным политическим соображениям, заинтересованы в развитии двусторонних отношений. Владимир Петровский прав, констатируя, что стратегическое партнерство не тождественно союзничеству. Опасения по поводу возможности образования российско-китайского альянса беспочвенны. Стратегическое взаимодействие Москвы и Пекина имеет своей целью создание многополярного мира, укрепление и обособление каждой из сторон в качестве самостоятельного центра силы. Поэтому и «стратегическое партнерство» имеет объективные пределы. Здесь нужно различать кратко-, средне- и долгосрочные интересы и цели как Китая, так и России.

Конечно, монография Владимира Петровского уязвима для критики в отношении того, что какие-то проблемы выпали из поля зрения автора, какие-то недостаточно полно проанализированы. Но, подчеркнем, это не недостатки работы, имеющей вполне реальные ограничения по объему, временному периоду анализа, доступной автору информации и т.д. Скорее, это пожелания для дальнейшей работы над темой, придания ей еще большей комплексности. В этом преемственность и логика научного познания. Желание полемизировать с автором по ряду положений отнюдь не умаляет достоинств книги, а, еще раз подчеркнем, свидетельствует о ее актуальности и самостоятельном, творческом характере.

Ли У Хе и Ким Ен Ун. Белая книга о депортации корейского населения России в 30-40-х годах. Книга вторая. М. МККА, 1997. 302 с.

Первый выпуск Белой книги о депортации корейцев России в 30-40-х годах нашего столетия, опубликованный в 1992 г., вызвал значительный интерес ученых и общественности и послужил одной из теоретических и методологических основ для принятия в апреле 1993 г. Постановления Верховного Совета Российской Федерации о реабилитации российских корейцев. После этого издания вышел целый ряд монографий, посвященных истории и судьбам корейцев в государствах, образовавшихся на территории бывшего СССР.

Среди них работы Б.Д.Пака "Корейцы в Советской России (1917 - конец 30-х годов)" (М.-Иркутск-СПб., 1995), А.Кузина "Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы" (Южно-Сахалинск, 1993), П.Г.Кыма "Корейцы Узбекистана" (Ташкент, 1993), Г.Кыма и Д.Мена "История и культура корейцев Казахстана" (Алматы, 1995).

Во второй выпуск Белой книги включены преимущественно ранее засекреченные документы по истории корейского населения России, а также впервые публикуются документы по реабилитации российских корейцев.

Первый раздел сборника содержит документы об истории корейской эмиграции в Приморье и о политике центральных и местных властей до и после 1917 г. в отношении корейцев. Эти материалы призваны хотя бы частично пролить свет на причины депортации 1937 г., имевшей столь трагические последствия для судеб российских корейцев.

В сборнике отмечается, что до сих пор исследователи не смогли договориться о глубинных мотивах этого решения - было ли оно вызвано "атмосферой шпиономании, которая буквально пронизывала все советское общество в 1937 г." или связано с "геополитическими играми Сталина в отношении Японии", или, возможно, имело другие причины.

Во всяком случае, в приведенной в сборнике переписке центральных и местных органов НКВД переселение расценивалось как мера "предупредительного характера в

приграничных районах (ДРК) с Японией".

Составители склонны придерживаться более широкого подхода и предлагают искать ответ на этот вопрос "не только в особенностях политики того времени, но и в истории и политике России, Кореи и Японии задолго до 1937 г.", во взаимоотношениях этих стран, "с возникновения самой проблемы миграции корейцев в Россию".

Уже документы и публикации царского периода свидетельствуют об "огромной" экономической роли корейцев в Приморье. В то же время они обращают внимание на "отсутствие единства и планомерности в целесообразном проведении в жизнь всех мероприятий" царской администрации, касающихся урегулирования корейского вопроса в крае.

После установления Советской власти в Приморье был поставлен вопрос о переселении корейцев из пограничных районов края в более глубинные местности. За это ратовали даже некоторые местные работники из числа корейцев. Так, именно в документе, подписанном корейцем, начальником Кур-Даргинской МТС Хваном впервые было высказано предложение об отправке корейцев в Казахстан и Новосибирск.

В итоге составители Белой книги приходят к выводу, что решение о депортации стало "естественным завершением более чем 70-летних попыток" Москвы "не допустить закрепления корейцев в Приморье".

Второй раздел сборника посвящен вопросу о том, в какой обстановке происходила депортация. Всего с Дальнего Востока было вывезено 172481 человек. Большое внимание авторы уделяют малоисследованной до сих пор проблеме высокой смертности корейцев в первые годы после депортации в результате болезней, недоедания, необустроенности на новых местах, в результате чего их численность, согласно приводимым документам, с осени 1937 г. по 1945 г. сократилась на одну треть.

Третий и четвертый разделы книги содержат документы, касающиеся усилий

центральных и местных властей по организации приема и расселения корейцев в местах высылки. Документы свидетельствуют о довольно всеобъемлющих решениях по обустройству переселяемых. К сожалению, как явствует из переписки местных партийных и советских органов среднеазиатских республик с Москвой, многие из них не выполнялись из-за явно недостаточного обеспечения их материальными и финансовыми ресурсами, организационных неурядиц, а зачастую и из-за нецелевого использования выделенных на эти цели средств. Обращает на себя внимание жесточайшая централизация, при которой вопросы отпуска 200 кг гвоздей или строительства бань для переселенцев решались только через союзные органы в Москве.

Вместе с тем представленные материалы свидетельствуют о том, что корейцы довольно быстро приспособились к условиям жизни на новых местах и впоследствии внесли заметный вклад в социально-экономическое развитие среднеазиатских республик и повышение уровня жизни их населения.

Заключительный раздел сборника содержит документы, связанные с принятием постановления Верховного Совета РСФСР о реабилитации российских корейцев, а также с процедурой получения документов о реабилитации. Многие из этих документов также впервые вводятся в научный оборот.

Безусловной заслугой составителей является решение включить в сборник не только окончательный вариант постановления, но и тексты двух первоначальных проектов этого документа, а также замечания по ним, поступившие от различных министерств и ведомств. Это позволяет читателю проследить за процессом принятия документа и борьбой различных мнений и даже политических сил по вопросу реабилитации не только корейцев, но и других репрессированных народов. Кстати, целый ряд соответствующих нормативных актов по этим вопросам также включен в сборник.

Судя по приведенным документам, наибольшие споры вызвали вопросы о материальной компенсации и возвращении корейцев на прежнее место жительства. В связи с отсутствием общей методики материальной компенсации репрессированным народам этот вопрос предлагалось решать на основе закона "О реабили-

литации репрессированных народов" и "Положения о порядке предоставления льгот реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий". Наибольшая трудность, с которой пришлось столкнуться корейцам, впрочем как и многим другим людям, добивавшимся восстановления своих прав и доброго имени, заключалась в получении документов о реабилитации.

Что же касается проблемы возвращения корейцев на дальний Восток, то по инициативе самих корейцев и их общественных организаций, решать его было признано целесообразным на строго добровольной и индивидуальной основе. Органам местного самоуправления было поручено оказывать практическую помощь в обустройстве и расселении российских корейцев, возвратившихся в места прежнего проживания на территории Российской Федерации. В частности, предлагалось выделять им земельные участки по установленным нормам для индивидуального жилищного строительства, организации крестьянских (фермерских) и личных подсобных хозяйств, сельскохозяйственных кооперативов и акционерных обществ. В постановлении указывалось, что "реализация этих практических мер не должна ущемлять прав и свобод граждан, проживающих на соответствующих территориях".

Впрочем, как показала жизнь, большого наплыва желающих возвратиться не оказалось. Большинство пустило уже достаточно глубокие "корни" за более чем полвека, проведенных на новых местах и были психологически не готовы начинать все сначала. К тому же значительная часть бывших российских корейцев после распада СССР оказалась за пределами России и столкнулась с проблемой получения российского гражданства. И конечно же, каждая семья, пожелавшая вернуться, сталкивалась с немалыми материальными и финансовыми проблемами.

Правительству РФ было поручено разработать и предоставить до 1 сентября 1993 г. комплексную государственную программу национально-культурного возрождения российских корейцев и определить источники ее финансирования. К сожалению, этот пункт постановления, как и некоторые другие, так и остался на бумаге.

Тем не менее, решение принять Постановление, несмотря на всю компромиссность этого документа, полагают ав-

торы-составители, было “абсолютно правильно”. Позже оно могло вообще не состояться.

Составители Белой книги указывают, что были и те, кто “саботировал” выполнение этого документа, кто “обуреваемый своими амбициями или узким видением проблемы, своими совершенно неразумными и максималистскими требованиями и подходами дал повод для невыполнения постановления”. Увы, признают они, среди них были и корейцы, в том числе и те, кто подвергался депортации и те, кто возглавлял на разных уровнях корейские национальные общественные организации. Об этом можно сожалеть, но

это правда и это также должно быть учтено, когда речь идет о том, насколько мы продвинулись в выполнении постановления о реабилитации российских корейцев.

Разумеется, сборник далеко не исчерпал поднятую тему. И тем не менее представленные в нем материалы можно рассматривать как заметный вклад в исследование этой продолжающей оставаться все еще острой не только с исторической, но и с политической точки зрения проблемы, затрагивающей интересы России, ряда государств СНГ и по-прежнему привлекающей внимание наших соседей на Дальнем Востоке - КНДР и Республики Корея.

А.Воронцов. Республика Корея: социально-экономическая структура и торгово-экономические отношения с СНГ. Москва: ИВ РАН, 1997. 89 с.

Всегда радуешься, когда читаешь интересную и своевременную книгу. Положительные эмоции понятным образом усиливаются, если в руках корейца оказывается хорошая и умная книга о Корее. Книга, впервые в российской литературе увязывающая процессы внутреннего экономического и социального развития Южной Кореи с ее торговыми отношениями с Россией и странами СНГ.

Автору рецензируемого произведения безусловно удалось справиться с поставленной задачей - связать особенности корейского хозяйствования с открывающимися возможностями сотрудничества по вектору СНГ-Корея. Показать истоки южнокорейских экономических успехов, основные характеристики южнокорейского менеджмента, особенности менталитета и психологии корейских бизнесменов. И если бы автор задался вопросом, почему же, несмотря на благоприятные обстоятельства, российско-корейская торговля и экономическое сотрудничество пробуксовывают, то ответ ему пришлось бы искать уже в российских хозяйственных и правовых реалиях.

Наиболее удачным в рассматриваемой книге представляется приведенный анализ трех главных составляющих южнокорейской экономической жизни за последние 5-10 лет - до начала 1997 года: деятельности ведущих корейских монополий (чэболь), развития мелкого и среднего предпринимательства, новой экономической политики Ким Ён Сама (президентский срок которого закончился в начале 1998 года), нацеленной на интегрирование страны в глобальную экономику.

Автор подмечает интересные черты формирования ведущих корейских монополий - семейственность, завязки на правительственные структуры, кропотливую и целенаправленную работу с персоналом, которому прививаются чувства гордости и преданности концерну-работодателю. Прочитав главы об истории создания чэболь и общих принципах и особенностях их повседневной деятельности, читатель получит достаточно полное представление о том, почему именно крупные корпорации стали локомотивом экономических успехов Южной Кореи.

К сожалению, менее детально проанализирована работа мелкого и среднего бизнеса. Вопрос, почему семейные узы помогли становлению крупных конгломератов, но не были столь эффективны в отношении мелкого предпринимательства в Корее, тогда как на Тайване именно семейный мелкий и средний бизнес стал основой процветания, еще ждет своего ответа.

Не иначе как увлекательной, пробуждающей фантазию и будоражащей мысль читателя можно назвать главу, раскрывающую влияние традиционных корейских ценностей на корейскую модель бизнеса. Сама идея о национальных чертах рыночной экономики заставляет задуматься о том, так ли уж безоговорочно универсальны методы и принципы управления капиталистическим рыночным хозяйством, как это хотят представить сторонники либеральной экономики.

Большой практический интерес представляют главы о структуре, темпах развития, перспективах и трудностях экономических и политических связей Южной Кореи с Россией и странами СНГ. Приведенные данные об объеме и сферах приложения южнокорейских инвестиций в российскую экономику и экономику других стран СНГ дают представление о роли и месте южнокорейского капитала в реформировании бывшей советской экономики.

Если бы книга попала в руки рецензента до начала финансового кризиса в Южной Корее осенью прошлого года, то на этом последнем замечании можно было бы поставить точку и настоятельно порекомендовать читателям прочитать ее. Однако сегодня, когда финансовый кризис достиг своего пика, возникает немало вопросов: что стало причиной кризиса, в чем слабость южнокорейских чэболь, не оказались ли традиционные корейские ценности в противоречии с общими законами развития рыночной экономики. Ответов на них в книге нет. Однако в ней представлен глубокий анализ тех основ корейской экономики, познаниями с которыми, читатель сам может попытаться ответить на вопросы, ставшие актуальными уже после того, как книга была выпущена в свет.

**Бони Л.Д. Рынок в китайской деревне (1978-1995).
М.: ИДВ РАН, 1997. Ч. I и II. 370 с.**

Среди наиболее актуальных проблем, вставших перед Китаем в ходе реформы, развитие товарно-денежных отношений, формирование рынка, вопросы его регулирования государством занимают одно из ведущих мест. От решения задач рационального использования рыночных отношений, включения в них широких масс товаропроизводителей во многом зависят возможности роста производительности труда, накоплений, усиления жизни народа. Вместе с тем в Китае особенно велики сложности развития рынка вследствие низкого уровня производительных сил, крупных масштабов страны, разнообразия региональных условий, недостаточных связей регионов между собой, недооценки в прошлом товарно-денежных отношений.

Автор правомерно отмечает большое значение учета богатого опыта Китая в формировании и развитии рынка в деревне для российской практики реформ. Актуальность темы исследования определяется тем, что корни китайской реформы находятся именно в деревне, где были рождены и обкатывались новые теоретические и практические положения, составившие основу китайской модели преобразований, затрагивающих интересы 80% населения.

В работе - первой в российском Китаеведении на эту тему - дается комплексный анализ развития рыночной системы в китайской деревне, показан закономерный характер такого перехода и одновременно вскрываются его внутренние противоречия. Достоинством работы является анализ основных факторов формирования рынка - поисков китайской модели товарного хозяйства, государственного макрорегулирования рынка, форм и методов оптимального сочетания "плана" и "рынка", товаризации зернового производства, показана роль в ней семейного подряда, состояния и перспектив "двуколейной системы" цен и обращения, а также выявлено влияние рыночных реформ на производство и предложение продукции сельского хозяйства, на продовольственное обеспечение страны.

Важным представляется вывод автора о том, что поиски китайской модели рынка до сих пор не завершены. По мнению ведущих экономистов КНР, эта модель остается достаточно неопределенной и расплывчатой. В результате в стране все еще отсутствует полноценный единый, внутренний, национальный рынок, а есть лишь тенденция развития товарно-денежных связей в направлении к единому рынку. В настоящее время характерным является состояние отдельных, замкнутых, региональных рынков, на которые значительное влияние оказывают местные экономические интересы.

Создание модели единого рынка предполагает ликвидацию источников системного характера, порождающих изолированность региональных рынков, рациональное разделение полномочий центра и мест, реформу системы цен и формирование между регионами эффективного "механизма средней прибыли", проведение гибкой структурной политики и урегулирование отраслевой структуры, активизацию обменных связей между регионами, повышение уровня товаризации и монетаризации всей экономики. В условиях регулируемого рынка, считает автор, недопустимо произвольное вмешательство государства в функционирование рынка. В связи с этим основа модели нового хозяйственного механизма, как подчеркивают в Китае, сводится к следующему: государство регулирует рынок с помощью косвенных методов, создает условия для функционирования нормативного рынка, а рынок направляет предприятия на микроуровне. В Китае эту модель называют "государство - рынок - предприятие".

Особую ценность работе придает анализ нового явления в китайской деревне - формирования и развития первых рынков основных факторов производства - рынков земли, рабочей силы, капиталов, техники и технологии и информации. Отсутствие до сих пор таких рынков сдерживало дальнейшее развитие товарной экономики и решение коренных проблем китайской деревни, полноценное функционирование рыночного механизма. Вместе

с тем дальнейшее развитие рынков основных факторов производства требует наличия системы имущественных прав крестьян, свободы от привязанности к определенной территориальной коллективной хозяйственной организации, соблюдения принципов добровольности при традиционной кооперации, решения земельной проблемы. Иначе говоря, необходима большая подготовительная работа по созданию условий и благоприятной среды для формирования ресурсных рынков.

В работе справедливо подчеркивается тесная, взаимосвязь новых рынков, их зависимость от особенностей производственных условий китайской деревни. Так, например, создание рынка земли вызвано тем, что сложившаяся с переходом к семейному подряду система землепользования не обеспечивает эффективности сельскохозяйственного производства. Мелкие подрядные наделы делают невозможным использование современных средств производства, ведут к распылению ресурсов, не позволяют добиться изменений в производительности труда. Разрешение рыночного обращения земли преследует цель формирования хозяйств более крупных масштабов, повышение эффективности производства при сохранении государственного контроля за использованием земель. Поэтому поощряется концентрация земли в руках умелых крестьян.

Рынок рабочей силы также обусловлен спецификой китайской деревни - наличием огромных излишков трудовых ресурсов в земледелии, их перемещением в иные сферы деятельности. Его первыми опытами стали набор крестьян по подряду на городские стройки и в меньшей мере организованный набор рабочих на зарубежные стройки и другие объекты. Однако главными потребителями излишков рабочей силы остаются многочисленные предприятия волостей и поселков. Положительными сторонами этого рынка стали смягчение противоречия между людскими и земельными ресурсами в деревне, увеличение доходов крестьян, повышение их квалификации, ускорение процесса размещения рабочей силы, что стимулирует темпы развития районов, где оседает эта рабочая сила.

Особенностью рынка капиталов, как отмечено в работе, является наличие "кооперативных денежных фондов", создаваемых с широким привлечением средств крестьянских дворов, хотя основу их составляют средства коллективных хо-

зяйств и сельских предприятий.

Несомненным достоинством рецензируемой работы является анализ макрорегулирующей роли государства в отношении рынка как важнейшего элемента формирующейся рыночной системы. Опыт реформы, особенно в период 8-й пятилетки (1991-1995), когда снизилось среднедушевое производство продовольствия, заставил правительство сделать однозначный выбор в пользу регулируемого рынка и приступить самым серьезным образом к созданию механизма макрорегулирования. Потребность в формировании целостной системы макрорегулирования упиралась в необходимость проведения глубоких реформ всех основных систем макроэкономики - цен, налогов, денежной и финансовой систем, инвестиций, дотаций, которые начались лишь с 1993-1994 гг. Уже из этого перечня виден примат рычагов обращения в процессе воспроизводства, регулирования агросферы.

Автор отмечает, что система регулирования сельского рынка в КНР формируется по трем основным направлениям: защита, регулирование, управление рынком. Функции государства в этой системе включают в себя использование налоговой, кредитной, ценовой политики, расходы на инвестиции, на науку, дотации и обеспечение гарантий материально-снабжение, рост доходов крестьян, перемещение излишков рабочей силы из земледелия в другие сферы деятельности, создание резервных фондов зерна, планы импорта и экспорта зерна, усиление правовой основы рынка.

В качестве основных рычагов макрорегулирования сельского рынка в книге выделены реформы цен, денежной и налоговой систем, новые формы планирования, правовые рычаги, стратегия экономического развития. Одним из наиболее действенных средств регулирования рынка являются ценовые рычаги. Автор приводит характерный пример, когда в начале 90-х годов предоставление больших свобод стихийному рынку привело к негативным последствиям, проявившимся в отставании инвестиций и кредитной помощи от потребностей села, низкой рентабельности зернового хозяйства и снижении темпов его роста, диспаритете цен, усилении местнических тенденций. Либерализация рынка в 1991-1993 гг. вызвала резкий скачок цен на зерно, а затем и другие виды продовольствия.

К теории и практике управления сельской экономикой на микроуровне относится оценка роли семейного подряда в китайской деревне, приведшего к созданию мелких, разбросанных крестьянских хозяйств. Вряд ли можно согласиться с автором, который не усматривает негативных сторон этой формы хозяйствования и считает, что эти мелкие парцеллы еще не исчерпали своей потенции в большинстве регионов страны. Очевидно, что мелкие хозяйства мало восприимчивы к внедрению достижений науки и техники, не имеют возможности увеличивать инвестиции, повышать эффективность производства, противостоять стихийным бедствиям. Тяготеющее к универсальности и самообеспечению мелкокрестьянское хозяйство затягивает сроки модернизации и выступает тормозом на пути включения деревни и крестьян в систему рынка. На одного занятого в сельском хозяйстве по-прежнему приходится менее 0,1 га земли.

К сожалению, ряд вопросов остался за рамками исследования, предпринятого

в Китае. В частности, это относится к внешнему рынку сельскохозяйственной продукции, внешнеэкономической аграрной политике КНР. Отсутствуют критерии эффективности аграрных программ при переходе к рынку, анализ мероприятий государства по их реализации, вопросы продовольственной безопасности, соотношения средств, выделяемых из центрального и региональных бюджетов в структуре государственной финансовой поддержки сельского хозяйства.

Однако отмеченные недостатки адресованы главным образом дальнейшей работе автора над исследуемой темой и не снижают несомненных достоинств книги, вклада автора в разработку методологии проблем сельского рынка, его направлений и путей развития. Нет сомнений, что рецензируемая работа будет с интересом встречена широким кругом читателей, заинтересованных в ознакомлении с китайскими реалиями, а также всеми специалистами, занимающимися рассматриваемыми в ней проблемами.

© 1998

*И. Коркунов,
кандидат экономических наук*

Чой Сеонг-Аэ. Эволюция отношений России с государствами Северо-Восточной Азии. М.: Научная книга, 1998. 209 с.

Выход в свет книги южнокорейского исследователя, подготовленной при содействии Российского Научного Фонда и Дипломатической Академии МИД РФ (ответственный редактор – профессор Вл. Ф. Ли) не остался незамеченным среди исследователей и экспертов-практиков, посвятивших себя изучению внешней политики России на азиатско-тихоокеанском направлении. Прежде всего потому, что монография Чой Сеонг-Аэ охватывает комплекс узловых проблем внешнеполитической стратегии РФ в Северо-Восточной Азии. И еще потому, что попытка непредвзятого освещения современной азиатской политики России политологами Республики Корея – явление не столь частое.

На основе нового документального материала (в работе скрупулезно и с необычайной тщательностью проанализированы все значимые публикации по теме на русском языке) автор критически анализирует вопросы обеспечения региональной безопасности, а также противоречивое развитие отношений России с Китаем, Японией, США, КНДР и РК. Особое внимание уделено перспективам упрочения геополитической роли России в СВА в постконфронтационных условиях на основе взаимодействия и сотрудничества всех государств региона.

Рассматривая достижения и провалы постсоветской политики на восточном направлении, автор монографии отмечает, что кризис внешнеполитической стратегии РФ в начале 90-х гг. был обусловлен не только дипломатическими просчетами Кремля. В отличие от советских времен, российской дипломатии приходится действовать без традиционных опор, каковыми в первую очередь является военно-стратегический потенциал. Свертывание российского военно-оборонительного потенциала стало, как показано в книге, особенно ощутимым в Северо-Восточной Азии (СВА) и АТР.

По мнению Чой Сеонг-Аэ, социально-экономическая малоразвитость российского Дальнего Востока будет в обозримой перспективе препятствовать подключению России к интеграционным про-

цессам в АТР. Разрушение прежней модели евразийского разделения труда, сложности модернизации, полоса крупных межэтнических конфликтов по всему периметру СНГ, массовый наплыв беженцев, люмпенизация значительной массы трудового населения, падение рождаемости и другие социальные неурядицы будут в немалой степени тормозить приобщение РФ к бурным процессам азиатско-тихоокеанской интеграции. Особенно острой проблемой для российского Дальнего Востока будет оставаться дефицит экономически активного населения.

Тем не менее, автор книги не склонен впадать в полный пессимизм, констатируя, что «в постконфронтационном мировом сообществе Россия, создавая неуклонно вокруг себя ближние, средние и дальние периметры стратегического взаимодействия, будет постепенно превращаться в один из важных полюсов глобальной геополитики, оказывающего, в свою очередь, серьезное воздействие на судьбы всего человечества». И в этом процессе «грядущего ренессанса внешнеполитической стратегии России» азиатско-тихоокеанское направление будет приобретать все более значительный удельный вес.

Переходя к анализу эволюции и перспектив двусторонних отношений России со странами субрегиона, автор особо выделяет российско-китайские отношения, которые занимают (по масштабам, силе воздействия на геополитические реальности) одно из самых важных и заметных мест в мировых делах. Ведь действующими лицами здесь выступают крупнейшие по демографическим критериям, территории и запасам природных богатств ядерные державы, обладающие колоссальным военным и экономическим потенциалом.

Нельзя не согласиться с Чой Сеонг-Аэ в том, что КНР и РФ, будучи великими державами, имеют свои автономные национальные интересы и устремления. Каждая из них может иметь свои собственные, не совпадающие друг с другом региональные и геополитические планы,

призванные занять более весомое место и играть более значительную роль в иерархии мировых «центров силы». Но это не означает отсутствия весомых предпосылок для установления прочного политического и экономического сотрудничества и взаимодействия.

Монография содержит ряд оригинальных суждений относительно создания региональной системы безопасности в СВА и АТР. По мнению автора, речь должна идти о новой модели отношений, которая опиралась бы на принципы взаимного доверия, уважения, равенства, служила бы платформой плодотворного долгосрочного сотрудничества, сообща гарантировала бы политическую и экономическую безопасность стран региона, равно как и их участие в решении жизненно важных вопросов. В перспективе это может привести к созданию своего рода «пояса безопасности» в АТР, к достижению такого уровня динамического равновесия, при котором в максимальной степени соблюдались бы интересы и права всех сторон.

Особое место в книге (и это вполне естественно) занимает анализ ситуации на корейском полуострове, актуальная и потенциальная роль России в разрешении Корейской проблемы. Здесь позиция автора весьма скептична – он поддерживает точку зрения тех, кто считает, что после распада СССР на Корейском полуострове происходит радикальная перегруппировка геополитических сил, в ходе которой на ключевые позиции выдвигаются США. Роль второго плана здесь все активнее закрепляет за собой Пекин, конкурирующий в этом с Токио. Постсовет-

ская Россия, особенно после попыток радикальной переориентации своей внешнеполитической стратегии в направлении атлантизма, оказалась оттесненной другими державами и в лучшем случае удерживает четвертое (после США, Китая и Японии) место.

Вместе с тем, полагает автор, тенденция ограничить роль России функциями безучастного дипломатического наблюдателя за тем, что происходит по обе стороны 38 параллели, лишена обоснованных и реальных перспектив. Сколь бы ни были влиятельны в стратегическом и дипломатическом плане Вашингтон и Пекин (а также Токио), им не под силу без России окончательно и решить проблему мирного урегулирования на Корейском полуострове. «Ключевые документы по Северо-Восточной Азии, где не будет подписи России, – справедливо заключает Чой Сеонг-Аэ, – трудно будет назвать универсальными».

Монография не свободна от ряда односторонних и порой излишне категоричных суждений относительно внешнеполитической стратегии России в СВА и АТР, которые, по всей видимости, обусловлены наличием определенных штампов и традиционных представлений, бытующих в южнокорейской политологии. Однако у автора явно отсутствует предвзятость и очевидно стремление искренне разобраться в клубке проблем и противоречий, связанных с избранным им предметом исследования. Книга будит мысль, провоцирует дискуссию и дальнейший анализ – в этом ее очевидная польза и научно-публицистическое предназначение.

© 1998

В. Петровский
кандидат исторических наук

Юбилей ученого

Вадиму Михайловичу Солнцеву - 70 лет

Вадиму Михайловичу Солнцеву, директору Института языкознания РАН, члену-корреспонденту Российской академии наук, академику Российской академии естественных наук, лауреату Государственной премии, профессору, доктору филологических наук исполнилось 70 лет.

В.М.Солнцев прошел большой и плодотворный творческий путь. Он родился 28 марта 1928 г. По окончании в 1949 г. китайского отделения Московского института востоковедения, в течение девяти лет преподавал там же китайский язык, а в Московском институте международных отношений МИД СССР с 1954 до 1958 г. В 1953 г., по окончании аспирантуры, В.М.Солнцев успешно защитил кандидатскую диссертацию, посвященную узловым вопросам строя китайского языка, а затем - вот уже 40 лет - ведет научно-исследовательскую работу в стенах Академии наук. В 1971 г. В.М.Солнцев защитил докторскую диссертацию "Язык как системно-структурное образование", в том же году ему было присвоено ученое звание профессора, в 1984 г. - звание члена-корреспондента АН СССР (РАН), в 1992 - звание академика РАН, в 1996 г. он был удостоен звания лауреата Государственной премии.

Видный ученый-лингвист широкого профиля, почти 50 лет посвятил В.М.Солнцев исследованию языков Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии. Его научные идеи, изложенные более чем в 350 публикациях, получили широкую известность как в нашей стране, так и за рубежом. Многие его работы переведены на восточные и европейские языки.

Необычайно широк круг научных интересов В.М.Солнцева. В его исследованиях выделяется несколько основных направлений: разработка проблем общей теории языкознания и философских основ языкознания, исследование восточных языков, прежде всего китайского, вьетнамского, монгольского, алтайских и других, разработка общей теории изолирующих языков и типологии языковых союзов. Значителен вклад В.М.Солнцева в отечественное китаеведение. Вопросами грамматического строя китайского языка посвящены его монография "Очерки китайского языка" и другие работы.

Обладая незаурядным организаторским талантом, В.М.Солнцев за годы своей деятельности вырос в крупного организатора науки. На протяжении 22 лет он был заместителем директора Института востоковедения АН СССР. В настоящее время - директор Института языкознания РАН (с 1988), ведущего языковедческого научного учреждения нашей страны, член специализированного Совета по защите докторских диссертаций, председатель российской части совместной Российско-вьетнамской Комиссии по сотрудничеству РАН и Научного центра по общественным и гуманитарным наукам СРВ, член бюро

Отделения литературы и языка РАН, член редакционной коллегии журнала "Вопросы языкознания", главный и ответственный редактор большого числа коллективных, серийных и индивидуальных монографий. Длительное время был членом экспертного совета ВАК'а, а также председателем филологической секции Комитета по Ленинским и Государственным премиям.

На протяжении всей своей деятельности В.М.Солнцев всегда активно участвует в общественной жизни страны. Он - заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы, президент Общества монголоведов РАН, вице-президент Международной Ассоциации монголоведов.

Научная и общественная деятельность В.М.Солнцева высоко оценена как в нашей стране, так и за рубежом. Он награжден орденами "Трудового Красного знамени" и "Дружба народов", медалями "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина" и "В память 850-летия Москвы"; награжден орденом "Дружба" СРВ и медалью "50 лет Монгольской народной революции" МНР; избран почетным членом Международной Ассоциации монголоведов; ему присвоено звание почетного профессора Университета провинции Хэйлунцзян (КНР, Харбин).

Крупный ученый, организатор науки, общественный деятель, Вадим Михайлович Солнцев находится сейчас в расцвете своих творческих сил и способностей. Отмечая эту знаменательную дату в его жизни, коллеги и друзья желают ему крепкого здоровья, большого личного счастья и новых свершений на благо российской науки. Коллектив Института Дальнего Востока РАН и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока" присоединяются к этим поздравлениям и в свою очередь желают Вадиму Михайловичу многих лет и творческих успехов на поприще отечественной науки.

Памяти М.Я.Сушанло 1924-1998

Ушел из жизни Мухамед Ясызович Сушанло - доктор исторических наук, член-корреспондент Академии Наук Кыргызстана. Он родился в 1924 г. в семье крестьянина в Бишкеке. В 1942 г. ушел на фронт, и до Победы прошел многие версты по дорогам Великой Отечественной войны. Был награжден орденом и медалями. Вернувшись домой, поступил в Кыргызский Педагогический институт, затем в аспирантуру Института востоковедения АН СССР и в 1953г. защитил диссертацию, посвященную Бай Янху, вождю дунганского восстания во второй половине XIX в. в Синьцзяне.

Вся его творческая жизнь была связана с Академией наук Киргизии. Он опубликовал свыше ста работ, раскрывающих историю дунганского народа, его национальные особенности, обычаи и обряды. Фундаментальный труд Мухамеда Ясызовича "Дунгане (Историко-этнографическое исследование)" был защищен им как докторская диссертация и стал настольной книгой для отечественных и зарубежных исследователей Китая и Центральной Азии. Цикл работ был посвящен и взаимоотношениям Киргизии и империи Цин. М.Я.Сушанло являлся выдающимся знатоком истории и современного состояния ислама в Китае. Он много раз бывал в научных командировках в КНР, у него были хорошие контакты с китайскими учеными и с представителями мусульманских кругов Китая. В течение многих лет профессор Сушанло был лидером востоковедов Кыргызстана, именно он возглавил Отдел востоковедения АН Киргизии, который фактически был прообразом Института востоковедения, так как проводил комплексные исследования по широкому кругу проблем.

М.Я.Сушанло как член ассоциации китаеведов часто бывал на востоковедческих конференциях в Москве, участвовал в международных конгрессах. Его отличали редкое обаяние и коммуникативность. Он привлекал к себе сердца людей умом и открытостью характера, простотой и замечательным юмором. Сплав этих черт свидетельствовал о мудрости прекрасного человека.

Он был смел, мудр, и, как сильный человек, уверен в своей правоте и чистоте своих помыслов и намерений, а потому всегда доброжелателен и жизнерадостен. Он воплощал в себе все лучшее, что есть в культуре ислама, Советского Союза, Кыргызстана и Китая. На Востоке для него не было тайн. Он был уверен в том, что взаимопонимание между Востоком и Западом зиждется на знании особенностей друг друга, на доброжелательном стремлении постичь то, что еще не разгадано. Своими трудами, всей своей жизнью он призывал нас к единству во имя высокой цели - поддержания добрососедских, дружественных отношений между государствами разных цивилизационных комплексов, во имя построения достойных условий существования всех представителей нашей земной обители. Чистое сердце порождает благородные помыслы, идеи добра не умирают вместе с их носителями. Мы всегда будем помнить нашего дорогого друга и коллегу - Мухамеда Ясызовича Сушанло - как крупного ученого-востоковеда, человека светлого ума и большого сердца.

*Редакция и редколлегия журнала
"Проблемы Дальнего Востока"*

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 10.04.98 г. Подписано к печати 15.05.98 г. Формат бумаги 70x100 1/16
Офсетная печать. Усл.печ.л. 13,0. Усл. кр.-отт. 14,6 тыс. Уч.-изд.л. 14,6 Бум. л. 5,0
Тираж 1106 экз. Зак. 3727.

Оригинал-макет © 1998 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в типографии "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 8.